

Легенды, рассказанные в пути

16+

Александр Вол и Орна Анна Грибова

Александр Вол

Легенды, рассказанные в пути

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вол А.

Легенды, рассказанные в пути / А. Вол — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Обычно в аннотациях пишут, где и когда происходит действие в книге, кто главный герой и что с ним случилось. Перед вами сборник «Легенды». Место действия: везде. В лесу и в горах, в лачугах и дворцах, в море и в болоте, в монастырях и мегаполисах. Время действия: всегда. В «стародавние времена», в средневековье и в современном мире, вообще «вне всякого столетья». Главный герой - кто угодно! Цари, рыцари, барды, молодые девушки и мудрые старцы, графы и олигархи, врачи, колдуньи, охотники, олени... В том числе и вы, читатель. А что же с героями происходит? Они сомневаются, они боятся... Боятся сделанных ошибок и еще не сделанных, боятся сбиться с пути, боятся не заметить главного, боятся пропустить свою жизнь, как пропускают свой автобус. Но помощь рядом. И выбор всегда есть.

© Вол А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Книга, с которой можно поговорить по душам	5
Предисловие	6
Благодарности	8
***	10
Путь.	12
Право выбора	14
***	17
***	19
Колдуны и ведьмы	24
Пояснение к притче.	30
Гуру	33
***	36
***	40
Власть	43
Три сестры (фацетия)	56
***	60
Свеча.	75
Художник.	77
Груз.	80
Домино.	83
Желание.	87
***	91
Ведьмы.	95
***	99
Расставание	104
Странник.	106
Просветление	111
***	113
Умница	118
***	123
Караван	127
Звезды	132
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Книга, с которой можно поговорить по душам

Эта книга – собрание легенд, историй, притч. Мудрая, размышляющая, неторопливая, как река Жизни. Сразу, без лишних слов и вступлений, хочу сказать о ней самое главное: она способна помочь. Для этого она и была создана, сначала в устной форме, в виде рассказов, которые не давали водителю заснуть за рулем во время долгих переездов. Потом было принято решение эти рассказы записать, и они обрели письменную форму.

Мне кажется очень примечательным и символическим то, что рождение этой книги произошло в пути для поддержки уставшего от дороги человека. И давно уже пройден тот путь. Но путь жизни остается, и поддержка и помощь требуются постоянно.

Язык «Легенд» похож на танец, который, кстати, часто упоминается в самих текстах. Он ритмичный, плавный, протяжный, даже гипнотизирующий долгими синтаксическими периодами. Он постепенно приковывает к себе внимание, и вот ты уже следишь за ним, не отвлекаясь, за каждым новым движением видишь новый ответ на свой вопрос. Орнамент текста, как и орнамент танца, повторяется: учение, взросление, принятие решения, выбор и результат. Поначалу подобранные слова кажутся однообразными (герои разных историй очень часто то рассмеются, то возмутятся, то просто спросят или воскликнут), но постепенно начинаешь понимать, что это мудрое однообразие, искреннее и бесхитрое, настраивающее на открытый разговор. Раз надо спросить – спроси, не заботясь о том, что до тебя уже многие спрашивали. Надо рассмеяться – смейся, это прекрасная реакция. И неважно, кто является героем очередной легенды: граф, дельфин, бизнесмен или молодая девушка. Всё это, по сути, маски, которые могут быть примерены на каждого из нас. Неважно, какое препятствие преодолевает герой и какой искус он проходит, учится ли в горном монастыре у монахов, в избушке на краю болота у травницы или в институте в центре мегаполиса, именуется он врач или целитель, травник или фармаколог. От названий масок главное не зависит. А главное – пойти по своему пути, кем бы ты ни был.

У текстов есть скорость течения, как у реки, и это прекрасно чувствуется. С первого предложения читателя подхватывает стремительный сюжетный поток, через подводные камни и пороги жизненных перипетий выносит на водный простор, простор размышлений, и уже здесь спокойно, без суеты, читателя качает на гладких волнах монологов Учителей и Наставников. И спокойно выносит к надежному берегу с ответами и результатами после пройденных испытаний.

Вопросы, поднимаемые в «Легендах», общечеловечны, вечны и жизненны. Поэтому легко узнать в каком-нибудь герое себя, узнать свою историю и увидеть выход из тупика. Именно так произошло и со мной. Эта книга поговорила со мной как раз о том, о чем мне хотелось поговорить. Выказала свое мнение. И оставила мне право выбора. Потому что очень важное качество книги – это отсутствие менторского тона (несмотря на огромное количество учителей, наставников, мастеров и священников). Тогда возникает читательское доверие, и получается разговор по душам.

Анна Игнатова
Октябрь, 2019

Предисловие

Легенды рассказанные в пути – это книга, которая родилась в пути в прямом и переносном смысле. Саша начал рассказывать мне легенды, чтобы я не заснула за рулем, возвращаясь в Хайфу с вечерних уроков йоги, которые я проводила в Иерусалиме. После глубокого расслабления в конце урока было очень непросто удержать меня от сна во время монотонного вождения, и поэтому героями легенд становились разные отражения меня, мои мысли и вопросы, волновавшие меня в то время. Так и начался наш долгий философский разговор о Пути, о жизни, о любви и дружбе, о предназначении и смысле жизни.

Саша Вол – Ученый и заводской инженер с опытом испытаний техники и ремонтных работ на кораблях и электростанциях специалист в области термодинамики и ядерной энергетики, после репатриации в Израиль, начал работать в области геофизики, медицины и биологии. Автор ряда патентов и статей по геофизике, медицине и биофизике.

Мне повезло работать вместе с Сашей почти 20 лет, создавать вместе и реализовывать наши идеи в области медицины и фармакологии. В самом начале пути, 17 лет назад, когда родились и были написаны эти легенды, я только закончила докторат в области нейрофизиологии, преподавала йогу, занималась альтернативной медициной и искала мосты между наукой и духовностью, медициной и целительством. Наши идеи выросли в стартап, где мы продолжали заниматься исследованием и разработками вместе с нашими чудесными партнерами и коллегами. Диалог в легендах был для нас отдыхом и возможностью обсудить мои, в основном, вопросы совсем с другой стороны.

Д-р Александр Вол, родился 29.12.1941, закончил Ленинградский кораблестроительный институт и защитил кандидатскую степень по химии в МГУ. В Израиле с 1992 года. Автор более 50 статей и патентов в области физики, химии, геологии и медицины.

Д-р Орна Анна Грибова, родилась 19.03.1973 в Ленинграде. В Израиле с 1990 года, закончила ВА по биологии и PhD по нейробиологии в Иерусалимском университете. Преподаватель терапевтической йоги с 1998 года. Автор более 15 статей и патентов.

Орна Анна Грибова, осень 2019 года

Благодарности

Хочется выразить особую благодарность моей любимой детской писательнице Анне Игнатовой за поддержку и редакцию этого сборника легенд.

Огромная благодарность Дворе Котовски (Deborah Kotovsky), обогатившей наши легенды чудесными иллюстрациями. Работа с Дворой дала мне ощущение еще одного измерения и более объемного восприятия легенд.

И, конечно, самая большая благодарность вам, наши читатели, без которых эта книга не имела бы смысла.

Не было ничего кроме тьмы и мглы. И в этой тьме и мгле, перебрасываясь звездами и созвездиями, были два брата, два Бога, добрый и злой. И добрый брат взял малую толику звездной пыли и слепил из нее Землю. А злой брат поместил в нее землетрясения и вулканы, ураганы и наводнения. Добрый брат посадил на Земле цветы, взрастил деревья и травы, а злой брат превратил в яд смолу некоторых деревьев, растущих в пустыне, и некоторые камни, лежащие на берегах ручьев. И рыб в океане, в озерах и реках создал добрый брат, а акулы и пираньи появились в них от злого брата.

Вот поглядел на мир добрый брат, и понравился ему мир, и сказал он: «Я хочу сотворить хозяина этого мира». И взял он глину, и вылепил из нее мужчину и женщину, и поставил на берегу ручья. И призвал он собаку, а собака тогда была еще чистым животным, и шерсть не росла тогда у нее между когтями. И не питалась она добычей, а собирала плоды, упавшие с деревьев. И сказал он собаке: «На тебя оставляю я свои создания, ибо все, что я сделал до сих пор, было испорчено моим братом. Самое сильное заклинание и самый сильный талисман оставляю я тебе вместе со своим покровительством. Храни мужчину и женщину до моего возвращения». И улетел добрый брат.

И пошли один за другим дни, и каждый день собака поддевала плоды из запасов, которые ей оставил добрый брат, и отпивала воды из меха, оставленного им. И каждый день в 30-40 шагах от людей, у излучины реки, ставил злой брат котелок с чистой водой и корзину с лучшими плодами.

На пятый день кончились запасы плодов, оставленных добрым братом, и стала несвежей вода, оставленная в мехах. И на седьмой день не выдержала собака и, оглянувшись вокруг и никого не увидев, подбежала к месту с оставленной едой, и в это время злой брат вдохнул в души людей злобу, коварство, зависть, неверность, трусость и и другие пороки. И только он успел это сделать и спрятаться в скалах, вернулся добрый брат. Когда он увидел черные души людей, он очень рассердился. Он поднял громадную чашу, которая была в его руках и светилась неземным светом, и с силой бросил ее на Землю. На тысячи кусков разлетелась чаша, и на миллионы искр на небе, на земле и на воде рассыпалось ее содержимое. И поднялись горы Тибета на месте, где упали осколки.

И проклял Бог собаку, и сказал ей: «Ты не выполнила искуса, который возложил я на тебя, и будешь проклята ты и твоё потомство. И будешь питаться ты трупами и костями убитых животных, и служить человеку и в жару, и в холод, и на охоте, и в битве, и в доме, и в поле. Будешь служить ему защитой и пищей, будешь терпеть от него побои и есть из его рук. И собака побежала прочь, и лапы ее покрылись шерстью. И обратился Бог к людям: «Весь мир обошел я, собирая суть сущего в этот сосуд, разбившийся на миллионы кусков. Мир хотел подарить вам я и знание об этом мире. Но не может суть сущего принадлежать людям с черным сердцем. Нет пути к истине на тропе порока. Вы, ваши дети и ваши внуки будете всю жизнь собирать эти крупички и платить за каждую из них своей жизнью и жизнью своих детей. Узкими горными тропами будут ваши дороги. Пропасти, камнепады и ледопады лежат на вашем пути, но с каждым метром пути, с каждой каплей пролитой крови и чашей пота, с каждой крупичкой приобретенного знания будет выходить из ваших душ зловонная мерзость и заменяться истиной. И только тогда, когда большая часть зла заменится теплым светом истины и добра, вы увидите свет далеких звезд и начнете собирать осколки нашего мира.

Путь.

По ущелью, между скал и распадков, по которым сбегали вниз быстрые горные ручьи, текло, подобно реке, громадное стадо оленей. Впереди шли несколько десятков вожаков, пробивая дорогу в глубоком снегу. За ними, окруженные молодыми самцами, шли самки с пометом. А замыкали стадо несколько сотен двух-трехлетних самцов, прикрывая отстающих и слабых оленей от рыскающих волков и шатунов. Выше по склону с обеих сторон шли группы по несколько оленей, которые первыми заходили в распадки и проверяли, нет ли там опасности схода лавин или нападения волков, которые могли спрятаться в засаде на пути стада. Да и сами вожаки, которые прокладывали путь, каждый раз, когда стадо должно было отойти от ручья, текущего в ущелье, чтобы нависающую скалу, искали на снегу следы оленей-разведчиков, которые должны были уже спуститься к пастбищу по ту сторону перевала. Время от времени олени, которые шли сбоку от стада, спускались вниз и занимали место среди самых ослабевших, а им на смену выходили другие из числа бойцов, охранявших стадо. И только разведчики, ушедшие вперед, не возвращались и не просили смены.

Стадо медленно текло вперед и вверх, пока не достигло мха, растущего на камнях около водопада, образованного горным ручейком. Олени остановились, чтобы попить и немного подкрепиться перед последним броском. Несколько молодых оленей попытались пройти вперед мимо них, чтобы выйти на тропу, проложенную разведчиками. Может быть, они надеялись, что впереди есть еще одно место с едой и питьем, которое они смогут получить до прихода самых сильных и яростных самцов-вожаков. Вслед за ними попытались пойти несколько оленят, но были жестоко остановлены самками, отвечающими за молодняк.

«Эти дураки, – сказала старая самка, – уже получили почетное право без всякого толка рисковать своей головой, а вы еще должны вырасти и вернуть ваш долг стаду собственной жизнью, или в разведке, или защищая приплод».

Оленята скулили, жаловались, но самки были непреклонны.

Вожак как будто и не заметил нарушения их привилегий и после получасовой задержки для питья и еды не спеша двинулись дальше.

Через полтора часа пути на тропе, проложенной в глубоком снегу, наст по сторонам оказался окрашенным кровью. А еще через полчаса вожаки дошли до группы молодых оленей, которые, совершенно обессиленные, лежали на снегу, судорожно поводя боками, с израненными в кровь ногами и слезами бессильной ярости на глазах.

Вожак остановился, потом четверо или пятеро из них пробили тропку влево к ручью и нашли по следам одного из разведчиков несколько прослоек каменной соли, выходящей на поверхность склона. Легко подталкивая рогами упавших, они заставили их подняться, чтобы попить воды и полизать соли. Сделали то же самое сами и пошли дальше, не обращая внимания на беглецов, которые, склонив головы, заняли теперь места в середине стада среди маток и оленят.

Через два дня тяжелого пути стадо спустилось к Богатым пастбищам по ту сторону тяжелого снежного перевала и встретили трех из семнадцати оленей, которые нашли это пастбище и проложили к нему дорогу.

Вечером молодой олененок, тыкаясь мордой в мамино теплое брюхо, сказал, что он хочет тоже быть разведчиком, как его отец, перед которым склоняли головы даже самые сильные

вожаки. Усталый, измученный олень, сильно отошавший за то время, что он шел один впереди стада, сказал, тяжело поводя боками: «Сынок, это последнее, чего я хотел бы для тебя, потому что мало кто из разведчиков доживает до старости и никто из них никогда не становится вожаком стада. В тех редких случаях, когда на короткое время кочевья к новым пастбищам один из разведчиков возглавляет стадо, его власть кончается нередко вместе с его жизнью, потому что нельзя одновременно бороться за знание и за власть. Потому что властвовать могут только те, для кого власть дороже, чем самки и дети, дороже, чем знание и даже самая жизнь. Только тот, кто готов снова и снова вступать в смертный бой за свою власть и не щадить в этой схватке ни себя, ни других, может взять и удержать власть. Если ты имеешь то же мужество, но без жестокости, если ты имеешь смелость бросить вызов неизвестности и твое любопытство больше любви к твоей самке и к твоему потомству, ты можешь быть разведчиком, который на самом деле жесток, но не по отношению ко всему стаду, как вожак, а по отношению к своей семье. Это значит, что его семья, что его потомство живут тяжелее и подвергаются большей опасности, чем семьи большинства оленей, которые находятся постоянно рядом со своими самками и потомством, защищая их и помогая им во время трудных переходов. Поэтому больше всего я хотел бы, чтобы ты был как все и встречал опасность в большом стаде, а не на опасных тропах разведчика. Нелегко выйти на тропу разведчика и добиться признания от вожаков стада. Один из ста, а может из тысячи разведчиков получает его. И только один из семи или десяти разведчиков остается в живых после двух-трех кочевий, подобных нынешнему».

Право выбора

Собиралось в поход великое войско, и предводители воинов пришли в шатры звездочетов и прорицателей и мудрецов-пророков. И каждый из вождей попросил предсказать ему, какие опасности подстерегают его на дороге, где жизнь его может быть сломана копьем неудачи или хитростью подлого врага. И ответили пророки: «Святую войну начинаете вы во славу Великого Аллаха, и он обещает вам победу, если мысли ваши будут чисты, поступки безупречны, а стойкость бесконечна. Но не расставлены вехи на ваших дорогах, и каждый воин и вождь должен сам принимать решение и тем самым сам определять свою судьбу. Аллах благословил вас и вручил вам оружие победы, но использовать это оружие праведно и со славой – это ваш долг, ваш выбор и ваша судьба».

И рассердились вожди и пошли к отшельнику, который уже больше тридцати лет жил в крошечной келье один в пустыне и каждый день по десять часов в день молился Богу и погружался в созерцание. И попросили его сказать им, на каких дорогах ждет их слава и победа, а на каких позор, несчастье и гибель.

И ответил отшельник: «Аллах не нарушает собственных законов. Всем дал он закон и право выбора. Точное предсказание лишает человека права выбора и решения своей Судьбы, и потому то, что точно предсказано, не может произойти. Нет у судьбы проторенной дороги. Там, где в скалах вырублены ступени тропы пророка, нет пути для смертных, и тысячи лет нетронутой лежит пыль на святых гробницах. Идите и не кощунствуйте. Небеса дали вам право выбора и никто не может отнять его у вас».

Пришел к отцу сын, молодой воин. Он собирался на войну. И спросил отца: «Отец, я получил твое оружие и, надеюсь, унаследовал твою храбрость. Но страшно мне, я молод, и большой путь, полный опасности и боев лежит передо мной. Скажи, как я могу узнать, где поджидает меня опасность, чтобы справиться с ней и вернуться домой к тебе, к маме, к любимой. Кто может предсказать мне мою Судьбу и научить меня, как мне преодолеть страх?» И ответил отец: «Сын мой, двадцать лет тому назад я был такой же, как ты и также боялся своей Судьбы. Нет людей, которые не боялись бы, и нет никого, кому прорицатели помогли бы избежать Судьбы. Ибо любое прорицание, срывающее покрывало с тайны будущего, убивает это будущее. Потому что не существует единственного пути под солнцем и не могут созреть нежные ростки будущего в обжигающем свете его лучей. Всходы прорастают в земле и только там они могут уцелеть. Я тебе дал надежное оружие, крепкие мускулы и хорошую голову. Не бойся взглянуть на себя так же прямо, как ты со мной говоришь сейчас, и не трать лишних сил на то, чтобы уверять кого-то, в том числе и себя, в своей храбрости, мудрости и непогрешимости. На блестящей поверхности твоего меча, в реке или в котелке с водой всегда смотри прямо себе в глаза и помни: чтобы достойно встретить любой поворот Судьбы, ищи только правду. Только терпение и сила духа, верное оружие и любовь близких должны быть в сумках твоего седла в этом походе. Оставь спесь и гордыню вождям, а мертвую ложь – прорицателям. И только тогда, боясь за свою жизнь, понимая свой страх и повинувшись своему долгу, ты можешь сберечь надежду и вернуться домой».

Девушка и юноша, взявшись за руки, бежали через лес. Они вышли на берег тихого лесного озера и застыли над прозрачной, как стекло, водой с листиками лилии и каменистым дном. В глубине мелькали тени рыб. Залюбовавшись цветами и солнцем, они просидели несколько часов и заметили время, только когда небо стало темнеть. И тогда в темноте распадка они заметили огонек крошечного домика, почти землянки, притаившегося у лесистого склона. Они проголодались и решили подойти к домику попросить чего-нибудь поесть и попить.

Когда они подошли к домику, дверь отворилась, и красивый седой старик в белой полотняной рубахе и таких же штанах, стоя в дверях со свечей в руке, пригласил их войти.

– Как ты узнал о нашем приходе? – спросил юноша. – Лесные жители, – рассмеялся дед, – отметили ваш проход чириканьем, свистом, хрустом веток. Они так много болтали о вас, что вас невозможно было не заметить и не услышать.

Юноша и девушка вошли в домик. В углу единственной комнаты был сложен очаг из грубых камней, напротив очага стояла простая кровать, фактически лежанка, под которой были сделаны выдвижные ящики для снастей. Тяжелый стол из обтесанного дерева стоял посередине, и на нем был нехитрый обед с мясом, щами и лесными ягодами. Чурбаки заменяли табуретки и стулья.

– Садитесь, – предложил хозяин.

Они сели и замолчали и услышали шум леса, который проникал в эту избушку, как будто не было стен. Стрекот кузнечиков, пересвист птиц, шуршание листьев – казалось, сюда доходило все. Старик молча улыбался.

– Что это? – спросила девушка.

Старик взял ее за руку и подвел к стенке. В тяжелом срубе, кроме окон, были сделаны слуховые отверстия со вставленными в них горшками из обожженной глины. Эти резонаторы пропускали в дом звуки и не пропускали ни тепла, ни холода, ни дождя.

– Кто сделал это? – спросила девушка.

– Я, – ответил старик.

– А для чего?

– Чтобы быть счастливым. Чтобы растворяться в этих звуках, в этой лесной жизни и днем и ночью, и во сне и наяву.

– А что такое счастье? Разве можно быть счастливым, живя вдали от людей, не зная ничего о том, что происходит в мире, ни с кем не встречаясь и ничего не желая больше?

– Милая девушка, каждый возраст знает свое счастье или не знает его вообще. Ты видишь закат, и он очень красив. Но ты не можешь сказать, что ты можешь его достигнуть, и что завтрашний закат будет менее красивым. Сегодня для тебя самым большим счастьем кажется любовь и свадьба с твоим женихом. Вчера счастьем казалось стать взрослой и самостоятель-

ной. А завтра родить ребенка. Но каждый раз, когда ты достигаешь желаемого, оказывается, что счастья нет, что оно где-то еще впереди, потому что то, чего ты достигла, имеет всегда и нелегкую оборотную сторону. Ты стала самостоятельной и свободной и получила, кроме свободы, обязанность зарабатывать себе на жизнь и отвечать за свои поступки. Ты вышла замуж и получила право любить и быть любимой, но также получила и обязанности по уходу за своим мужем, за своим домом и даже за родственниками своего мужа. За каждое приобретение, а за ребенка втройне, ты платишь своим сердцем, своими нервами, своим трудом. А счастье все так и остается впереди, как горизонт, к которому можно идти всю жизнь и так его и не достигнуть. Так кто знает, что такое счастье? Я вырастил своих детей и похоронил свою старуху, я не хочу садиться на шею своим детям и внукам и хочу получить истинную свободу. Весь год я провожу здесь в лесу наедине с природой, но дважды или трижды в год я еду в гости к своим близким с лесными гостинцами и своими поделками. Мы радуемся друг другу, дети счастливы получить мои подарки и с удовольствием приезжают время от времени ко мне в гости. Если будет что-то срочное, лесной объездчик, у которого есть телефон, сообщит мне, а так только птицы и звери посещают мой дом и рассказывают свои истории. А что мне рассказать тебе? Ты сейчас, как испуганный ребенок, который очень хочет и боится открыть дверь своего нового дома и увидеть внутри него вместе с прекрасными новыми вещами старые страхи и проблемы. Дай Бог тебе счастья и понимания того, что каждый день нашей жизни мы вновь и вновь делаем шагок навстречу счастью, чтобы увидеть, как оно убегает от нас.

– Ты хочешь сказать, что счастья нет? – спросил юноша.

– Почему? Я счастлив, – сказал старик.

– Этого не может быть, – сказала девушка. – В этой глухомани ничего не меняется, и некуда идти за счастьем и нечего ждать.

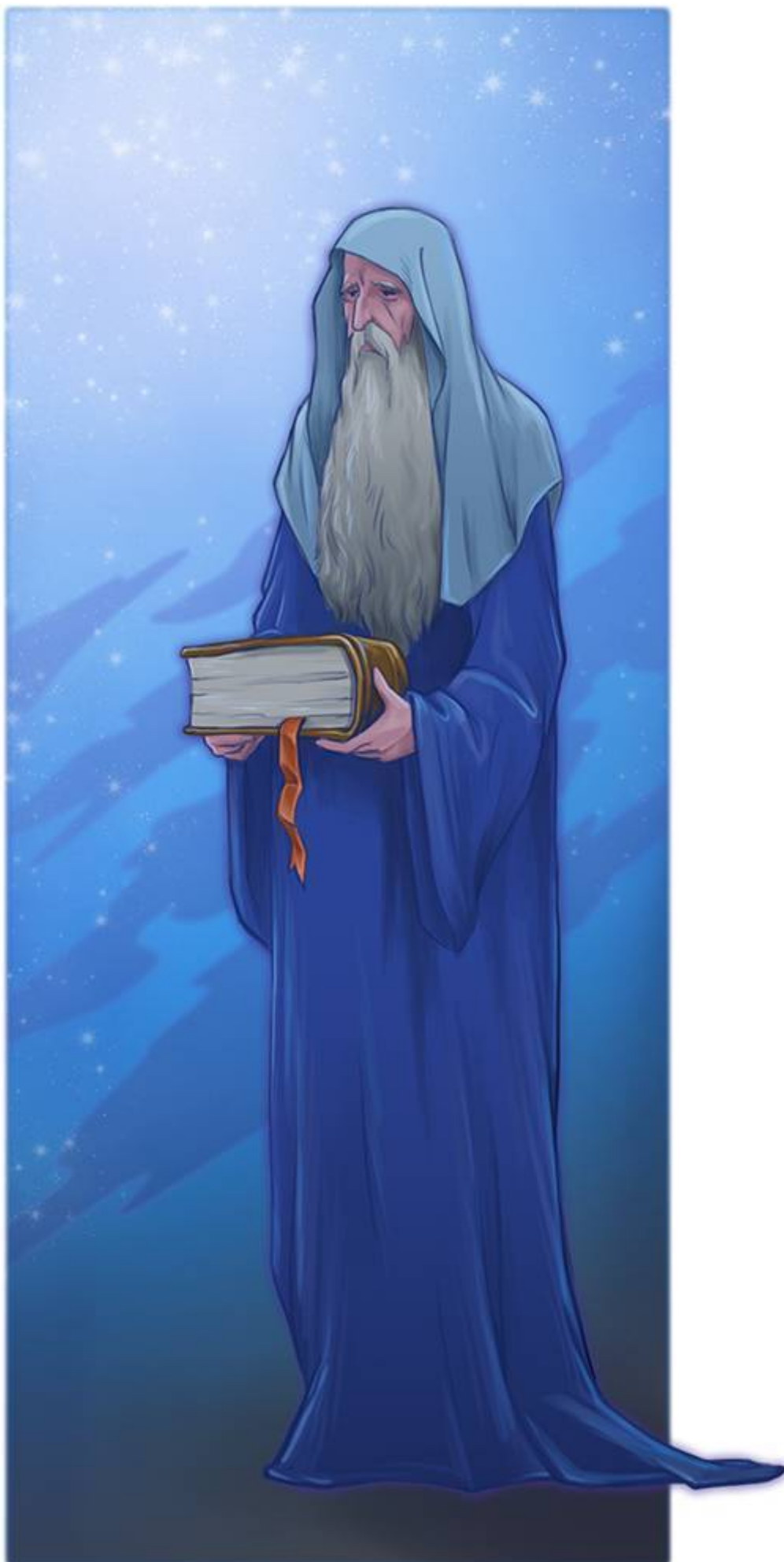
– Счастье – это не конфета, которую можно получить и съесть. Счастье – это ожидание, терпение и дорога. Это каждый день, каждый миг жизни, который ты проживаешь, а не ожидаешь. Сегодня ты ждешь свадьбы и с нетерпением готовишься к ней. И думаешь, что счастье будет после. Но разве это не счастье – прогулка по лесу? И этот закат? И этот ужин с любимым перед горящим очагом в одинокой избушке? И даже встреча с этим сумасшедшим стариком – хозяином этой избушки? Это не только ожидание, это движение, это жизнь. Мне осталось не так много, как вам. Но каждый закат и каждый восход, каждую смену погоды и новое поколение лесных зверей я принимаю как настоящее чудо, которым можно наслаждаться, и это живое ощущение жизни в виде лесных гостинцев и нехитрых поделок из дерева и орехов я привожу как Божий Дар своим детям и внукам. Чистота природы вызывает настоящий восторг и стремление к внутренней целостности и чистоте детей. Они не понимают настоящих источников радости, которые заставляют их предпочесть эти нехитрые поделки дорогим фабричным игрушкам. Но их улыбки зажигают пожар счастья в моем сердце.

– Дедушка, – спросил юноша, – а все-таки что же такое счастье? Ты всегда был счастлив?

– Сынок, я был таким же шалопаем, как и ты, и как и ты, надеялся получить счастье либо в постели, либо на играх, либо на скачках. Много лет я пытался поймать за хвост эту жар-птицу. Родились и росли дети, мы со старухой выросли в этих непрерывных заботах и делах и даже не успевали выслушать всех пересудов соседей о том, как нам повезло с детьми и с достатком. Мы все думали, что вот еще немножко поднатужимся, решим самые срочные проблемы и заживем счастливо. Пока однажды не увидели, проснувшись, что сына и дочку пора уже выдавать замуж

и женить, что на учебу младших надо зарабатывать деньги, а молодость уже прошла. А счастья вроде и не было. И тогда, как вы сегодня, мы, уже немолодые люди, пошли в лес. Нашли тихое место, вот это озеро. И я срубил на нем охотничью избушку, в которой мы сидим. И неделю мы прожили с старухой в этой избушке, слушая голоса лесного зверья, встречая рассветы и провожая закаты, купаясь в лесном озере. Перед нами прошла вся наша жизнь, и мы поняли, что мы шли по ней, помогая друг другу, поднимая детей и самих себя, потому что вокруг нас всегда было много людей, заслуживающих внимания, поддержки и доброты. И сказала мне старуха: «А все-таки счастливо мы прошли весь свой век к счастью. Я чувствую, что оставляю тебя через короткое время. Я очень хочу, чтоб ты в память обо мне ценил каждый миг и каждый час жизни. И тогда, когда мы встретимся на том свете, ты придешь ко мне с душой гораздо более красивой и Богатой, чем душа того мальчика, которого когда-то ввела в мой дом сваха».

Я желаю вам, дети, не счастья сладости, а счастья дороги. Счастья строить себя и свои души так, чтоб вы могли вернуть их гораздо Богаче и чище, чем вы их получили. И пусть каждый день на этом пути будет наполнен делами и заботами его, чтобы вы, и ваши дети и ваши внуки могли радоваться миру и солнцу и жизни.

Колдуны и ведьмы

В большом европейском городе, в парке на окраине, широко раскинулся городок католического иезуитского университета. Сотни студентов заполняли аудитории, в которых седобородые профессора раскрывали им тайные козни дьявола, воплотившиеся в черной магии, в колдунах и ведьмах, с которыми орден на протяжении сотен лет вел непрерывную борьбу. Христиан, один из лучших студентов-выпускников, был внезапно приглашен к ректору. В кабинете ректора сидели несколько человек, незнакомых студенту. Самого ректора не было на месте, а его секретарь сказал студенту, что тот примет его позже, а пока необходимо поговорить с посланцами ордена, которые ожидают в кабинете.

– Христиан, – обратился к нему самый благодушный седой и веселый человек в роскошном светском костюме, – совет попечителей университета предлагает тебе принять участие в исследовательской экспедиции, которая будет работать в центре колдовства и черной магии, Мы нашли его на территории бывшей Ассирии, на границе бывшего Персидского государства. Огнепоклонники и чернокнижники образовали там лабораторию и центр по Богопротивной черной магии, а тамошние законы не разрешают свободной деятельности нашей Матери Церкви. Готов ли ты снять сутану и форму студента и, одевшись в светский костюм, укрывшись под чужим именем, ехать и изучать врагов нашего Господа? Участие в этой экспедиции будет хорошо оплачено и зачтено, как лучшая аттестационная работа.

–Я согласен, – сказал Христиан.

Через три недели к запыленным мазанкам на окраине южного города подошел караван. На одном из верблюдов среди седельных мешков со спальными принадлежностями, продуктами и кристаллами для обмена сидел Христиан. Ему объяснили, что кристаллы и друзы горного хрусталя, кусочки малахита, топаза и гнейса – лучший товар для обмена в этом городе.

Наутро, переночевав в пыльной, грязной комнате одной из харчевен, в сопровождении мальчишки, нанятого за несколько мелких монет, Христиан отправился за город, в рощу в небольшой оазис, где располагался колледж, под вывеской которого прятался институт колдунов и черной магии.

Мальчишка рассказал ему по дороге, что седобородые старцы, живущие в этой роще, всю жизнь изучают книги древних колдунов и алхимиков. Они не пускают в свои лаборатории и учебные классы женщин и девушек даже для уборки и очень настороженно относятся ко всем посторонним.

Мальчишка рассказал также, что за этим оазисом есть еще один, только гораздо меньший, в котором никто не живет, потому что воды, которая есть там в источниках, не хватит ни для какого стада. Раз в несколько лет, никто не знает, когда точно и почему, источники этого оазиса становятся обильными, и тогда там собираются ведьмы. Мальчик и его товарищи пробрались к их шалашам в прошлом году, когда они танцевали голыми под луной около костров. Но ведьмы увидели их и пригрозили проклясть, если мальчишки немедленно не уберутся или станут болтать лишнее о том, что они увидели.

Так за разговорами они доехали до оазиса, и мальчишка привел Христиана в маленький опрятный домик, расположенный у ворот высокой изгороди. Сначала старик, живущий в этой избушке, предложил Христиану убираться прочь и не мешать учебе святых людей. Но когда он узнал, что Христиан может предложить кристаллы, он задумался, позвонил в колокольчик, прошептал что-то вошедшему слуге и предложил Христиану сесть и подождать, сказав мальчишке: «Придешь за ним завтра после восхода солнца».

Христиан сел, выпил чашку прекрасного турецкого кофе и стал ждать, всматриваясь в колечки дыма, всплывающие над кальяном хозяина.

Прошел час, другой, на исходе третьего часа в комнату быстро вошел невысокий, опрятно одетый, темноглазый мужчина и пригласил Христиана следовать за ним. Через тенистый сад по подметенным дорожкам они прошли в широкое приземистое здание с множеством труб над темной покато́й крышей.

В большой комнате за длинным и широким столом, покрытым черной скатертью, сидело около двадцати мужчин, похожих то ли на цыган, то ли на восточных евреев.

– Ты привез камни? – спросил мужчина, сидящий в центре. – Покажи.

Христиан достал образцов двадцать своего товара. Каждый из мужчин выбрал один из кристаллов и стал внимательно смотреть сквозь него на пламя свечи. Один или двое подошли к низким окнам, чтобы посмотреть сквозь кристаллы на бездонное звездное небо. Все молчали.

Через несколько минут старший, оглядев остальных, сказал:

– Ну что же, это хороший товар. Есть ли у тебя еще и что ты за него хочешь?

– Я готов подарить вам те образцы, что я принес сегодня, за ту каплю вашей мудрости, что я сумею унести за несколько недель или месяцев общения с вами. Что же касается остальных камней, то за каждые десять из них вы мне дадите меру серебра и обеспечите безопасное возвращение домой.

– Благодарю тебя, приезжий, за твое щедрое предложение. Велика наша мудрость, и нестерпим ее вес для непосвященного, оскверненного прикосновением к женщине. Скажи, поднимал ли ты женскую чадру и входил ли на женскую половину своего дома или дома своих друзей в последние три года?

– В семь лет принял я обет безбрачия, собираясь приобщиться к вашей мудрости, и не знал я иной женщины, кроме матери во всей моей жизни.

– Клянешься ли ты жизнью своей в правдивости своего ответа?

– Клянусь.

– Испытать его! – закричали все вокруг.

– Разденься. А теперь пройди по коридору из нашей комнаты в конец этого здания, где сидит уже больше двадцати лет один из наших великих мудрецов, и если ты сможешь поцеловать ему туфлю и он примет твое приветствие, мы будем тебя учить. Но если ты соврал нам и по дороге на пути к старцу зеб твой восстанет от страха и возбуждения, тело твое будет брошено волкам и близкие твои не узнают о твоей участи.

Христиан сбросил одежду и, дрожа от холода и страха, пошел по коридору. В центре коридора была сделана шестиугольная звезда, внутри которой среди языков пламени огромного костра плясали обнаженные ведьмы. И два стеклянных витража по две стороны коридора

повторяли картины, изображенные на полу, и вокруг всего этого места, на полу, на стенах, на потолке змеились надписи, проклинающие слабое, как женское колдовство, и коварное, как женская любовь, племя ведьм, нашедшее пристанище в соседнем оазисе.

Христиан только ускорил шаг, проходя это страшное место, и не заметил, что наступил на изображение роскошного женского тела. Он дошел до старца, никого не замечавшего вокруг, встал на колени и поцеловал его туфли. Только теперь старец обратил на него внимание.

– Ты видел картины в коридоре? – спросил он.

– Да, Великий.

– Ты понял, почему мы проклинаем женское колдовство?

– Нет. Расскажи, если можешь.

– От двадцати до сорока лет мы изучаем старинные книги и ремесла, необходимые для нашего дела. Алхимия и огранка кристаллов, астрология и магия чисел, геометрия и законы живой природы, древние сказания и мертвые языки, дни медитации и искусства отшельничества. Тяжелые дороги ведут нас по путям познания. И наше могущество – это результат многолетнего совершенствования ума и умения. Это плоды логики и софистики, мудрости веков, записанные в сотни книг и передаваемые из поколения в поколение. Наша сила и наши секреты, наша мудрость и наши пророки могут существовать только до тех пор, пока все силы нашей души сосредоточены на тяжелых дорогах познания. Пока ничто не нарушает бесстрастного течения мыслей и спокойного созерцания ученого, решающего очередную проблему.

Женщина – это естественный и самый опасный враг нашей науки, это – вечный возмутитель спокойствия, неспособный к наслаждению созерцанием и проникновением в суть вещей, к овладению строгой логикой и софистикой. Всякий согрешивший с ней никогда не достигнет высших ступеней, ибо буйство страстей несовместимо с бесстрашием исследователя, пока он молод, а в пожилом возрасте, когда страсти угасли, нет у него сил и времени для трудного и далекого пути познания. Поэтому каждый, принявший посвящение, должен принести обет безбрачия, и смерть нарушителю обета. Я слышал, ты с детства принял решение посвятить себя нашей науке. Готов ли ты сейчас принести такой обет и навсегда остаться в стенах нашей школы?

– Великий, позволено ли будет мне принести обет позднее, когда я вернусь сюда еще раз с коллекцией камней, которую я собирал всю свою жизнь и которая хранится в моем доме в далекой стране?

– Да, я слышал, что ты привез неплохие камни, и благо для нас, если ты привезешь коллекцию камней, которая может быть использована для магии и наших исследований. Я решаю тебе несколько дней погостить в нашем кругу, послушать о самых начальных обрядах посвящения и затем отправиться в путь за камнями, чтобы по возвращении найти свой путь и обрести свою силу. Велика наша мощь, сильны наши заклинания и подчиняются нам и люди, и камни, и облака, и волны, и цветы в полях, и скот в стойлах. Все правители считаются с нами, а жалкие фарисеи-христиане боятся и ненавидят наших последователей. Вся оплодотворяющая мощь человеческой науки и нечеловеческой мудрости сосредоточена в этих книгах и лабораториях, в мастерах и учениках нашего центра. Это – сила воина и мужчины, создателя и пророка, сила вершителя, прикоснувшись к которой, люди забывают братьев и сестер, отца и даже мать, где же им вспомнить о девчонке, которая улыбнулась им у колодца.

И только ведьмы с их необъяснимой древней женской мощью могут перехватить, соблазнить души наших адептов, еще не достигшие высшей зрелости. Как черные вороны, кружатся они вокруг наших домов, и каждый раз, когда воды подземных источников поднимаются к иссушенной поверхности земли, стаи их поселяются в соседнем оазисе.

На следующий день, получив несколько книг, восхваляющих бесконечную мудрость мастеров и мощь их науки, а также житие пророков, Христиан покинул стены чернокнижников и пустился в обратный путь. Через двести километров пути по пустыне в одном из оазисов он увидел шатер, покрытый белоснежным полотном, рядом с которым была высокая привязь для лошадей с яслями и корытом для водопоя. Шатер охраняли вооруженные воины, а на его пороге сидели три женщины в необычных одеждах, лица которых не были скрыты паранджой. Только легкая вуаль от солнца прикрывала их темные лица, не мешая увидеть мерцающие прекрасные глаза.

Юноша остановился и попробовал подойти к шатру, но воины скрестили перед ним копья.

– Остановись, – сказали они. – Не девушки для утех, а великие ведуньи-пророчицы, помогающие в делах шейху нашего великого племени, живут в этом шатре. И смерть всякому, кто кинет на них непочтительный взор. Так написано в фирмане нашего шейха по просьбе его любимой жены Суламы, ждущей его ребенка.

– Но разрешите мне поговорить с Великими Жрицами и преподнести им дары, соответствующие их мудрости.

– Уходи, путник, и утром в приличное время возвращайся с подходящими дарами, тогда они, может быть, и согласятся с тобой побеседовать. А сейчас их ожидает Великий Шейх.

Утром, купив у еврея-менялы подходящие по случаю украшения для трех женщин, направился Христиан снова к белому шатру. Он пришел туда около одиннадцати часов, когда солнце стояло почти в зените и все правоверные прятались от его лучей в глубине домов, шатров или под тенью деревьев. Стража пристально оглядела подарки, рассказала о них женщинам и только после этого позволила Христиану приблизиться к шатру.

– Входи, чужеземец, – пригласила женщина. – Садись и чувствуй себя свободно, но помни, за каждым твоим движением через эти окна наблюдает бдительная стража, поэтому будь вежлив, почтителен и правдив.

Христиан сел. Принял с поклоном предложенный чай и огляделся. На стенах шатра и на двух ковриках посредине его лежали амулеты, стояли кувшинчики с маслами и благовониями, висели мешочки с травами и кореньями. Вошла молодая служанка и зажгла пять больших свечей с благовониями, расположив их по четырем углам и центру ковра с каким-то непонятным узором. Потом она положила подушку недалеко от центральной свечи и предложила Христиану пересечь на нее. Через несколько минут вошли три женщины в белоснежных шароварах и накидках с многочисленными украшениями на шее и руках.

– Для чего ты пришел к нам? – спросила одна из них. – Для чего принес дорогие подарки? Ты хочешь увидеть наши танцы? Ты знаешь об условии, что всякий глядящий на них и испытывающий вожделение, поступает к нам в рабство или подвергается смертной казни?

– Нет, я не знал этого. Единственное, что я хотел, узнать побольше о вашей мудрости и о вашей силе. Зачерпнуть из кладезя ваших знаний.

– Если ты хочешь на самом деле что-то узнать и понять, ты должен пройти испытание нашими танцами, и если похоть и вождление не затмят твой разум и не обратят тебя в рабство, мы готовы будем беседовать с тобой.

И они взяли в руки бубны и начали танец под тихую музыку, которая раздавалась откуда-то из-за занавесей, висящих внутри шатра. Они танцевали все быстрее и быстрее, и все сильнее метелось пламя свечей в такт их танцу. Звенели украшения, и сбрасывали накидки разгоряченные танцем женщины. Играла в пламени свечей молодая женская плоть, и Христиану пришлось обратиться к Господу, чтобы сдержать свое вождление. Он закрыл глаза и начал молиться, а когда он открыл глаза, музыка уже кончилась, и три молодые женщины в черных платьях из тончайшего шелка с распущенными волосами и без единого украшения сидели перед ним на ковре. Цепочка свечей делила ковер на две части, разделяя женщин и юношу и освещая их.

– Что хочешь ты узнать, чужеземец? – спросила женщина, сидящая в центре. – Ради чего рисковал ты своей свободой и жизнью во время нашего танца?

– Я хочу понять, почему вас боятся колдуны, которые двадцать лет учатся своему ремеслу. Я хочу знать, почему они говорят, что женское колдовство бессильно. Я хочу услышать, почему вы нападаете на их учеников, и какова ваша сила и где источники вашей мудрости.

– Коротки и легки вопросы, да тяжел и непрост ответ. Я тебе отвечу очень просто и коротко, но всю дорогу домой и еще три года после возвращения ты должен думать над ответом, чтоб понять его суть, найти свое счастье и никогда не возвращаться ни к твоим колдунам, ни к твоим иезуитам.

– Откуда вы знаете, о том что я принадлежу к ордену иезуитов?

– Мы чувствуем след креста на твоей груди.

– Почему его не почувствовали колдуны?

– Они привыкли верить своим книгам, своей силе и своей власти. Они привыкли изменять мир и не хотят терпеливо вслушиваться и всматриваться в суть окружающего, чтобы не силой, но мудрым согласием с природой помогать всему сущему.

Ты говоришь, что они боятся нас. Да, они боятся, но не нас, а себя, своей природы. Им страшно вновь и вновь проходить испытание вождлением, которое прошел ты. Потому что отдавшись раз велению плоти, любой мужчина не сможет смирять ее годами, чтобы использовать всю энергию и все силы для достижения недостижимой власти. Они учат и знают многое, что мы не знаем и считаем бесполезным. Некоторые их знания подобны цветным перьям хвоста павлина и годятся только для хвастовства перед наседками, и только петушиная гордость да уверенность в приобретении мудрости и силы, намного нашу превосходящей, дает им силы для многолетней учебы.

Мы и наши прабабки узнали силу оазиса с пересыхающими источниками на века раньше, чем возникла школа колдунов. Не мы, а они пришли учиться к древним материнским женским святыням, чтобы наполнить этим подлинным содержанием сосуда своих книг, но нет у них сил выпить до дна этот бездонный источник, и только часть подлинного смысла вещей черпают они своими ведрами. Ибо это наши источники, бьющие из самых корней жизни, наша сила и наша мудрость. Только чистый, незамутненный рассудок, живущий в полном согласии со своей природой, может пить ее.

Мы не можем и не должны двадцать лет учить книжные мудрости, потому что только юное сердце и чистая душа может слушать, чувствовать и понимать окружающий мир. Понимать не книжной мудростью, не холодной мужской логикой, но древней мудростью и чуткостью женской души, ощущением ее сердца. Не слабые места, не ключи для взлома ищем мы в окружающем мире, а гармонию и смысл вещей, которые может помочь восстановить наше материнское сердце. И в этом согласии с окружающим миром, в этом постижении и проникновении наша сила и наша слабость. Только в гармонии, в мире, разделенном на мужское и женское, на огонь и воду, на ветер и землю, возможно существование древней женской силы, созидающей жизнь и охраняющей ее.

Вновь и вновь восстает мужская плоть, стремясь к бессмертию через оплодотворение, но бессильна она без принимающего лона. Вновь и вновь содрогается лоно, принимая семя, зарождающее в старом, как мир, пламени новую жизнь, новое существование. Своим телом питает эту жизнь женщина, своей кровью, своими соками наполняет она тело ребенка, и с каждым ребенком рождается новый мир, и изменяется, течет, как бесконечная река, обновляемая каждый лунный месяц, великая женская сила.

Но это обновление требует вновь и вновь оплодотворения, животворящей и сжигающей мужской энергии, которая созидает и разрушает, изменяет и восстанавливает и вновь и вновь восстает, пытаясь из какофонии страстей и гармонии существующего извлечь звуки будущих прекрасных мелодий.

Христиан встал, поклонился женщине и спросил:

– Великие Матери, если у меня возникнут новые вопросы, могу ли я еще раз посетить ваш шатер?

– Через две ночи на третью, когда Великая Луна начнет вступать в новую фазу, ты можешь прийти к нам еще раз, и при входе ты должен показать воинам тот талисман, который я сейчас дам тебе.

Она достала из-за спины нагретое серебряное кольцо с печаткой, надетое на тисовую палочку, окунула на мгновение это кольцо в пахучую жидкость около одной из свечей и прижала к запястью левой руки Христиана.

На запястье возник и вздулся лиловый значок жука-скарабея, держащего в передних лапках серп луны.

Женщина протянула ему холодный большой лист какого-то растения и тряпочку. Помогла обернуть горевшую руку, боль в которой сразу стихла, и отвела занавес у входа в шатер.

Пояснение к притче.

В книге Вед было сказано, что жизнь – это сочетание постоянства и изменчивости, силы и податливости, твердости и мягкости, мудрости и глупости, поисков и возвращения. Это непрерывное повторение и обновление, ибо нельзя дважды войти в одну воду. Поиск нового, непрерывные пробы и ошибки, непрерывные восстания против существующего и расплата за это безумие – это путь мужчин. И их логика, и их наука, позволяющие как-то предсказать или предвидеть результаты их метаний, – основа, суть их жизни и их мудрости. Эта логика – их сила и их слабость, ибо не все в жизни подчиняется логике искусственных законов, созданных человеческим разумом. Их жизнь, их метания не приводят к смерти человеческого рода только благодаря женщине, которая хранит очаг и детей, подчиняясь не столько холодной логике, сколько материнскому чувству и инстинкту, опирающемуся на изначальную чувственную мудрость всего живого, на его здоровый консерватизм. В этом неприятии книжной мудрости, в этом предпочтении ей чувственного интеллекта сила и слабость женщины. Сила, потому что знания, перешедшие в чувственно-эмоциональную сферу, – это знания истинные, прошедшие многолетнюю проверку. Сила, потому что чувственное взаимодействие с окружающим миром позволяет изменять его не вопреки, а в согласии с его природой. Это слабость, потому что есть области, о которых отсутствуют достаточно глубокие чувственные представления, что ограничивает возможности женщины преуспеть в них. Только сочетание мужчины и женщины, Великое Дао, позволяет двигаться вперед во всех обстоятельствах. Только помогая друг другу, каждый по своей дороге могут они идти вперед, созидая новый мир.

Пуруша – Пракрити.

Через три дня знак на руке Христиана перестал зудить и болеть и засиял еще ярче, еще более глубокими красками. Христиан встал рано утром и пошел по базару. Он вглядывался в лица людей, в торговцев, продающих цветные, белые и черные одежды. Одна из женщин, проходившая мимо него, привлекла его внимание стройным изяществом фигуры и походки. Она нечаянно коснулась его, пройдя в лавку, извинилась тихим голосом и попросила хозяина лавки дать ей черное сари, черную паранджу и черные туфли.

– Что случилось? – спросил хозяин.

– Умерла мать моего мужа, – ответила девушка, – и я должна одеть приличествующую одежду.

Христиан вспомнил о тонких черных шелковых одеяниях, в которых разговаривали с ним колдуньи в шатре, и заспешил на окраину города к их шатру. Подойдя к воинам, охранявшим шатер, он молча отвернул рукав своей одежды и показал знак луны. Воины расступились, и он увидел вход в шатер и женщин, ожидавших его в легких цветных одеждах. Они снова сели на ковер внутри шатра, и снова ряд свечей разделил на две половины просторный палас.

– Мы знали, что ты придешь и ожидали тебя, – сказала старшая из женщин.

– Поэтому вы надели цветное платье?

– Нет, мы его надели потому, что идем сегодня после встречи с тобой на праздник Весны, праздник первой стадии взросления детей в одной из близких нам семей.

– Где же ваши украшения, которые я видел на вас в начале нашей первой встречи?

– Сегодня на этом празднике украшены должны быть только дети. Они доросли до пяти лет, и дешевые пестрые украшения, которые подарят и сделают для них родители и старшие братья и сестры не должны сравниваться с изысканными украшениями взрослых женщин. Главное украшение наше на этом празднике – это чистая радость и доброта, хорошие мыли и хорошие чувства. Пусть удача и свет помогут в жизни этим детям.

– А почему вы встретили меня в прошлый раз в белых одеждах с Богатыми украшениями?

– Потому что посетили перед этим семью с новорожденным и присутствовали при заключении брачного контракта.

– Почему вы сменили потом одежды на черные?

– Потому что готовились проводить в последний путь одну из наших подруг. Женщина дает жизнь и обмывает новорожденного. Она ходит за больным и обмывает раненых и больных. Она провожает в последний путь людей, и обмывает их в последний раз тоже она. Нет ничего страшнее, чем самой обмыть в первый и последний раз собственного ребенка. Но и этот тяжелый долг принимает на себя женщина.

– Вы знаете, что моя религия признает загробную жизнь и дает утешение близким в надежде встретить любимых на том свете. Какая вера дает вам силы для этого, если вы отрицаете христианского Бога и не верите, подобно колдунам, в вечное перерождение?

– Мужчины боятся боли и боятся смерти и ищут ее в походах, на охоте, в погоне за славой. Они не видят бесчисленных связей между людьми, между нынешними и прошлыми поколениями. Они не понимают, что каждый человек вносит свою лепту в ковер или паутину, окутавшую весь земной шар, в которой узор связей между людьми, зверьми, растениями и всей природой все расцветает и расцветает бесчисленными сочетаниями узоров и красок. И каждый человек, прошедший по миру, оставляет в этом ковре, в этой паутине свой узелок, свою ниточку, свое переплетение. Не в мертвой плоти, не в потустороннем мире, а в непрерывном взаимодействии всего живого остается наш след. Видимый тем яснее и тем больше, чем больше был наш вклад в духовное или интеллектуальное развитие человека, чем больше добра и света мы передали своим детям и окружающим. С болью и кровью приходит человек в этот мир, с болью и кровью уходит он из него. И кому, как не женщине, понимать, что смерть – это необходимое условие жизни, а не ее конец. Кому, как не женщине, понимать, что конечность земного существования каждого человека – залог продолжения и расцвета жизни его детей и его в детях. Только мудрая смелость и любовь позволяют женщине рожать детей, обреченных на смерть так же, как и она сама обречена встретить свою кончину. Только понимание вечного колеса жизни помогает ей в момент, когда она должна отпускать своего ребенка в бушующее море житейских тревог и напастей, когда она встречает внуков, которые закроют глаза ей и ее детям, и правнуков, которые продолжат эту дорогу. Редкий мужчина способен увидеть внутреннюю красоту колеса жизни и создаваемого им узора. Редкий мужчина способен взглянуть

жизни в лицо, хотя многие из них готовы вновь и вновь подвергать себя опасности и глядеть в лицо смерти в бесчисленных войнах, поединках и походах.

Вот и ты предпринял это путешествие, чтобы найти корни черной магии и колдовства, проклятые вашей церковью. Мечем и огнем много лет воюет она с нами, и многих наших подруг сожгла инквизиция на своих кострах. Но невозможно сжечь ересь, корнем которой является сама жизнь и любовь. И не будет победы в этой борьбе ни у церкви, ни у государства, ни у “просвещенных” мужчин. Иди и подумай, что оставишь ты в цветущем ковче жизни: пустые молитвы, борьбу с призраками или детей, которые понесут дальше твое семя и твои идеи.

Прощай и будь счастлив. Если у тебя хватит мужества, мы поможем тебе найти предназначенную тебе женщину за то мужество и стойкость, за тот ум, который ты проявил в погоне за нашими знаниями. Пусть не только солнце, но и луна благословляет твою дорогу.

Гуру

К Гуру пришел его старый ученик, ведя за руку маленького мальчика.

– Учитель, – сказал он, – я слышал, что ты набираешь к себе теперь не только юношей, но и детей, и привел к тебе своего четырехлетнего сына. Пусть три дня в неделю он живет в твоём доме и начинает впитывать те знания и то искусство, которые ты давал нам, своим ученикам, с такой любовью и таким терпением. Согласен ли ты принять моего сына и помочь ему выйти на дорогу жизни?

– Спасибо за доверие, сын мой. Сейчас я начал учить своих внуков и ишу детей, которые могут быть их товарищами на трудном пути познания. Ибо трудно, очень трудно учить и быть строгим к отпрыскам отпрысков своих без товарищей, к которым ты можешь быть беспристрастным и которые могут служить для них эталоном сравнения.

И он взял ребенка и отвел его к другим детям играть на яме с песком, с кубиками, палочками и лопатками.

Через три дня ученик пришел за ребенком, и мальчик выбежал к нему и стал жаловаться, что каждое утро все дети должны мыться холодной водой и подметать место, где они спали, и делать физические упражнения, и носить палочки для всех членов семьи перед едой и туфли для Учителя, и даже веревочки, с которыми они играют и делают упражнения.

– Ты хочешь, чтобы я тебя забрал у Учителя? спросил отец.

– А ты у него учился? И он тебя так же гонял и заставлял все делать?

– Ну, гонял меня он гораздо сильнее и обращался со мной много строже, и не позволял мне, как тебе, кушать вкусные вещи, если я не сделал всех упражнений.

– И ты был доволен? И не ругался? И не хотел уйти от него в дом к маме, где всегда есть теплая подстилка и вкусная еда?

– Говоря честно, пока я учился, особенно в начале, мне не раз и не два хотелось уйти. Но потом я понял, что эта строгость для моего же блага, и ты помнишь, как много хорошего слышал ты от меня про Гуру Тань.

– Ну, если ты не ушел и стал сильным и взрослым, то, может, и я попробую потерпеть еще немного.

Отец и сын направились к калитке.

– Чень, – окликнул его Учитель, – я жду тебя сегодня на чайную церемонию. Мы породнились еще раз, и нам надо поговорить, ведь у тебя, наверное, есть вопросы.

Ученик поклонился в знак согласия, и потом у калитки он поклонился еще раз уже вместе с сыном, благодаря Учителя за заботу и науку.

Вечером, во время чайной церемонии, Ученик сказал:

– Гуру, ты учил меня, что ребенок до пяти лет – царь, с пяти до пятнадцати – слуга, а после пятнадцати – товарищ. А сейчас ты заставляешь делать вещи, которые им не нравятся, трех-четырёхлетних малышей, включая своих внуков. Разве они не цари? Разве они не должны расцветать свободно, словно цветы, впитывая лучи любви и нежности и поклоняясь всему живому, как написано в наших книгах?

– Сильна любовь человека к своим детям. А к внукам еще сильнее и слабее. Сильнее, потому что ближе человек стоит к последнему порогу, и слабее, потому что нет сил требовать от внука и правнука того, что можно и должно требовать от завтрашнего хозяина жизни. Силен и слаб растущий человек, словно росток, пробивающий камень и окаменевшую почву, в неумной жажде света и тепла тянется он к любви и к своим удовольствиям. Но так же, как росток, не ведает он еще иссушающей силы солнца и хлестких ударов ветра. И не знает, что прежде надо окрепнуть и выбросить боковые корни, чтоб потом без страха стоять над поверхностью Матери-земли. Мудрый садовник постригает кроны и подрезает верхушки деревьев, чтобы они ветвились и крепились. Мудрый Гуру не может обойтись без принуждения при выращивании детей и юношей. Только если есть Гуру или Учитель, который дает ребенку уроки силы по отношению к самому себе, уроки терпения и уроки строгости, только тогда и только мать может относиться к ребенку до пяти лет, как к царю, как я объяснял вам. А отец в это время должен его учить своим примером и своими рассказами, что всякое, даже неприятное, но необходимое, дело надо делать с таким тщанием и любовью, чтобы оно за счет терпения и старательности превратилось в необременительную и приятную привычку. Нет животных в мире, только лаской воспитывающих своих детенышей. Пример и любовь, строгость и снисходительность ты можешь увидеть в любом стаде и в любой стае, пришедших к месту водопоя, особенно в засушливую пору. Ты забыл, что вы, мои ученики, пришли ко мне и разделили со мной все заботы по ведению хозяйства и зарабатыванию денег для школы в возрасте пятнадцати-семнадцати лет. Вы пришли из теплых родительских домов, и первый месяц главное, чему учил я вас, это были смирение и покорность. Только с ними, обуздав вашу юношескую сексуальную невожатанность строгостью и большими физическими нагрузками, я мог направить все ваши силы на совершенствование вашего духа, ума и тела. Более полугодом каждый из вас жил без отдыха и домашних гостинцев в моем доме прежде, чем вы созрели для первого контакта с вашими домашними. Это можно было и нужно было сделать с подростками, с юношами, избалованными в своих семьях, для которых контраст между Учителем и родителями был дополнительным стимулом для успеха, позволял почувствовать самоудовлетворение от преодоления тягот поступления в школу одного из самых строгих учителей. Я не могу и не хочу вести точно таким же путем маленьких детей. Но и они, твои дети и мои внуки, должны едва ли не с молоком матери знать такие слова как «надо» и «нельзя», и такое чувство как преодоление. И горе тем из них, кому материнская любовь мешает понять это. Даже самые маленькие дети – это уже личности, и мое уважение к ним заключается в моей требовательности. А предлагаемая мной школа физического совершенства и игры позволит быстрее развить их ум и характер. И так же, как тебе казались вдвое теплее стены родного дома и объятия матери после месяцев, проведенных под моей крышей, для твоего ребенка слаще будут материнская кухня и плоды вашего сада после дней учебы. Но, как и ты, через несколько дней отдыха он тоже будет тянуться под крышу дома Учителя, чтобы снова и снова утверждать себя и оттачивать клинок своего характера и ума жестким оселком ученичества.

К императору пришла императрица и сказала:

– Государь, нашего двенадцатилетнего сына застали за подглядыванием за фрейлинами сестры в их туалетных комнатах.

– Что говорили по этому поводу фрейлины и принцесса?

– Они перешептывались и громко смеялись.

– Замечательно, с завтрашнего дня Джон должен перебраться в комнаты за дальними конюшнями, а с понедельника он приступит к занятиям в кадетском корпусе лейб-гвардии.

– Государь, но он так мал!

– Ну ведь он растет! Через три года он должен сдать мне и своему дяде, командующему и покровителю гвардейского корпуса, экзамен на младший офицерский чин, в шестнадцать стать командиром взвода гардемарин, а в восемнадцать принять роту гвардии.

– Совсем мальчишкой?!

– К нему и придут такие же мальчишки. Только восемнадцатилетних можно полностью подчинить командирам и присяге, только из них можно сделать настоящих гвардейцев. Стоит только оторвать их от юбок и шляпок, вручить оружие и заменить погоны за красотками стремлением к славе... Потом взрослые мужчины становятся циниками и реалистами, их непросто оторвать от семьи, они могут великолепно воевать, но никогда не станут безупречно послушными солдатами.

– Ты хочешь сделать из нашего мальчика зомби?

– Нет, я хочу сделать из него отца-командира и будущего императора, который знает, как из мальчишек делать солдат и чем отличаются они от мужчин.

– Ты думаешь, что он сумеет это пройти и не сломаться?

– Как и я сам. Ну, будет скакать в день не две-три мили, как сейчас, а пятнадцать-двадцать, чтоб забыть всякие глупости и нижние юбки. Да, я забыл, скажи Кэти, что она и ее фрейлины должны поехать в госпиталь с подарками для раненых. И будет совсем неплохо, если они для начала помогут при перевязке легкораненых.

– Чего ты хочешь от девочки? Уж она-то точно не должна стать отцом-командиром?

– Ей тоже пора взрослеть, а не хихикать над всякими глупостями. Она должна увидеть людей и в страданиях, и в болезнях. Она должна увидеть тело человеческое, тело ближнего своего и в боли, и в отчаянии, и даже в смерти. Ей предстоит жить и давать жизнь, и провожать ушедших. И нет другого пути стать взрослой, кроме как научиться смотреть и сострадать и видеть людей не только в поклоне на паркетах и коврах дворца.

– Но она ведь может заразиться?

– Наш лейб-медик должен ей дать инструкции. Но разве какая-нибудь мать боится обмыть и обнять больного ребенка, чем бы он ни болел? Я долго не занимался детьми из-за болезни, из-за войны, и ты их избаловала. Они должны знать, что нет в жизни ничего, за что не приходится платить, и чем выше уровень притязаний, тем дороже плата, даже если реальная стоимость товара намного меньше. Ты же знаешь, насколько дороже стоят для всех прочих товары личных поставщиков нашего двора? Люди платят за марку, за фикцию. А ведь я предлагаю, я настаиваю, чтоб мои дети платили за опыт, за истинное знание, то есть за то, что цены не имеет. За что жизнью платят. Скажи своим, что это мое окончательное решение, и завтра же в конце дня я хочу видеть дочь после возвращения из госпиталя и хочу слышать доклад командира о первом дне кадета престолонаследника. Я знаю, что он сам и подхалимы постараются сделать его армейскую жизнь почти придворной. Я скажу своему брату, чтобы он позаботился о нем так же, как позаботился обо мне и о нем великий князь, наш дядя.

– А как он о вас позаботился?

– Ну, мы первые недели вообще не вылезали из нарядов, чистки конюшен и уборных, которые здорово помогли укрепить наше высокое достоинство.

– Вы пытались жаловаться, протестовать?

– Только по два раза.

– Почему по два?

– Первый раз нам дали недостаточно строгое дополнительное наказание, но после второго у нас отпало всякое желание обращаться с рапортами к начальству.

– А как ваша мама?

– Она пыталась нас пожалеть. Но когда ей объяснили, что за каждое проявление ее жалости наряд вне очереди получим мы, она расплакалась и сказала, чтобы мы потерпели.

– И ты хочешь сказать, что эти наказания и уборные сделали вас мужчинами?

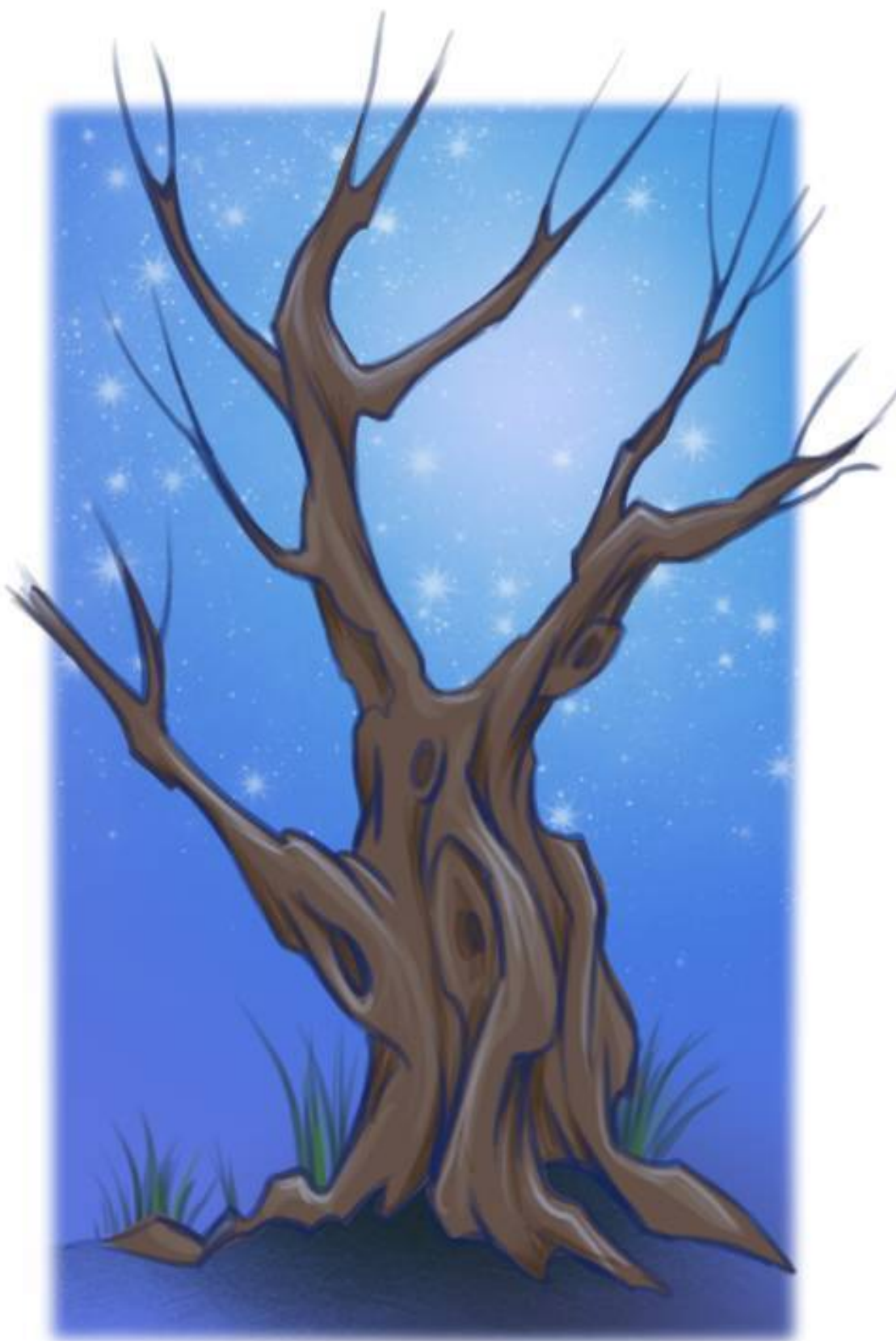
– Конечно же, нет. Они сделали нас дисциплинированными солдатами, мужчинами нас сделали изнурительные марши, походы и война, на которой мы похоронили многих и многих, прошедших с нами полковую школу. Мужчину делают ответственность и опасность. А также люди, которые его окружают и с которыми он должен научиться жить и идти в бой, и хоронить друзей, и строить новый дом, строить государство, строить жизнь.

– Но ты же уже пятидесятилетний человек, и ты не должен забывать, что у твоего сына нет и десятой доли твоего опыта.

– И никогда не будет, если он всю жизнь просидит под твоей юбкой.

– Ну, давай завтра дочка пойдет в госпиталь, а сына отправим в часть после дня его рождения.

– И сын и дочка должны в один день и в один час начать новую взрослую жизнь, а точнее, выйти на дорогу к этой жизни. И пусть никто из них не будет опоздавшим. Я так решил.

Вечером перед костром, у которого собиралось все племя, выступил вождь и сказал, что сегодня после завершения танцев взрослые мужчины, охотники, должны остаться около костра, чтобы решить все вопросы предстоящего кочевья. После того как дети и женщины разошлись по своим землянкам и шалашам, перед костром поставили деревянный тотем, перед ним – чашку с жертвенной кровью, и мужчины стали обсуждать, как и в каком порядке племя перекочет на зимнее пастбище. Дело было привычное, дороги хорошо известны, и все уже собрались, поболтав пятнадцать-двадцать минут, с важным видом вернуться к своим женщинам и детям.

Внезапно вождь сказал:

– В этом году, как двадцать лет назад, в неделю перелета птиц тучи стояли над Манарагой. Это значит, что зимние пастбища в верховьях долины опять могут быть закрыты льдом и настом. Мой сын с тремя-четырьмя охотниками должен пойти вперед, проверить пастбища, и если беда пришла на наши стада, найти место для нового кочевья.

– Кто пойдет с твоим сыном?

– Он сам выберет себе товарищей и скажет об этом завтра у костра.

– Разве дело безусого мальчишки выбирать себе спутников для такой опасной и трудной работы?

– Только тот, кто пускается в дорогу и берет на себя все опасности и всю ответственность, имеет право выбирать себе спутников. И возраст тут не помеха.

Трудно спорить с вождем. И после коротких церемоний поклона предкам и духу племени все разошлись. Молодой воин и вождь остались одни у горящего костра, к которому подступал лес и дым от которого стлался между деревьев, поднимаясь к низкому серому небу с бегущими кляксами темных облаков.

– Отец, – сказал молодой воин, – я просил дать мне трудную работу и проверить меня в деле, потому что без этого нельзя быть воином и вождем. Но я бы хотел пойти один, потому что одному легче быстро дойти и также быстро вернуться. Один всюду найдет себе пропитание и незаметно, словно волк на оленьей охоте, пройдет через тайгу, не сломав лишней ветки, не разбивая лишнего лагеря.

– А если ты погибнешь, кто принесет вести племени о пастбищах и о твоей смерти?

– Я не могу погибнуть.

– Все могут. Но если ты пойдешь не один, если ты будешь отвечать за других, путь твой будет труднее, но каждый шаг, каждый поступок ты обдумаешь гораздо лучше, потому что на твоей совести будут твои товарищи и их жизнь. Это увеличит шансы на твое возвращение.

– Почему ты мне не дал тогда в попутчики испытанных воинов?

Потому что в такой путь должны идти только те, кто вызовется сам.

– А как можно найти наиболее подходящих попутчиков среди тех, кто вызовется идти со мной?

– Ты должен выбирать прежде всего тех, кому гонор или плохой характер или избыточная храбрость не помешают быть хорошим товарищем в трудном пути.

– Как их можно выбрать?

– Тебе нужно три-четыре человека, подготовь восемь-десять тюков с грузом и скажи спутникам, чтобы каждый выбрал груз себе по вкусу. И тех, кто возьмет без разговоров наиболее неудобный и тяжелый груз, можешь брать с собой в путь.

– Но это могут быть не самые умелые воины?

Да, конечно, но это будут самые надежные товарищи, а это гораздо важнее.

– Скажи, а как мне объяснить людям, почему я должен вести их.

– Ты не должен говорить ничего. Ты должен вести. И своим поведением, своей заботой, своей ответственностью каждый день демонстрировать своим спутникам, что ты настоящий вождь и имеешь право на решение, потому что именно твое решение максимально соответствует обстановке и общим интересам. Здесь, у костра, перед лицом всего племени мне легко отстаивать твое право на руководство, но только ты сам, только твой характер и твое поведение могут сохранить это право в пути. Это трудный экзамен, и нет другого пути к месту вождя.

Все, что я могу сделать для своего сына, – это предоставить ему право пройти этот экзамен и показать всем, что забота об общем деле и о своих товарищах для него важнее, чем демонстрация собственной храбрости и игр самолюбия. Я надеюсь, что ты помнишь, как твой дед и мой отец объяснял всем перед началом охоты, что настоящий вождь и охотник все время учится у природы, у зверей, у леса и у своих товарищей. Даже самая слабая женщина, даже дети, собирающие личинки и коренья, могут найти, увидеть что-то такое, чего еще не встречал самый мудрый и старый охотник. Научись слушать и ценить всех. Научись быть взрослым. Я и мать очень верим, что ты вернешься намного сильнее и взрослее того смелого мальчишки, которого мы провожаем послезавтра в дорогу. Я верю, что ты найдешь на этом пути не только новые пастбища, но и себя и своих товарищей на всю жизнь.

Власть

Принц в сопровождении оруженосца-телохранителя скакал по лесу. Доехав до полянки с сочной высокой густой травой и маленьким лесным ручейком, он спешился. Бросил повод оруженосцу и упал ничком в густую траву. Оруженосец привязал лошадей к деревцу, стоящему возле ручья, и не спеша подошел к господину.

– Ваше Высочество, – начал он.

– Оставь, Филлип, – махнул рукой принц.

– Сэр Ричард, чем вы так обеспокоены и взволнованы?

– Ты-то откуда знаешь?

– Кхэ, да это знает любая лошадь, которая видела, как Вы обращаетесь со своим конем. А уж мне ли не знать, как вы ездите в зависимости от вашего настроения. Не я ли посадил вас на лошадь?

– Ну и что, ты разве можешь мне помочь?

– А кто может?

– Я думаю, никто. Я просто не знаю.

– Что вас мучает, расскажите, глядишь, и я на что-нибудь сгожусь. Я-то начинал службу у вашего батюшки.

– Да, да, я помню, и ты, и он мне сто раз рассказывали, как ты ему спас жизнь и после этого он взял тебя в оруженосцы старшего сына. Но, знаешь, мои брат и сестра сейчас ведут за моей спиной переговоры с руководителями парламентских групп и членами государственного совета для того чтобы отменить закон, признающий меня единственным живым престолонаследником.

– Но только ваш отец, только король может изменить закон. А он никогда этого не делает.

– Как ты знаешь, мать всегда любила больше младшего сына, а она может уговорить отца, если будет уверена в согласии парламента и государственного совета.

– И что же Вы думаете делать?

– Сначала я думал пойти к отцу и поговорить с ним. Потом я побоялся прослыть ябедой и клеветником и хотел прямо поговорить с матерью. Но ведь я знаю, что она на их стороне и она сама стоит за этой интригой. Потом я хотел посоветоваться со священником и сегодня попросил у него аудиенции для исповеди. Что ты скажешь?

– Ваше высочество, вы можете пойти к священнику, но вы не должны говорить ему обо всей этой истории.

– Почему?

– Потому что он епископ и вхож в государственный совет.

– С кем же я могу говорить? С отцом? С братом? С сестрой?

– Нет, сударь. Мы сейчас поедem с Вами к отшельнику, живущему недалеко от монастыря Льежской Матери-Богородицы. Этот отшельник отказался от сана графа в пользу сына и много лет живет среди крестьян своих бывших деревень, помогая им в болезнях и заботах травами и советами. Он хорошо знает, и что такое власть, и что такое слава. Он не ищет никакой выгоды в этой жизни, кроме благословения Божьего, и ничего не просит за свои советы. Поедем к нему, беседа с ним утешила не одну душу и спасла множество христиан от геенны огненной.

– Хорошо. Едем немедленно.

Через несколько часов после привала в пути для отдыха лошадей и небольшой охоты принц и оруженосец вошли в хижину отшельника, неся двух убитых зайцев как подарок к обеду.

Сидя за столом и любуясь на огонь в гудящей печке, принц задумчиво произнес:

– Насколько здесь спокойнее, чем во дворце. Кажется, я понимаю, почему Вы оставили свой замок.

– Нет, милостливый государь, пока Вы не понимаете. Вы еще не прошли тот искус властью, славой и смертью, который прошел я и который проходят вместе со временем. Что вас мучает? Мы уже отдали дань вежливости и учтивости. Я весь внимание.

– Вы знаете, что мои близкие хотят лишить меня власти, которой я еще не получил?

– А чего хотите вы на самом деле в глубине души своей? Вы знаете?

– Не уверен. Но я очень удивлен и обижен враждебностью ко мне мамы и брата и сестры. Почему, за что? Что я им сделал плохого?

– Вот я и вижу теперь, что Вы не прошли искусства, о котором я говорил. Власть слаще женщины и дороже золота. Не о Вас, не о вражде к вам, не о злобе и не о вине вашей думают Ваши близкие, а только власти и силы власти для себя ищут они. Подумайте, ваша мать вкусила сладость власти, когда отец ваш уходил на войну или был в отъезде. И при слабом регенте она была фактически хозяйкой жизни и смерти всех своих подданных. Пока отец был здоров и бодр, вопрос о престолонаследнике не имел практической важности ни для кого и для нее в первую очередь. Сейчас она лучше всех знает, что отец ваш тяжело болен, и, возможно, ему недолго управлять государством. Если ей удастся отменить закон о вашем автоматическом вступлении на престол, она может получить время для регентства, для управления государством, для власти.

– Почему она больше любит младшего брата?

– Она больше любит власть, а он сможет реально получить престол на десять лет позже тебя. Перестань думать о себе как о центре Вселенной. Будь ты король или наследник престола, будь ты епископ или простолюдин, люди вокруг тебя думают прежде всего о себе, о своей жизни, о своих интересах, о своей власти, деньгах, женщинах. Ты их интересуешь только как средство достигнуть первого, второго или третьего.

– Ты хочешь сказать, что нет ни дружбы, ни любви? Нет ни искренности, ни привязанности, ни верности?

– Милостливый государь, и дружбу, и верность легче найти среди зверей и простых людей, которым нечем отплатить за помощь, кроме как хорошими чувствами и верностью, которым нечего предложить взамен, кроме хорошего отношения и человеческого тепла. Во дворцах, поверь мне, я там бывал, чем ближе к власти, чем ближе к кормушке, тем труднее найти честность и верность. Благодарю Бога, что ты имеешь оруженосца, который любит тебя, как сына, за то добро, которое он сделал твоему отцу. Ибо люди гораздо лучше помнят добро, которое сделали они, чем добро, которое сделали им. Добро, которое мы делаем другим, позволяет нам чувствовать себя мудрее, красивее и достойнее, мы хвалим и лелеем эти чувства и легко любим тех, кто нам о них напоминает. Однако в то же время мы не можем спокойно смотреть на тех, кто помог нам в минуты нашей слабости и является живым свидетелем наших неудач. Еще больше мы ненавидим тех, кому сделали зло или по отношению к кому поступили несправедливо, потому что нехорошее изображение показывает нам это зеркало. Твой отец в тяжелых походах потом и кровью заработал понимание истинной подоплеку человеческих отношений и сам выбрал для тебя оруженосца. Ты сейчас видишь, как он был прав.

– Да, это оруженосец убедил меня прийти к тебе, и я вижу, что не напрасно.

– А чего хотел ты?

Я хотел идти к епископу, он мой исповедник.

– Много лет назад я понял, что власть важнее тайны исповеди. Королева, твоя мать, обещала сыну епископа титул графа. Она узнала бы о вашем разговоре в тот же вечер.

– Филипп, ты что, знал о сговоре епископа с мамой?

– Нет, конечно, но я знал, что он очень любит власть и деньги.

– А если бы я пошел к матери?

– Я точно не знаю, но, может быть, ты сократил бы жизнь своему отцу.

– Не может быть! Мама прожила с ним всю жизнь.

– Она бы сказала себе, что не может смотреть на его мучения.

– А брат и сестра?

– Они бы поняли, что в интересах страны и ее народа, чтобы престол получил менее эмоциональный и лучше подготовленный к делам управления младший брат. Уверяю тебя, они бы все совершенно искренне верили, что руководствуются только высшими интересами государства. А епископ благословил бы их на эти действия от имени Господа.

– Что же мне делать? Может, для того, чтобы не ссориться с семьей, лучше уступить им власть добровольно? Зачем она мне, если за нее надо заплатить любовью близких и покоем семьи?

– Ты еще не знаешь сладости власти. Но не в этом дело. У тебя меньше всего амбиций из членов твоей семьи, а значит, ты самый лучший государь для простого человека, который в конечном счете платит за все: и за власть, и за богатство аристократии, и за покой и мир в их семьях. Если ты уйдешь в сторону, мать будет воевать за власть со своим младшим сыном, используя твою сестру как союзника. Так что твое отречение не принесет мира ни твоей семье, ни государству.

– Что же мне делать?

– Ждать. Наблюдать. Думать. И искать союзников, тех, кто не заинтересован сейчас в смуте, то есть тех, кто удовлетворен своим сегодняшним положением и хотел бы получить гарантии его сохранения на будущее. Людские привычки и инерция – великая сила. Чем меньше ты будешь открыто бороться против отмены закона и больше будешь поддерживать контакты с сегодняшними министрами и приближенными своего отца, заверяя их, что ты будешь достойным приемником и продолжателем его курса, тем меньше шансов, что отмена закона получит большинство в совете и в парламенте. И тем лучше твоя мать будет заботиться о сохранении здоровья твоего отца, потому что пока он жив, она королева. А после его смерти она только мать короля, то есть лицо, не имеющее реальной политической власти и влияния. Ты не можешь, подобно мне, сложить с себя власть и уйти в монастырь, не нанеся при этом громадного ущерба своим подданным, за которых ты отвечаешь перед Богом. Мне было легче спастись, я мог уйти от мирской суеты, оставив власть своему сыну без ссоры и скандалов. Для тебя этот путь закрыт, ибо каждому из нас суждена своя судьба, свой крест и свои решения, которые каждый должен принимать, советуясь со своей совестью и долгом перед Богом и людьми. Нет путей без ловушек для совести, без боли за близких и за себя. Нет искуса страшнее и тяжелее, чем искуса власти. И нет доли достойнее, чтобы использовать ее с тактом и честью, с минимальным злом и максимальной ответственностью. Не одну и не две ночи тебе предстоит провести, советуясь с Богом и своей совестью, в муках решая судьбы людские. Я не рад, что мне выпала честь благословить тебя на власть от имени Бога. Но пусть уж я, вкусивший этой власти и ушедший от нее, еще и еще раз повторю тебе: «Страшись искуса власти и всемогущества более, чем геенны огненной, и неси скипетр со скромностью и со знанием того, что не твоими заслугами, а только волей Божею поручена тебе эта тяжкая работа. Ступай с Богом».

Путь целителя

Мама умерла за неделю до одиннадцатилетия любимого сына раджи. На следующий день после поминального костра он пришел к отцу и сказал:

– Великий раджа, я не хочу бороться со своими братьями за твой престол. Я хочу стать лучшим врачом в центральной Индии и прошу разрешить мне отправиться изучать науку целительства к лучшим целителям твоего государства.

– Сынок, через полтора года ты окончишь первый цикл обучения военным и политическим наукам, которые необходимо знать сыну великого раджи. Если ты к тому моменту не передумаешь, я дам тебе разрешение учиться на врача и отпущу с тобой учителя Ламу, который сопровождал меня во всех походах и чьи советы очень любила твоя покойная мать.

Через полтора года юный принц в сопровождении Ламы пришел к стоящему далеко на отшибе от поместья раджи домику, во дворе которого толпилось множество людей.

– В этом домике, – сказал Лама, – принимает больных один из лучших целителей в Индии, который сопровождал великого раджу в нескольких военных походах. Он не живет здесь, он живет в Тибетском монастыре, где учит юношей своему искусству и наставляет людей на путь истинный. Но каждый месяц он приезжает в этот дом, который пожаловал ему вели-

кий раджа, и принимает слуг и членов семьи правителя. В его отсутствие порядок в этом доме поддерживает один из управляющих великого раджи.

Мальчик кивнул головой, и они вместе с Ламой прошли через расступившихся людей к кабинету, в котором принимал врач. Подождав, пока выйдет очередной пациент, они вошли, и мальчик учтиво обратился к Целителю:

– Учитель, я хотел бы стать твоим учеником, чтобы взять у тебя все лучшее в твоей науке и, как и ты, помогать людям.

Целитель поглядел на мальчика. Подошел к нему. Дотронулся пальцами обеих рук до его висков. Минуту помолчал и сказал:

– Сын великого раджи, ты выбираешь очень трудную дорогу длиною в целую жизнь. Любой путь начинается с первого шага. Первым шагом твоего ученичества будет изучение йоги, которая необходима для укрепления твоего духа и тела. Я дам тебе письмо в один из монастырей, где живут лучшие учителя йоги, и в течение года ты должен взять основы этого искусства, необходимые для твоего дальнейшего совершенствования. Через год ты придешь ко мне, покажешь, чему ты научился и расскажешь, что ты понял, и тогда мы обсудим с тобой следующий шаг.

– Но ты согласен меня учить, Гуру? Ты согласен по-настоящему стать моим Гуру?

– Стреножь коня своего нетерпения, мальчик. Мы уже вышли в дорогу, и путь будет далеким и очень трудным. Поэтому я и предлагаю тебе для начала закалить клинок твоего характера.

Через две недели путешествия мальчик и Лама пришли в одну из деревушек Тибета, около которой находился небольшой монастырь, и все жители которой учили, учились и совершенствовались в йоге. Они поселились в очень бедном, но чистом домике одного из самых уважаемых учителей, и начались тяжелые ежедневные тренировки.

Раз в неделю во время положенного короткого отдыха юноша писал короткое письмо отцу, которое отправлялось вместе с подробными докладами Ламы с нарочным в столичный город.

Год пролетел незаметно. За этот год юноша выучил некоторые основные упражнения и асаны и понял некоторые принципы оздоровления, которым учили жителей деревушки монахи из монастыря. Пришла пора отправляться ко двору Целителя, и перед отъездом юноша долго сидел в медитации, глядя на лучи, бегущие в заросшем ущелье, а потом обратился к Ламе, который, как всегда, расположился недалеко от него за кустами, чтобы не мешать юному принцу.

– Уважаемый, – сказал он, – как ты думаешь, что я должен рассказать Гуру о том, чему я научился и что понял?

– Ну, сначала расскажи, что ты думаешь и какие у тебя возникли вопросы, – осторожно сказал Лама. – А потом мы подумаем, что с этим делать.

– Мой Учитель и другие йоги, – задумчиво сказал мальчик, – используют рецепты трав и растений и покупают сборы целебных средств в другом монастыре, который занимается выра-

щиванием лечебных трав и сбором растений горного меда, прополиса и других средств. Я ничего не слышал о таких средствах, разработанных йогой, и думаю, что для того чтобы быть целителем, мне надо знать больше, чем короткий список готовых рецептов, который я получил здесь.

– Что ты еще заметил за этот год? – спросил Лама.

– Я давно хотел тебя спросить, почему эта деревня, расположенная в таком прекрасном месте, гораздо беднее, чем та деревушка, в которой жили моя кормилица и няня.

Лама улыбнулся.

– Ты гостил в той деревушке несколько раз. Скажи, пожалуйста, как тратили свое время жители этой деревни?

– Ну, все они от двенадцати лет и до старости работали в поле или со скотом или занимались ремесленным делом.

– Скажи, а на что тратят свое время жители деревни, в которой мы живем сейчас?

– С пяти до восемнадцати лет они совершенствуются в йоге, с восемнадцати до сорока пяти – пятидесяти лет они работают, занимаются йогой и растят детей, а потом покидают дом для духовного самосовершенствования.

– Теперь ты понял, почему эта деревня гораздо беднее? Они бегут за духовными ценностями, не обращая внимания на материальные.

– Ты думаешь, это правильно?

– Спроси у Гуру.

Они снова встретились с Гуру, и Целитель послал мальчика с письмом учить целебные травы и растения.

– Сейчас тебе четырнадцать лет, – сказал он. – В шестнадцать ты должен знать основы лекарственных растений, чтобы мы могли продолжать твоё обучение в нашем монастыре.

Когда мальчик спросил его о том, почему так бедно живут посвященные йоги, Гуру слегка улыбнулся, помолчал, а потом достал с полки в своем кабинете небольшую книжку, дневник просветленного, и дал ее мальчику.

– Я знаю, что у тебя будет очень мало времени. За два года ты должен пройти материал, который обычно учат пять-шесть лет минимум. Но если ты действительно хочешь стать одним из лучших врачей нашего времени, то у тебя нет другого пути, как быстрее всех идти вверх по горным тропам знания. И ты должен, чтобы правильной использовать свои силы, найти время для духовного самосовершенствования.

Началась жизнь у травников. Некоторые растения надо было собирать до восхода солнца, а другие – после заката. Сроки сбора каждого типа растений надо было запомнить, как и приметы их созревания. Работа в саду, на огороде, сборы растений и шесть-семь часов занятий

каждый день почти не оставляли времени ни для сна, ни для йоги. Но из книжки, которую дал Гуру, из нескольких реплик, которые он бросил во время последней встречи, и из своего опыта общения с учителями йоги, мальчик понял, что он не может пройти этот тяжелый путь без минимума ежедневных упражнений для тела и души.

Каждое утро, перед тем как отправиться в горы за цветами или мумие, он успевал десять-пятнадцать минут позаниматься упражнениями. Когда роса высыхала на цветах и заканчивался утренний сбор, он садился на несколько минут в медитацию, а затем спешил в трапезную и на садовые работы. И вечером, как бы он ни уставал, он так же находил время для упражнений и медитации.

Два с половиной года пролетели как один день, и однажды утром настоятель позвал к себе юношу и сказал ему:

– Ты заслужил грамоту, которую мы даем людям, прошедшим курс обучения лечению в нашем монастыре, и которая дает право заниматься лечением людей независимо от их касты и положения. Я рад дать тебе также письмо для твоего Гуру и сообщить тебе, что я договорился с владельцем каравана, который следует в нужном для тебя направлении, что он возьмет тебя, твои вещи, твоего Ламу. И наконец, последнее: я рад подарить тебе эту книгу с прописями лекарств и описаниями болезней, при которых их принимают. Ты видишь, эта книга заполнена только наполовину и даже меньше. Мы надеемся, что ты дополнишь ее записями из твоего опыта и твоих наблюдений и тем самым пополнишь сокровищницу знаний нашей школы. По традиции, дневники наших учеников с такими рецептами после их заполнения учениками или после их ухода возвращаются в школу их близкими. Прощай, сын мой. Пусть будут чистыми твои помыслы, ясным – разум, горячим – сердце. Тебе, как и всем нам, не избежать ошибок. И пусть твоя гордыня не помешает тебе отразить самые важные для других ошибки в твоих записях. Еще раз прощай и будь счастлив и удачлив.

– Дорогой Учитель, я очень признателен вам за науку, за добрые пожелания, за ваше доброе сердце и теплое отношение во все время пребывания в школе. Могу ли я задать вам один вопрос?

– Да, конечно.

– Куда поехали шестеро ваших бывших учеников с чемоданами инструментов?

– Эти ученики после нашего монастыря обучались искусству хирурга в английском госпитале в Лахоре. Сейчас они поехали вместе с нашими травами и благословениями, а также с их инструментами в Кашмир, где снова вспыхнули беспорядки.

– Почему они заезжали в монастырь и встречались с тобой?

– Потому что я послал их учиться. Мы заплатили за их обучение и хотим, чтобы они совершенствовались в своем искусстве. А лучший способ совершенствоваться в лечении – это само лечение.

– О, Учитель, почему ты меня не послал туда же?

– Только твой Гуру может послать тебя под пули. Но я сомневаюсь, что он пошлет тебя, прежде чем ты окончишь школу военно-полевой хирургии англичан и достигнешь семнадцати с половиной лет. Я не могу рисковать тобою. До свидания.

Настоятель повернулся, вышел из приемной и закрыл за собой дверь. Видно было, что он взволнован расставанием.

Через двенадцать дней пути Лама и сын раджи снова встретились с Гуру. Он внимательно просмотрел письмо и бумаги будущего целителя и сказал:

– Завтра утром отправляйся в школу военно-полевой хирургии. Приедешь обратно с дипломом или можешь прямо ехать в пехотную бригаду сипаев в Кашмир, начальник госпиталя знает меня, и я ему напишу о тебе.

– Гуру, ты ничего не хочешь мне сказать, ни о чем спросить?

– Видишь, тебе еще не хватает выдержки, хладнокровия и наблюдательности для того, чтобы быть настоящим целителем. Ты не прошел экзамена, но я уверен, пройдешь его в будущем. Чтобы твои хорошие задатки не заглушили сорняки самодовольства и честолюбия, ты должен каждый день пропалывать грядки, и помочь тебе в этом должен я, твой старый наставник Лама и все то, что ты встречаешь и преодолеваешь на своем пути. До свидания, мой взрослый малыш.

Через год с небольшим, не заезжая к Гуру, вместе с маршевым батальоном пехотной бригады, трясясь на повозке с инструментом и перевязочным материалом или в седле, Раджуб прибыл в расположение госпиталя. Он много раз уже присутствовал во время операций и перевязок при обучении, но там, в помещениях, отделяющих друг от друга разных больных и врачей, в комнатах, оборудованных так или иначе для операций, все это выглядело не так страшно, как операции в брезентовых палатках или под открытым небом здесь в полевом госпитале.

Раненые и пострадавшие во время погромов женщины, мужчины, солдаты прибывали каждый день с гор и из долин, измученные дальней дорогой и большой потерей крови, стонущие, плачущие, сжимающие от злости зубы. Дни сливались в непрерывный кошмар крови, боли и стонов. Только в редкие минуты отдыха Раджуб успевал сделать несколько упражнений для релаксации или посидеть в медитации. Но даже на фоне этого кошмара нестерпимо болезненным пятном лежали на столе Раджуба израненные, изрезанные или обожженные дети. Шесть месяцев длились на этот раз религиозные столкновения, шесть месяцев горели дома и посева, страдали люди и животные. Через шесть месяцев части регулярной армии оккупировали Кашмир, расстреляли несколько десятков руководителей исламистских группировок и погасили на время тлеющий конфликт. Легко раненый Раджуб получил отпускное свидетельство и отправился к Гуру.

Через несколько дней он достиг монастыря и вечером вошел в помещение, которое занимал Учитель. Тот встал, подал гостю кружку с рисом и пиалу с чаем, жестом пригласил его к столу и сел перед очагом в медитацию. Через пять-семь минут, закусивши и попивши чаю, Раджуб, ни слова ни говоря, опустился перед тем же огнем, но по другую сторону стола. Через полтора часа Гуру встал, хлопнул в ладоши и, жестами показывая дорогу, проводил Раджуба в комнату для отдыха. Утром на восходе солнца, после того как Раджуб закончил разминку, побыл в медитации и перед трапезой подошел к источнику с замечательной чистой водой, Гуру сказал ему:

– Ты обрел некоторое терпение на своем пути. В ближайшие дни мы посмотрим, какие еще богатства ты подготовил для дальней дороги.

Вечером Гуру предложил Раджубу сопровождать его и участвовать в приеме придворных и членов семьи его отца. Первыми на прием пришли подруги и служанки его сестер, и Раджуб принял участие в осмотре и оказании помощи молодым женщинам и девушкам, которые пострадали во время озорных игр, сопровождающих весенние праздники. Сразу после этих девушек на прием пришли двое садовников, руки которых не гнулись от старости и перенесенных болезней, и несколько старух, ослепших от вязания шерстяных накидок. Прием длился больше шести часов. Раджуб перевязывал, вскрывал нарывы, раздавал отвары и травы для них, выслушивал жалобы. К ночи они отправились домой. Гуру, который во время приема произносил только самое необходимое, хлопнул в ладоши и сказал:

– Ты нашел в своей дороге взгляд врача и доброту целителя, меру между соучастием, сопереживанием и отстраненностью, ибо твои руки так же нежно касались стариков и старух, как и молодых девушек, а твой скальпель ни разу не задрожал в твоих руках, какая бы тяжелая и жестокая работа ему ни угрожала. Спасибо тебе за науку, потому что я в твоём возрасте еще не мог перейти от стола, на котором лежит умирающий человек, к столу, на который положили только что раненого, и хладнокровно приступить к операции по его спасению. Расскажи нам, мне и моим другим ученикам, что дает тебе силы в эти минуты и как ты этому научился?

– О, Гуру, ты сам послал меня в Кашмир. Мне очень стыдно, но я не могу не признаться, что в начале моей работы несколько человек погибли, не успев получить помощи из-за того, что я позволил себе потратить время на переживания и релаксацию после смерти предыдущего пациента.

– Как ты думаешь, какое из трех направлений медицины, которые ты учил, наиболее важно для тебя и моих других учеников?

– О, Учитель, каждое знание неопределимо, и какое из них окажется наиболее важным, в данный момент зависит только от состояния больного. Невозможно лечить раненых без перевязочных материалов и скальпеля. Но нельзя их выходить без настоек трав и специй, возвращающих им здоровье. Только сочетая искусство травника и учителя йоги, можно помочь людям, страдающим от сенной болезни и малярии, от работы на рисовых полях и на рыбацких лодках, приводящей к ревматизму. Каждое средство имеет свой адрес и свое лучшее время применения, и я тебе благодарен, что ты позволил мне в должном порядке ознакомиться с каждым из них.

– Завтра, – сказал Гуру, – мы попросим тебя сказать несколько слов о твоём пути для моих новых учеников, а сегодня я хотел бы, чтоб вы все вместе с нами встретили первые звезды и приняли участие в медитации перед стенами храма.

Наутро после трапезы, поблагодаривши за еду Богов, Гуру попросил учеников разместиться в его комнате перед камином и подозвал к камину Раджуба.

– Помнишь ли ты, какие вопросы ты так хотел задать мне после того, как побыл в обучении у йогов?

– Конечно, Учитель.

– Ты хочешь задать их сейчас?

– И да и нет. Мне кажется, я знаю некоторые ответы, но вы, Гуру, наверняка можете увидеть и объяснить то, чего я еще не понял по своей молодости.

– Скромность украшает молодость, но давайте послушаем вопросы и предложенные ответы, чтобы лучше понять путь, о котором мы говорили вчера.

– Гуру, мой первый вопрос был, почему Вы направили меня прежде всего учить йогу, а потом я понял, что Вы хотели научить меня внутренней дисциплине и уходу за собой и своим телом и только потом научить передавать это умение другим. Прав ли я, Учитель?

– Почти. Воспитывая тело, ты готовил к воспитанию разум. Йога закалила твою душу подобно тому, как кровь жертвенного животного закаляет дамасскую сталь. Но кроме всего этого, я хотел, чтобы ты увидел не только достоинство, но и известные ограничения, которые имеет йога в руках любого целителя. Ты сам увидел их в том, что касается трав, настоек и других лекарств, но не рассмотрел, как должна изменяться йога, когда ее применяют к больным, беременным и раненым людям. Я вижу по твоей работе сейчас, что это знание ты получил, хотя и не совсем полностью. Но чтоб это было возможно, ты должен был пройти иску преданного адепта и разглядеть ограниченность абсолюта, который тебе пытались дать как единственное средство решения всех проблем. Непрерывное сравнение цели, средств и результатов, внимание к пациенту – человеку и твоему учителю – неременное условие совершенствования и успеха настоящего целителя.

– Мой второй вопрос, почему деревня йогов живет беднее, чем обычно. Я понял, что йоги тратят гораздо меньше времени, чем обычные крестьяне на производительный труд. Но я до сих пор не знаю, правильно это или нет.

– Согласно древним книгам, – сказал Гуру, – высшие знания, как и высший уровень тренировки в йоге, необходимы лишь очень малому числу избранных. И йога, и вера – инструменты для познания и совершенствования жизни, и они не могут и не должны заменять жизнь для массы своих адептов. В нашем монастыре люди готовятся стать целителями, и лишь небольшое количество монахов ведет хозяйство и осуществляет службу, необходимую для такой подготовки. Время занятий йогой, как и время изучения священных книг, не должно быть больше, чем минимально необходимо, и не должно мешать выполнению долга каждого человека перед самим собой и его семьей. Для меня, как и для любого целителя, просветление и нирвана возможны только, как лунный свет над той узкой горной тропинкой, по которой мы должны идти, помогая людям. Пропастью на этом пути является честолюбие и потеря сострадания. А отвесными скалами – трусость при принятии решений, которые могут решить и судьбу человека, и твою собственную судьбу. Что ты хотел спросить меня после возвращения от травников?

– Я хотел спросить, почему некоторые книги и рецепты травников противоречат друг другу, но я понял, что при одной и той же болезни разным людям в разное время могут быть полезны совершенно разные средства.

– И это только часть правды, сын мой. Человек, пропотевший после физического упражнения, и человек, распаренный в бане, и человек, охлажденный в водяной купели святой воды, и человек, прошедший масляный массаж – это четыре разных человека, даже если все они живут в одном теле и имеют одну и ту же болезнь. А еще они разные на восходе и на закате, днем

и ночью, в разные времена года и в разных фазах их циклов. Наше лечение должно быть гибким, как змея, точным, как ее укус, и острым, как лезвие клинка, чтобы убить только болезнь и сохранить все хорошее. Для этого необходимо помнить, что действие всех лекарств и процедур изменяется вместе с изменением человека, его энергии и его состояния. Ну, хорошо. А появились ли у тебя какие-нибудь вопросы или сомнения после Кашмира?

– О, да, Учитель. Каждый день и каждый час я должен был выбирать, кого спасать, а кого оставить в надежде, что он сумеет дождаться моей помощи и не умереть. И многих и многих я таким образом выбирал для смерти. Учитель, это очень трудно: день за днем, час за часом выбирать, продолжить ли операцию иногда в тщетной попытке спасти жизнь человеку, который уже лежит на столе, обрекая тем самым кого-то, кому не повезло. Скажи, Учитель, почему мы, словно Боги, должны решать, что лучше для человека: умереть, не приходя в сознание и не поняв, что случилось, или долго мучиться, пытаясь вернуться к жизни, а иногда и не к жизни, а только к ее жалкому подобию. А может, и умереть, не вернувшись ни к дому, ни к детям, ни к жене после всех мучений. Как можно решать, как сохранить спокойствие, как быть справедливым перед лицом смерти?

– Вопросы смерти и страх смерти, выбор между жизнью и смертью – это самая трудная ноша, самая тяжкое право и обязанность любого целителя. Последний искус ошибки и неудачи, о которых ты рассказал, на всю жизнь останутся в тебе, чтобы снова и снова напоминать о том, что мы не Боги и не всемогущи. Мы люди, стоящие рядом с другими людьми у края пропасти. И снова и снова ищущие путь наверх, под ударами ветра, камней и непогоды. Мы можем спасти тех, до кого дотягивается наша рука и кто протягивает навстречу нам свои руки. Мы помогаем тем, кто пытается подняться или хотя бы карабкается, ползет, но ползет вперед. Но у нас нет ни права, ни силы, ни времени поднимать тех, кто отказался от борьбы и от жизни, кто в отчаянии перестал цепляться за жизнь, используя каждую шероховатость поверхности скалы. Ты думаешь, что ты не Бог, и ты прав. Твои возможности выбора ограничены. Ты обязан бороться за жизнь каждого, кто оказался у тебя на руках до тех пор, пока есть хоть какая-то надежда на его спасение и сам человек не отказывается ее использовать. Подчиняясь интуиции, а может, и воле Божьей, ты иногда выбираешь тех, кому нужно оказать помощь в первую очередь. Но это не только твой выбор. Судьба каждого человека стоит за его спиной и подсказывает тебе, что, как и когда ты должен делать. Я знаю, очень нелегко идти через смерть и бывать на могилах тех, кто плакал и молил о жизни на твоих руках. Но ты должен идти с поднятой головой и не позволить при этом смерти сделать тебя бесчувственным, потому что самый строгий наставник целителя – смерть – может учить тебя только до тех пор, пока сердце не зачерствело. Сегодня у тебя первая и последняя возможность оглянуться на свой путь и понять, готов ли ты идти дальше, чтоб снова и снова стоять глаза в глаза с больными людьми перед лицом смерти, сохраняя при этом человеческую душу, сердце и разум. И это главное решение твоей жизни.

Три сестры (фацетия)

В семье простого крестьянина случилось несчастье. Молодую жену во время сенокоса случайно задавило упавшим деревом. Через некоторое время крестьянин, оставшийся один с дочкой на руках, женился второй раз на женщине, у которой была дочка примерно такого же возраста. Девочки росли вместе, крестьянин, который, благодаря удачной женитьбе, приобрел новый земельный надел и усадьбу, сменил дом и увез свою дочку от первой жены от всей ее родни со стороны матери.

Прошло пятнадцать лет. Семнадцатилетние девушки стали ходить на вечеринки и танцы в поисках возможного супруга. Мачеха и ее дочка сказали крестьянину, что его дочка должна уступить очередь на свадьбу своей сводной сестре. Дело в том, что по обычаю крестьянская семья играет в год не более одной свадьбы, чтобы сохранить деньги и порядок.

Дочка крестьянина отличалась от своих подруг не столько красотой, сколько тихой приветливостью, умом и каким-то изяществом движений даже во время самой трудной работы. Это то и изящество во время вязки снопов и привлекло внимание к ней сына одного из самых уважаемых хозяев в этой провинции, и он предложил ей руку и сердце.

Когда девушка рассказала о предложении отцу и попросила его принять сватов и не отказать им, отец испугался. Он помнил о требовании своей жены и ее дочери и боялся лишиться падчерицу всякой надежды на замужество в этом году. Он думал всю ночь, а наутро отослал дочку с письмом в старую деревню к ее дяде и к своим братьям. В письме он поручал им согласиться на брак дочери и сыграть свадьбу как бы “вопреки” его согласию.

Все произошло, как и было задумано, и через год с небольшим у дочери крестьянина родилась тройня. Три очаровательных девчушки кричали, сопели и улыбались в доме счастливых родителей.

А в это время дочка мачехи с большим трудом с помощью местной колдуньи нашла себе богатого, но отвратительного и старого мужа, и перешла жить в его дом. Шли годы, росли девочки, но бог не дал дочке мачехи утешения в виде младенца. Она потеряла красоту, потучнела, озлобилась и тихо старилась в окружении богатства, раболепства и ненависти.

Через еще какое-то время кто-то из проезжих рассказал о своей встрече со счастливой красивой молодой женщиной, которая выглядит не старше 22-25 лет, хотя ее трем дочерям исполнилось уже по двенадцать. Трудно себе представить ярость женщины, когда она поняла, что речь идет о ее сводной сестре. Она нашла самую сильную в той стране колдунью, заплатила ей очень большие деньги и пообещала подарить кроме этого семейные драгоценности, если она наведет порчу на тройняшек или сумеет их заколдовать.

Ведьма согласилась и наложила страшное проклятие на трех сестер, вследствие которого одна из них превратилась в лягушку, другая в лебедя, а третья в зайца. Так как девушки и их мать не были виновны перед Б-гом, это заклятие не могло быть постоянным и должно было кончиться в тот миг, когда хоть в одну из девушек влюбится юноша и предложит ей разделить с ним ложе.

Девушка, превращенная в лягушку унаследовала тихую приветливость своей матери, и благодаря этой приветливости и Божьей милости, ее заметил и оценил молодой принц. Как же он был счастлив, когда лягушка в его постели превратилась в прекрасную девушку, но еще счастливее была девушка, которая не только нашла себе мужа, но и вернула красоту себе и своим сестрам.

Вторая сестра спустя короткое время после обратного превращения из лебедя в девушку встретила пожилого, но очень красивого и умного рыцаря. Она вышла за него замуж и только после этого поняла, насколько ревнив и подозрителен ее супруг. Непрерывные упреки и подозрения сделали ее жизнь тяжелой и превратили юные чистые черты лица в подобие статуи. Они

были такими же жесткими и неподвижными, как лица каменных и деревянных фигур, украшающих коридоры и залы замка, в котором она жила. На этом лице было невозможно заметить следы эмоций и чувств, с кем бы ни танцевала юная леди на придворных балах. И вслед за лицом незаметно шаг за шагом стало черстветь и окаменевать ее любящее сердце. Постепенно юная девушка превратилась в каменную статую столь же верную сколь и холодную.

Третья сестра встретила молодого красивого студента, который кончал обучение и собирался приступить к работе в королевской артиллерийской академии. Недолгое время спустя после свадьбы во время каких-то учений или стрельб он был тяжело ранен разорвавшейся пушкой и девушка оказалась на руках с совершенно больным мужем и маленьким ребенком. День и ночь она ухаживала за ними и так старалась не думать ни минуты о себе и не привлекать к себе и к своим проблемам ничего внимания, что в течении нескольких месяцев лицо ее сморщилось от забот, волосы поседел и молодая женщина превратилась в бодрую добрую старушку, на лице которой всегда светилась добрая всепонимающая улыбка. Эта “старушка” воспитывала маленькую дочку, ухаживала за больным мужем и давала советы и оказывала помощь всем соседям и родственникам. Она пользовалась всеобщим уважением и к ней прислушивались как к старейшине, потому что ее возраст и мудрость увеличились многократно за счет страданий, выпавших на ее долю.

Однажды Ли, вернувшись домой, застала свою сестру в слезах и в окровавленных одеждах. Та рассказала ей, что по дороге с вечеринки с ее молодым человеком на них напала группа подростков и сначала избивала, а потом убила ее парня, а потом изнасиловала ее. А потом бросила ее посреди улицы и умчалась на мотоцикле.

Когда девушки обратились в полицию, там им сказали, что шансов найти эту молодежную группу практически нет, групп таких развелось очень много, и часть улиц города, примыкающих к порту и расположенным там дискотекам, считаются опасными для пешеходов и особенно девушек.

Оставив сестру за городом в дачном домике, принадлежащем их родственникам, Ли на следующее утро пришла к старику соседу, который был одним из лучших в Китае учителей боевых искусств, но уже много лет находился на пенсии, и стала упрашивать его научить ее боевому искусству.

– Ли. Я знаю тебя с двухлетнего возраста, сказал старик Шань. Я водил тебя с сестренкой в ботанический и зоологический сад, мы плавали в джонке по реке и любовались закатами и восходами, мы ездили к морю и смотрели место, где смешиваются желтые воды реки и зеленая морская вода. Я был очень дружен с вашим дедом, который умер у меня на руках во время великой войны. У меня нет своей семьи, и вы заменили мне внуков. Всю жизнь я учил вас любить жизнь и природу, а ты хочешь, чтобы я научил тебя искусству убивать?

Смерть и кровь – не женское это дело, а у войны не женское лицо. Я не хочу выращивать в тебе злость и ненависть.

– Ты знаешь сам, что сестра не намного младше меня, но всю жизнь я ухаживала за ней, и она для меня, как собственный ребенок. Чего стоит любовь матери, которая не может защитить и сохранить собственное дите, или хотя бы отомстить за него. Не ты, Учитель, а эти подонки разбудили во мне ненависть и стремление ко злу. Не на весь мир, а только против них может обратиться моя ненависть и те знания, которые я хочу получить от тебя.

– Доченька, бойца делает бойцом не оружие, которое лежит у него в кобуре или заплечном ранце, а внутренняя готовность к его применению. Это умение и готовность к нанесению тяжелого или смертельного удара другому человеку и ответственность за эти действия. Скажи, разве ты можешь ударить свою кошку, собаку, или даже белку, крадущую твои орехи?

– Ты прав, я не могу нанести вреда ничему живому, даже цветку, растущему у обочины. И ты и отец учили нас уважать любую былинку, любого червячка на земле. Но эти подонки не люди, они хуже любого животного, и я не смогу жить, не смогу любить, не смогу создавать семью и рожать детей, пока они ходят по нашим улицам. Пока другим девушкам вроде моей сестры, угрожает подобная участь.

– А знаешь ли ты, что любой боец, вступая в схватку перестает думать и чувствовать? Он превращается в безжалостное беспощадное хищное животное, у которого нет ничего, кроме стремления нанести еще один решающий смертельный удар врагу, и даже на самом последнем издыхании вцепиться зубами ему в глотку. Чтобы убить этих подонков, ты должна прежде убить себя, свою добрую душу, свое чистое сердце. Ты должна свое тело, предназначенное для любви красивой и нежной, превратить в оружие, более опасное, чем сталь, такое же верное и безотказное, как меч самурая. Это потребует трех лет непрерывных истязующих тренировок тела и закалки души, которая сейчас мягче воска.

– Учитель, ты не прав. Моя душа может и покрыта воском или бархатом, но это сталь, и превратили ее в сталь смерть близких и сестра, которая осталась на моем попечении. А вчера эту сталь закалили, и она теперь звенит, как клинок. Я готова отложить все. Я готова проститься со своим другом, который, конечно, не согласится ждать три года, но я прошу тебя во имя твоей дружбы с моим дедом, во имя отца, которого ты нянчил и во имя нас с сестрой, которых ты знал с младенчества, научи меня всему, что ты знаешь и ты увидишь, что в сердце девушки есть место и для любви и для ненависти, и для доброты и для жестокости. Я не знаю, может быть через пять-семь лет, когда у меня появится сын или дочь, мне придется спрятать в ножны то оружие, которое ты вручишь мне во время учебы. Но я клянусь тебе, что я его спрячу в ножны и пока есть хотя бы немного силы в моем теле буду за ним ухаживать, чтобы охранять свою семью и своих близких и передать его незаржавевшим своим детям и внукам.

– Это твое последнее слово и последняя просьба?

– Да. Поверь мне еще в одном, нынешние мужчины и молодые люди из нашего круга не могут быть настоящими рыцарями и защитниками. Ослабла стальная пружина мужского характера, которая превращала их в бесстрашных бойцов и рыцарей. Съели ее честолюбивые помыслы и ржавчина гнилой цивилизации. Остались только отдельные самцы, которые утверждают свою самость, изгаляясь над случайными прохожими, и с которыми я хочу посчитаться.

– Доченька, я понимаю твою горечь, но надеюсь, что твой сегодняшний взгляд на мужчин изменится со временем, и когда ты познакомишься еще с некоторыми из моих учеников. Я однако не могу не согласиться с другими твоими доводами, и если в течении четырех недель, начиная с этого дня, ты не изменишь своего намерения, то в понедельник пятой недели ты можешь прийти в мой дом с вещами, которые необходимы тебе для жизни и занятий и поселиться в одной из комнат второго этажа. Два раза в неделю ты сможешь посещать свою сестру и в любое время мой дом будет открыт для нее и в нем всегда найдется для нее и комната и миска риса.

Через шесть месяцев Ли получила желтый пояс.

В урочище в таежном краю недалеко от Игарки стоят каменные идолы. Спокон веков существует поверие, что любой человек один раз в жизни может прийти к этим идолам и задать один вопрос. И получить ответ на него либо от небес, либо от душ умерших предков, либо от каменных идолов, что сторожат эту землю.

Однажды в это место приехал самый великий шаман Сибири. Красивый сорокалетний мужчина высокого роста. Он привычными движениями очистил кострище, сложил и разжег заготовленное топливо. И пока костер занимался, приготовил дрова, еду, соль и растопку для следующего просителя, который может прийти за ним.

Окончив хозяйственные работы и приготовив меховые одежды для ночлега под навесом из лапника возле кострища, он сел в медитацию и после часового сосредоточенного молчания спросил у небес и духов этого места, почему не дано любви ему в этой жизни.

– Колдуньи, что гораздо слабее меня и знают лишь несколько заговоров для любви, против сглаза, против болезни да для помощи роженицам нередко имеют либо семьи, либо постоянных любовников, а я – самый сильный колдун во всем этом громадном крае, среди тысячи тысяч молодых женщин и девушек, живущих в тайге и по берегам рек и озер, не могу найти себе пары.

Идолы молчали.

Потом низкий суховатый голос спросил:

– А любил ли ты когда женщину?

– Да, трех женщин встретил я в своей жизни, для завоевания которых я был готов потратить и тратить все силы своей души. Но ни одну из трех я не смог удержать, и больше всего мне вспоминать о первой из них. Я встретил ее, когда мне было всего двадцать лет, а ей восемнадцать. Нам было удивительно хорошо вместе и на прогулках, и на танцах около костра, и в постели. Я ей отдал всю душу, всю любовь, а она...

– Постой, постой, а что ты взял от нее? Что ты принял?

– Как что, я взял ее любовь. Ее прекрасное гибкое тело. Ее объятия и поцелуи.

– А ее мечты? А ее мудрость женщины, матери, устроительницы очага?

– Ну, ведь я знаю гораздо лучше, как строить дом и семью. Сотни женщин к этому времени уже приходили ко мне с вопросами о своей жизни.

– Так какое же место ты оставлял ей в своем доме? Рабыни в постели? Исполнительницы твоих желаний и твоих планов? О чем она тебя просила?

– Разрешить обставить и обустроить дом по-своему.

– Что ты разрешил?

- Я разрешил ей сменить всю обстановку и покупать любые вещи.
- А что ты дал ей сделать в обустройстве дома, семьи и семейного уклада?
- Я ж уже сказал.
- Сколько времени она терпела?
- Шесть месяцев. И ушла, сказавши, что даже если у нее родится мой ребенок, она ни за что не допустит, чтобы он воспитывался в доме у такого отца.
- Вторую и третью женщину ты любил так же сильно?
- Нет. Еще сильнее. Но я с самого начала предупреждал их, наученный горьким опытом, что дороже всего для меня мой уклад жизни и мои занятия.
- Так что же ты им предлагал?
- Безбедную жизнь и возможность покупать любые вещи, а также любовь.
- А чего же они хотели?
- Пустое. Они говорили, что хотят чувствовать себя хозяйкой в доме.
- И обе ушли сами?
- Да, еще быстрее, чем первая.
- Больше ты не любил женщин?
- Нет. Даже, когда я спал с ними, я всегда чувствовал, что они так же готовы бросить меня, как и те женщины, которых я пытался удержать. Ведьмы, те да, те готовы были жить со мной годами и при этом использовать мои знания и могущество в своем жалком колдовстве. Но мне неинтересно служить удобрием для их поля.
- Ты сам ответил на твой вопрос. Только ведьмы могли идти по своему пути в союзе с тобой, но при этом они не могли дать тебе ничего, кроме тела. Остальные женщины хотели не только любви, но и своего пути, своей жизни, своей свободы. Эмоции и чувства, интуиция и древние инстинкты – это главное поле твоей деятельности. И это едва ли не единственное поле, в котором могут реализовать себя любящие женщины. Ты не оставил для них этого поля, не оставил места для их пути. В той или иной мере ты оставил место для пути только колдуньям, но даже для них, вследствие совершенно неравноправных отношений, ты, оставив место для их самореализации, не оставил места для их любви. Нет и не может быть настоящей любви без равноправия, взаимного уважения и взаимной помощи. Без движения каждого по своей дороге, без возможности самореализации каждого не только в постели, но и в жизни. Если ты не научишься в своем пространстве оставлять место для свободы и самореализации женщины, которую ты любишь, а это для тебя очень трудно, у тебя нет никаких шансов на построение и сохранение настоящей любви. Теперь у тебя есть ключи. Ты получил ответ, и за тобой остался

выбор. Власть и могущество великого шамана не могут распространяться на женщину, которую он любит, если при этом он хочет быть любимым.

Танец любви.

В далекие далекие времена культ праматери был главным культом любого племени. Ведуньи помогали женщинам при родах, заключали брачные контракты и подыскивали пары, оказывали помощь воинам и охотникам. Они были самыми уважаемыми членами племени, и только они знали точно, чьи дети растут и играют в их шатрах.

Долгой и тяжелой была борьба мужчин за культ отца и вождя, за культ фаллоса, оплодотворяющего лоно, за главенство в роде и за право собственности на своих детей, на свое семя и на женщину, которую он оплодотворяет. Ведуньи стали именоваться ведьмами, а тех из них, что осмелились вспоминать о своем первобытном праве на детей и на право определять их жизнь и жизнь их племени, а также на право распоряжаться своим телом, называли ведьмами и стали сжигать на кострах. В большинстве мест культ матери и культ любви был извращен или загнан в подполье. В Индии, в Тибете, в Непале остались однако храмы, сохраненные женщинами, оставшимися верными своим Б-гам и своей свободе. Среди нетронутой природы стояли и стоят еще может быть храмы, посвященные праматерям и

богиням любви. Женщины и девочки могут приходиться в эти места к этим святыням, чтобы найти себе утешение и помощь, или обрести новый путь в мире. И лишь малая часть из пришедших за помощью и советом женщин и девочек посвящает себя служению Богине.

Никто до конца не знает, то ли изначально, то ли потерпев поражение в борьбе за власть с мужскими богами, праматери стали более жестокими и требуют человеческих жертв от своих адептов. Никто из мужчин не смеет пересекать границу храма матери и Богини Любви, никто и никогда за одним исключением: три раза в году во время празднеств, посвященных праматерям и богиням Любви самые красивые жрицы храма в сопровождении пения и музыки, исполняемых другими жрицами, устраивают огненные пляски – священные танцы перед вынесенными на это время за ограду храма в специальные культовые места дароносительницами.

Во время этих танцев, на которых могут присутствовать и даже приглашаются посторонние, включая мужчин, все могут приносить свои дары в пользу храма. И если кто-нибудь из мужчин настолько возгорится желанием необычной ночи любви, что будет готов рискнуть ради нее и своей жизнью и значительной частью своего состояния, не важно большое оно или маленькое, то он может войти в ограду храма, в течении недели наблюдать ритуальные танцы и молитвы, а также получать начальные уроки искусства служения богине Любви и на седьмую ночь он может взойти на ложе той из жриц, которую он избрал во время первого ритуального танца вне стен храма.

Он может получить небывалое наслаждение, как говорят легенды, он может достичь высот, которых никто из мужчин, живущих в мире не может достичь с женщиной ни из приличных семей, ни из кварталов домов терпимости. Нет ни девушки, ни женщины, ни гетеры, ни гейши так владеющей своим телом и настолько знающей все тайны искусства любви, насколько это знают и могут жрицы храма, посвятившие этому всю свою жизнь. Благодаря этой славе немало мужчин готовы рискнуть всем, чтобы испытать неземное наслаждение и, что не менее важно, похвастаться этим небывалым и необычным ощущением перед своими друзьями и подругами.

Один из таких искателей приключений прибыл в мелкую деревушку, расположенную у подножия Гималаев. В маленькой местной харчевне, которая использовалась по совместительству как гостиница, его познакомили с юной девушкой, которая должна была свести его к месту обряда. По-видимому он приглянулся девушке, поэтому она стала уговаривать его оставить мечты о несбыточном и не отдавать свою молодую жизнь на потребу ненасытной Богине.

– Как можешь ты говорить так о Праматери? – удивился юноша.

Однако девушка стояла на своем.

– Ты не знаешь женщин, сказала она. А жрицы богини Любви – это женщины в квадрате.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Глупец, сказала она, пойми, что когда девушку заключают в монастырь, лишают ее общения с мужчинами, даже с братом и с отцом, и снова и снова заставляют плясать под волнующую музыку эротические танцы, о силе которых ты даже не имеешь представления, она превращается в тигрицу, вся мощь которой направлена на покорение и завоевание мужчины. Чем дальше, тем больше она жаждет отомстить этому единственному в ее жизни мужчине за всю ее пропавшую жизнь, за жизнь которая протекает без любви, без семьи, без детей. Она стремится отдать своей богине человеческую жизнь, не потому что эта богиня так кровожадна, а потому лишь, что служение этой богине и только оно придает какой-то смысл ее жизни и единственный способ завоевания места и почета среди товарок является принесение в жертву богине мужчины, который только один и может удовлетворить ее ненасытное желание.

– Что ты хочешь сказать?– спросил юноша.

– Я хочу сказать, что если тебе жалко твою молодую жизнь, ты не должен идти к этим женщинам и рисковать собой и своей жизнью ради пустой иллюзии.

– Что ты можешь знать о иллюзиях и о мужчинах, девочка?

– Очень мало и очень много. Я тебе в последний раз говорю, оставь свои глупые надежды. Назад дороги не будет.

– Откуда ты это знаешь? Скажи! Иначе я не могу тебя послушаться, взмолился юноша.

Тогда девушка не выдержала и призналась: Дурачек, я уже не первый год послушница этого монастыря, ученица жриц любви и лучше всех знаю, что те любовные игры и то удовлетворение, которые могут быть достигнуты нашими жрицами в играх друг с другом невозможны и недостижимы ни для кого из мужчин. А тот кто решится на эту игру и не преуспеет в ней должен быть принесен в жертву безжалостной богине.

– Ты хочешь сказать, что женщина может удовлетворить любую женщину лучше, чем любой мужчина?

– Конечно. Я хочу еще сказать, что ни один мужчина не может сравниться в постели с женщиной, знающей и умеющей, что надо сделать для удовлетворения подруги.

– Но разве женщины могут быть настолько безжалостны? Готовить своего любовника как жертву – это худшее зверство!

Девушка недобро нехорошо рассмеялась.

– Зверство, сказала она, а разве кто-то спросил моего мнения прежде, чем предложить мне в качестве мужа старого вонючего хрыча, который не годится мне ни в качестве любовника, ни в качестве брата, ни в качестве отца. Разве кто-нибудь спрашивал моего мнения, когда согласовывал сумму выкупа за мою молодость с этим бандитом? Разве могла бы я как-то избежать своей судьбы, если б не этот благословенный храм и женщины, которые живут в нем?

Что вы мужчины знаете о страданиях женщины, которых вы покупаете под видом замужества. Если бы мне предложили тебя, я вряд ли решилась бы идти в монастырь. Но никто не был готов предложить мне выбор. И у меня не было иного пути. И теперь, когда я хочу спасти тебя и твою молодую жизнь, ты мне не веришь.

– Ну все-таки, объясни, как может женщина желать смерти мужчине, единственному мужчине, который вошел на ее ложе?

– Ты не можешь понять, что такое жизнь в монастыре. Таковы правила, и насколько тяжела борьба между подругами за продвижение по этой лестнице за то, чтобы быть первой среди равных. Тебе не дано понять, что только таким путем женщина может сохранить себя и выдвинуться, и значит хоть как-то оправдать свое существование.

– А что будет с женщиной?

– Смотри, тот мужчина, который не смог или не захотел удовлетворить женщину, а чтобы удовлетворить ее нужно очень много, отдается в руки жриц для принесения жертвы Великой богине. И сама церемония принесения жертвы настолько значительна и великолепна, что этот

ежегодный праздник вспоминают все весь год. Поэтому женщина, которая сумела предоставить жертву для этого праздника становится одной из самых значительных и важных персон в храме. За это не жалко пожертвовать и мужчиной.

– А она не будет после этого мучиться всю жизнь?

– Конечно нет. Ведь она навсегда займет место на ступенях храма одной из самых близких к алтарю.

– А что будет с детьми, которых может родить такая женщина?

– Если это будет мальчик, то его отдадут в одну из деревень на воспитание, если девочка, то она по праву рождения станет жрицей храма и вся ее жизнь будет связана отныне с богиней Любви.

– Но это ведь жестоко.

– Что знаете вы мужчины о жестокости. Разве не вы сжигали на кострах наших сестер во имя чуждых нашему народу новых богов, разве не вы снова и снова требовали смертной казни для женщины, которая осмеливалась любить и быть любимой вопреки вашим дурацким законам. Оставь, и никогда не говори мне больше о любви, если ты хочешь, чтобы я имела к тебе хоть каплю жалости.

– Какое значение имеет жалость такой как ты для такого как я?

– Не гневи бога, незнакомец, никто не знает как повернется завтра его жизнь и кто и как нужен будет ему на трудных путях спасения.

Они дошли до заповедного места перед угрюмым каменным помостом, где стояли каменные урны для жертвоприношений. Рядом высились вырубленные из толстых деревянных колод сидения для оркестрантов. Шумели вековые деревья, сквозь их листву светило вековое солнце, и все вокруг было так тихо и спокойно, что не верилось, что тут может разыгаться действие, напоминающее трагедию.

– Смотри, вот место для костра, сказала девушка, приведшая юношу. В его свете полуобнаженные или обнаженные мы будем танцевать перед вами во имя солнца и луны, во имя любви и ненависти, во имя жизни и смерти. И, поверь мне, нет мужчины на всем белом свете, который может устоять, видя наш танец, и который не захочет отдать все и самую жизнь ради того, чтобы провести с нами заветную ночь.

– А что будет, если мужчина сумеет удовлетворить твою ненасытную товарку?

– Я слышала об одном или двух случаях наподобие этого, улыбнулась девушка. Этот мужчина мирно покинул наш монастырь, увезя с собой в награду и славу, и о нем долго говорили на всех берегах Великого Ганга. Но та девочка, которая подтвердила его успех, и тем лишила подруг давно ожидаемого удовольствия, впрочем не навсегда, а лишь до следующего праздника, всего на три месяца, была проклята матерями-настоятельницами и окончила свою жизнь в роли самой забитой и презираемой служанки Божьего дома. С тех пор никто не осмеливался проявлять такую непочтительность к славной богине.

– Ты хочешь сказать, что никто из мужчин не имеет никаких шансов получить желаемый приз?

– Конечно нет. Если бы такие шансы существовали, праздник был бы невозможен.

– Что же стоит заявление ваших настоятельниц о беспристрастности и объективности соревнования?

– О ровно столько же, сколько заверения мужчин в верности и честности перед первой брачной ночью. Поверь мне, мы квиты, и ни одна из нас не готова дать вам никакой форы ради сохранения вашей жалкой жизни.

Мужчина тихо вздохнул и спросил: Но разве нет совсем никакой справедливости в этом гнусном мире?

– В каждом месте своя справедливость. В джунглях большого города она одна, в джунглях предгорий она другая и третья в джунглях мужских и женских монастырей, кварталов

терпимости и так называемых традиционных театрах культуры. Поэтому не жди справедливости и не проси о ней, если уж ты решишься вступить в эту игру. Запомни, ее нет и никогда не будет, так же как нет и никогда не будет справедливости для тех, кто пришел в этот мир незванным и непрощенным по вине таких как ты искателей приключений.

– И все таки, я готов пойти на представление, и я уверен, что нет такой женщины, которая сможет соблазнить меня настолько, чтобы я согласился пожертвовать вашему дурацкому монастырю свое богатство и свою жизнь.

– Хорошо, сказала девушка, я сделала все, что я смогла, а дальше пусть на то будет Воля Божья.

После полудня на следующий день на большой площадке перед жертвенной чашей начали раскладывать большой костер. Смолистые бревна для него были заготовлены заранее. Крестьяне окрестных деревень, часть из которых, если верить рассказу девушки, могли быть детьми искателей приключений, с интересом поглядывали на трех или четырех молодых людей, старательно избегающих друг друга, которые с хозяйским видом похаживали по площади и свысока поглядывали на суетившихся, в предкушении редкого зрелища местных ребят. Через полчаса или час после того, как солнце вышло из-за высоких деревьев, окружающих поляну и осветило площадку перед кострищем, зрители, собравшиеся из всех окрестных мест, притихли. Под барабанный бой из ворот монастыря вышла большая процессия, впереди которой шли барабанщики, а за ними следовали вереницей жертвенные животные, самые юные и все более взрослые жрицы храма. Последними шествовали матери-настоятельницы и старейшие из них, срок жизни которых явно подходил к концу. Процессия дошла до жертвенницы, совершила круг почета вокруг нее и совсем юные девочки начали танцевать гимн жизни под мерный рокот барабанов и сладострастно вздыхающие трубы и флейты. Их пляска все убыстрялась. Смуглые тела подростков, натертые маслами и благовониями, сверкали и переливались на солнце, юные бедра вполне по-взрослому изгибались в сладострастных призывах, а мелодия все ускорялась, все звала куда-то и на сцену вслед за девочками вышли молодые женщины.

Их пляска казалась еще более чувственной, но так же не могла затронуть сердца молодых мужчин, прибывших на праздник. Их сменили более пожилые женщины, и, наконец глубокие старухи, которые двигались неторопливо, устало и очень степенно, как бы напоминая своими движениями о конце праздника жизни. Мелодия замедлилась. Но потом, когда старухи заняли почетные места на камнях позади жертвенной чаши, все внезапно опять изменилось.

Совсем юные девушки двенадцати-тринадцати лет и дети трех-четырёх летнего возраста выпорхнули на площадку, неся с собой сажены плодовых растений и цветов и мешочки с семенами, символизирующие начало жизни или новый поворот бесконечного ее колеса. С песнями и плясками они внесли свои дары к жертвенной чаше и зажгли костры в каждом углу площадки. Центральный костер пока был без огня и в его смолистые поленья юные танцоры поставили охапки живых цветов. Вслед за девочками на арене снова показалась группа более взрослых танцовщиц, каждая из которых несла в руках букет с живыми цветами. Они были одеты в короткие развевающиеся туники и в легкие юбочки, которые подобно осенним листьям колыхались от их движений при порывах вечернего ветерка. Их движения все ускорялись и в один прекрасный момент они дружно бросили цветы под тревожную дробь барабана к подножию одной из каменных фигур, стоящих на жертвенной площади.

В тот же момент вместо букетов они подхватили увитые цветами обручи, и пляска возобновилась с новой силой.

– И ты думаешь, что это способно соблазнить настоящего мужчину? – шепнул юноша сидящей рядом с ним проводнице.

– Подожди, ты еще не видел и половины, сказала она. Сейчас танцуют только начинающие, те кто не имеют права танцевать в основной части процессии.

Юноша замолк. Одни танцоры сменяли других, девочки сменялись молодыми женщинами, снова и снова с разными символами и разными растениями, воспроизводя бесконечный водоворот жизни.

Все ждали чего-то еще, и юноша ждал вместе с ними.

И тогда на площади появилась новая группа танцовщиц, одежды которых составляли легкие полупрозрачные накидки. Юноша оглянулся. Девушка, до сих пор сидящая рядом с ним и комментирующая все происходящее исчезла, и он вдруг обнаружил ее среди бесконечной вьющейся змейкидвигающихся неторопливой походкой танцовщиц. Бедра их призывно колыхались, а в самом движении чувствовалась какая-то неизбывная всепобеждающая сила. Их тела были так же покрыты ароматными маслами, а музыка, которая раньше гремела, подобно гонгу, стала вкрадчиво-тихой и волнующе медлительной. Восьмерка и девушки снова и снова охватывали жертвенную чашу и громадное кострище, над которым все еще не бушевало всеочищающее пламя. Вот они в очередной раз бросили к подножью костра цветы и изогнулись в глубоком поклоне, демонстрируя зрителю грациозность своих фигур и ловкость и гибкость тренированных тел.

Солнце закатилось за кроны деревьев и бросило алые отсветы на далекие склоны покрытых льдом и снегом гор. Ударили барабаны и на какое-то время отвлекли внимание зрителей от стройных фигур. Когда они ударили снова, девушки, одетые в легкие полупрозрачные газовые накидки алого цвета, застыли неподвижно, и только легкие колебания призрачной ткани говорили о том, что они живые. Выбежали двенадцать малышей, держащих в руках еще не зажженные факелы. Каждая из них подбежала к одной из девушек и вручила ей свой факел, и после этого девушки снова пришли в движение.

Одна за одной подходили они к чаше с жертвенным огнем, окруженной матерями-настоятельницами, зажигали у этого огня свой факел и двигались дальше, жанглируя им, словно мечем. Несколько раз с пылающими факелами в руках они прошли в танце вокруг пылающего кострища, снова и снова, подбрасывая и ловя факел, и пламя его вздымалось вверх, подобно их легким одеждам, а движения самих девушек все ускорялись и ускорялись, подобно языкам пламени разгорающегося костра. Снова загремели барабаны, и под их грохот каждая из девушек поднесла свой факел к заранее подготовленной растопке.

Вспыхнуло пламя. Сначала оно плясало внизу около земли, не поднимаясь вверх и дыша то ли в такт ветру, то ли в такт дыханию толпы. Теперь девушки танцевали между толпой и набирающим силу пламенем костра. Их полупрозрачные одежды то сливались с языками пламени, то вздавались над ним, а движение продолжало убыстряться. Их тела разговаривали, они разговаривали с уходящим солнцем, с еще не видной луной и с шумящим потрескивающим пламенем огромного кострища. Они не говорили ни с кем конкретно в толпе, но их призывный жест, их телодвижения были настолько красноречивы, что казалось ни один мужчина не может остаться равнодушным при виде этих говорящих, поющих, рассказывающих тел.

Пляска продолжалась. Сейчас девушки посвящали ее уходящему солнцу, именно о нем говорили их простирающиеся к облакам руки. Именно о его тепле и животворных лучах твердили изогнувшиеся в поклоне перед ростками священных цветов и семенами тела. О солнце говорила, и песня, звучащая у костра и повторяемая находящимися в толпе местных жителей девушками послушницами из храма. Теперь пламя костра взметнулось намного выше и было гораздо ярче, чем лучи уходящего солнца. Снова загремели барабаны и смолкли флейты, и снова на мгновение застыли девушки, чтобы с новым рисунком мелодии начать новую фигуру танца.

Запели флейты и в сполохах костра все увидели девушек, стоящих на одинаковых расстояниях друг от друга по большой дуге, огибающей кострище. Когда голос флейт взметнулся вверх, тела девушек затрепетали в такт непрерывно струящейся мелодии. Они нагибались и приседали, наклонялись и тянулись вверх. Ноги их не сходили с места, но тела ни одной

секунды не находились в покое. Струилась музыка, металась сполохи пламени и накидки девушек, и трепетали, гнулись, играли, повинуюсь чарующей мелодии их тела в бесконечном танце молодости, силы и желаний. Звуки мелодии то затихали, то взметались выше, пламя костра все увеличивало и увеличивало круг света, в котором танцевали девушки и сидели первые ряды зрителей. И все гуще становилась темнота леса, окружающего этот светящийся круг.

Летели куда-то высоко вверх искорки костра, метался по кругу дым, донося запах ароматических полений, а стоячий танец все продолжался. Казалось тела девушек не знали усталости.

Снова закричали в экстазе флейты, забили барабаны, и под этот всплеск музыки над вершинами деревьев всплыла зеленоватая громадная в своем сиянии луна. С ее появлением вновь стихли флейты, чтобы вступить в игру, догоняя девушек, которые теперь рванулись со своего места и пошли в танце по все расширяющейся спирали. Лица их были обращены к луне, тела трепетали то ли в такт музыке, то ли в такт качающимся вершинам деревьев, на которых играл лунный отсвет, а ноги перебирали в каком-то диком ритме мелодию то ли весеннего гона стада, то ли любовных схваток волков, то ли погоню за самками лесных оборотней, макак и павианов.

Спираль раскручивалась все шире, и теперь каждая из девушек танцевала в окружении группы зрителей. Когда мелодия снова достигла крещендо, девушки закружились на месте и медленно опустились на землю, прикрыв тело накидкой.

За время нового перерыва в музыке часть танцовщиц сменилась, и все без исключения сменили алые накидки, с которыми они провожали солнце на синие и красные ленты, обвязанные вокруг головы и вокруг пояса. Снова загремели барабаны, и под их рокот каждая из девушек начала отбивать что-то наподобие чечетки, почти вплотную к обступившим их зрителям.

Блестели натертые маслом тела. В исступлении танца колыхались бедра и груди, покачивались на уровне глаз сидящих зрителей темные треугольники волос. Барабаны продолжали вести, и их ритм то учащался, то стихал, словно диктуя ритм ожидаемого свидания. Тела призывали и отдавались и замирали в экстазе и снова и снова звали. Глаза девушек глядели куда-то внутрь и в то же самое время обегали и расспрашивали и отзывались на вскрики, хлопанье в ладоши и вздохи замороженных зрителей. Теперь каждую девушку сопровождали собственные аккомпаниаторы и мелодия танца рождалась во взаимодействии девушки и музыкантов, откликаясь на ощущения зрителей, танцуя для одного или нескольких из них, девушка как будто вовлекала его в невидимый диалог, и не было силы, которая могла бы заставить кого-то уйти и не отозваться на призыв этой чарующей мелодии танца.

В начале каждая из танцовщиц пыталась увлечь своим танцем, увлечь в диалог одного из трех пришельцев – искателей приключений. Но довольно быстро, почувствовав или не почувствовав отсутствие внутреннего контакта между собой и выбранным юношей, большая часть девушек стали танцевать для знакомых или полужнакомых местных жителей, и только три из них сконцентрировали все силы и желания на том, чтобы пробудить интерес к себе у выбранного юноши.

Они соревновались в позах, демонстрирующих те чудеса, которые могут ожидать мужчину, разделившего с ними ложе. Они проявляли невероятную чуткость и откликались и рисунком и ритмом движений на приливы и отливы его желания, на смены его настроения от страха к надежде, от упорства к отчаянности, от желания любви к ненависти и даже ужасу. И юноши не смогли не откликнуться.

Сначала наш герой был твердо уверен, что уж его никто не сумеет взять ни на какие штучки, и как мы помним с некоторой насмешкой отнесся к уговорам девушки, которая провожала его к месту празднества. После второй или третьей части танца он потерял ее из виду, потому что лица девушек были покрыты ритуальной раскраской, а их фигуры были настолько совершенны, а движения отточены, что каждая из них являлась праздником для глаз и души, и

трудно было отличить одну от другой, настолько подобен был рисунок их тел в танце. Но когда одна из девушек стала настойчиво танцевать перед ним, откликаясь своими движениями, всем своим телом на каждую мысль, на каждое ощущение, невольно возникающее в его теле, он вдруг понял, именно не увидел, а почувствовал, что танцующая перед ним девушка знакома ему, и знает его лучше всех остальных. Что это его попутчица.

Снова и снова подступало к его горлу какое-то щемящее чувство близости, а тело заливала волна нестерпимого желания. И откликаясь на эти волны, девушка замирала в экстазе, то трепетала, то неслась в даль прочь от него испуганной ланью. В конце танца каждая из девушек протянула мужчине, находящемуся напротив нее венки, перевитый цветными лентами, снятый с ее головы. И застыла перед ее избранником в глубоком полупоклоне.

Не обращая внимания на других мужчин, испуганно оглядывающихся по сторонам, повинаясь внезапному порыву, юноша протянул руки к венку. Тут же ударили барабаны, юношу окружила стайка обнаженных девушек, и они повели его вокруг жертвенно огня и кострища к настоятельницам.

При проходе меж двух больших камней, своеобразных воротах святого места, на плечи каждой из девушек был наброшен длинный плотный плащ, защищающий как от холода, так и от нескромных взоров.

В окружении девушек, а также детишек, юноша пошел дальше по тропинке, идущей к храму. По тропинке, по которой не имел права идти ни один мужчина, кроме тех, кто решился стать искупительной жертвой богине или победить жрицу в любовном поединке.

Когда они входили в калитку в ограде храма, юноша на секунду почувствовал на своей шее дыхание избравшей его девушки и спросил ее шепотом, неужели ты сможешь после таких танцев отдаться любви, которую ты обещала.

Ни ты ни я сегодня не готовы для любовных битв, ответила девушка. У тебя есть еще неделя, чтоб познакомиться с нашими обычаями и танцами и основами искусства любви. И только после этого и соответствующих молитв и обрядов мы сможем взойти на одно ложе.

Всю неделю между многочасовыми молитвами около юноши танцевали совсем юные девушки и девочки. Они учились различным па и ритмике эротического танца и пристально наблюдали за тем, как их танец действует на мужчину. Их наставницы снова и снова объясняли им тайны искусства обольщения. И полумертвый от страха перед предстоящим испытанием юноша понял, что его используют как живое наглядное пособие.

Время от времени одна из старших монахинь приглашала юношу для трапезы, которая по ее словам должна была дать силы для предстоящей ночи и угощала его беседами о том, как и когда приносились в жертву его предшественники.

Если после такой беседы очередные юные танцовщицы собственно танцами или касаниями не могли заставить его забыть о предстоящем и почувствовать желание, они подвергались наказанию.

Так прошло семь дней.

После полудня седьмого дня юноша очередной раз получил свой обед, включающий мед, орехи, мясо молодого козленка, а также специи, травы и фрукты. При выходе из трапезной ему вручили дощечку и предложили написать на ней название десяти блюд, которые он просит принести в опочивальню девушки. После того как он дрожащей рукой заполнил перепись, его отвели в храм, посадили на почетное место и заставили слушать длинную бесконечную службу, посвященную Богине Любви и Матери всего сущего.

И, наконец, после этой бесконечной службы его вымыли, одели в ритуальные белые одежды и отвели в специальное небольшое здание, где находилась ритуальная опочивальня.

Когда юноша вошел в опочивальню, ему навстречу поднялась юная жрица, одетая в легкие развивающиеся одежды.

– Ты выглядишь усталым, испуганным и измученным, господин мой, нежно сказала она. Сядь, пожалуйста на это удобное кресло, я сделаю тебе массаж и приготовлю чашечку кофе. Тебе надо набраться сил перед этой трудной ночью.

Когда девушка поднесла ему чашечку кофе, руки его дрожали и капли кофе пролились на белоснежные одежды. Девушка за руку увлекла его в комнату для омовений и прошептала: ты должен взять себя в руки и успокоиться, иначе у тебя не будет никаких шансов спасти жизнь, как бы я этого ни хотела.

– А ты можешь и хочешь это сделать?

– Да. Я знаю, какие истории тебе рассказывали все эти дни и как тебя использовали для обучения молодых послушниц.

– Но ведь это правда?

– Что? То что тебе рассказывали? Правда, но не вся. Тебе не рассказали о тех случаях, когда мужчина уходил отсюда живым и здоровым.

– Но почему?

– Все хотят участвовать в обряде жертвоприношения и все немного завидуют и злятся на ту подругу, которой досталась честь и право участвовать в этом испытании. Зависть и злоба – это страшная сила, которая больше всего пугает меня и заставляет сделать меня то, что я хочу сделать. Я не ожидала расцвета этих чувств внутри стен храма.

– Значит, ты хочешь спасти мне жизнь?

– Да, дурачок, но я не сумею сделать ничего, если ты не сыграешь как следует свою роль. За нами наблюдают и нас подслушивают.

– И ты готова рискнуть? Я тебе очень нравлюсь?

– Об этом мы поговорим перед расставанием. А пока что возьми себя в руки, и тогда я попробую тебе помочь.

Еще не доконца пережитый страх смерти и вспыхнувшая надежда разожгли в теле юноши небывалое желание. Он бросился на ложе и они занялись любовью. Девушка тихонько успокаивала его и уговаривала поберечь силы. Уже через час или два он понял, что нормальный мужчина не в силах выдержать подобный любовный марафон. Гибкое податливое тело девушки казалось не знало усталости, а ее темперамент не уступал ее выносливости.

Время от времени она прерывала любовные игры с нарочито громкими вздохами и пользовалась этими передышками для того, чтобы подать юноше подкрепляющую еду и напитки. Правдами и неправдами, иногда маскируя его 10-15 минутный сон своими движениями и шепотом, она сумела создать впечатление того, что их состязание продолжалось до самого утра. И утром под изумленные вопли и разговоры своих товарок сообщила настоятельнице, что юноша выдержал испытание.

Ему дали несколько часов отдыха и, вручивши символический подарок – грубое деревянное изображение Богини Любви размером с небольшой медальон, выпустили за ворота, где его ожидал почетный эскорт из мужчин и юношей соседних деревень.

Один из них шепнул победителю, чтоб он подождал два дня в харчевне соседней деревни.

Вечером второго дня к харчевне подъехала небольшая повозка, на которой сидела пожилая изможденная крестьянка. Она кивнула юноше и, когда они выехали за пределы деревни, он услышал голос своей юной подруги.

– Ты должен дать деньги или свой амулет мне для того, чтобы я смогла уехать далеко от этих мест. Ведь ты обязан мне жизнью.

– Но разве ты не хочешь соединить ее с моей жизнью?

– Конечно нет. Ты показал себя как не очень умный хвастун, и мне не нужен такой спутник в жизни. Я тебе спасла не ради своей любви к тебе, а ради себя. Ради того, чтобы не пачкать своего возвращения к жизни и свету кровью невинного дурачка. Найди себе простую женщину, и будь с ней счастлив и никогда не ищи неземных удовольствий, за них слишком дорого платят.

– А куда идешь ты?

– Это мое дело. Наши пути расходятся в ближайшем городе. Но, поверь мне, какую бы дорогу ни проложила для меня судьба, я никогда не буду ни игрушкой в руках мужчины, ни палачом. Я найду свой путь. Пусть боги помогут тебе найти твою дорогу тоже.

Свеча.

Время от времени в зимнюю таежную мглу врезались их встречи, редкими огоньками растопки. Невысокое, но жаркое пламя растопки никогда не превращалось в большой костер, потому что для большого костра нужно топливо совместно прожитого и пережитого, а этого топлива нельзя заготовить в одиночку.

Сила первой любви и почти сказочная гармония чувств и тел снова и снова бросали их навстречу друг другу, но отсутствие сил или желания уйти от огня и определенности в слепящую темноту таежной глуши за топливом для совместного очага заставляло их вздрагивать от озноба. И вновь и вновь они устремлялись друг от друга в погоне за блуждающими огоньками или в надежде воспользоваться попутной звериной тропой.

С каждой встречей путь навстречу друг другу становился труднее. Все тяжелее ложились на плечи прожитые годы, какие-то обязательства, разочарования и надежды. Но с каждой встречей все больше и больше растопки приносила на встречу женщина, и все тяжелее и тяжелее было выходить к этому огню мужчине.

Во время встречи они становились в чем-то прежними, молодыми, пылкими и смотрящими только вперед юнцами, полными надежд и ожиданий. Но под этим таким привычным образом, который было все труднее надевать на себя, скрывались уже прожитые годы и накопленный опыт. Все еще было страшно увидеть по-новому в истинном сегодняшнем свете свою юность и свою любовь, и еще страшнее показать, что ты уже не тот, полный надежд и ожиданий юноша, ждущий головокружительного успеха и неземной любви, а чуть-чуть потасканный и уставший холостой мужчина, который не уверен в своей способности добиться такого успеха и не готов рисковать ради него, который согласен скорее пойти на компромисс и в жизни и с женщиной, но не готов сказать своей первой любви, что он вовсе не тот и не такой, каким она себе его представляет. И это не важно, насколько правдив в ее глазах его сегодняшний облик. Гораздо важнее, что в его душе хранится иллюзия о том, что она по-прежнему видит его юным, полным сил и надежд преуспевающим блестящим ученым. Ученым, семья которого должна служить ему и опорой и пьедесталом и идти вслед за ним по его дороге.

Страшно трудно допустить разрушение этой иллюзии, может быть самого главного, что осталось в душе от мечты, такой светлой и чистой юношеской влюбленности. Он стал взрослым специалистом, но продолжает мечтать, как мальчишка стать настоящим мужчиной и большим ученым. А, значит, он так и остался в чем-то незрелым мальчишкой, способным в любви видеть прежде всего себя и главным образом себя, свое отражение в глазах любимой. И потому с громадным трудом принимающего жизнь с ее изменами и случайными связями, с ее несовершенствами людей и отношений, такой, как она есть.

Да и она приходит на каждую встречу с новым багажом побед и ошибок, достижений и разочарований. Может быть самой большой ее победой и достижением стали ребенок и осознание конечности, краткости и жизни и времени. В отличие от него, ей уже знаком запах жизни и смерти, она вкусила тернии изгоя и риска решений и ответственности.

И в ней и в нем накопилось так много изменений, так много отдельно прожитого и нажитого опыта, так много скрытого напряжения дороги или отчаяния, что эта встреча должна быть либо первой, либо самой последней. Первой, если это будет началом совместного пути по немислимой крутизне горного склона, на котором каждый в связке идет своим путем, попеременно страхуя друг друга. И последней, если еще раз они не сумеют найти общего языка и начать копить совместный багаж соперничаний и прохождения. Ибо это единственное топливо, способное удержать и поддерживать вечно живой и изменяющийся огонь человеческих чувств.

Очень коротки их встречи. И невероятно трудно выйти за рамки привычных штампов отношений и понимания. Трудно из растопки развести костер, практически не имея дров. Это тяжелая задача теперь лежит больше на женских плечах, потому что только женщина, разводя огонь очага в строении или пещере, превращает их в дом.

И после первой ночи их последней или первой встречи женщина предстала перед мужчиной в танце. Языком тела, столь же трепетным и подвижным, как пламя свечи, она рассказывала о прожитом, о том, что такое рождение ребенка и чувство общности с ним, что такое смертельная болезнь и уход людей, которых ты пытаешься спасти. Женщина рассказывала о том, как трудно дается успех и чего стоит каждый шаг, что такое свобода риска и свобода любви. Она рассказывала о том, как она шла и падала, и снова вставала и ползла вперед, преодолевая себя и свои пороки и слабости. Женщина танцевала и проходила снова через свою жизнь и свои ошибки.

И снова и снова она вглядывалась безжалостно в себя и своего партнера, потому что только честность и готовность перейти через собственное эго могут дать возможность идти вперед и вверх по своей дороге. Она танцевала, чувствуя, что груз, который она кладет ему на плечи своим рассказом, может сломать ему спину или отбросить его от нее навсегда. Но только этот груз, только этот бесценный опыт, за который она заплатила такую дорогую цену, могут помочь ему, даже выброшенному из ее жизни, найти путь.

И только этот груз, только этот жестокий урок, дает ему материал, из которого можно сделать ту страховую веревку, с которой он может выйти из болота к вершине, чтобы взойти на нее.

Женщина танцевала, горели свечи и пылали чувства.

И никто сегодня не мог бы сказать, только угли или бушующее пламя костра останутся от них завтра.

Художник.

В большой мастерской, заставленной опоками для литья, ковшами для приготовления формовочных смесей, ступками с пестиками, красками, банками со всевозможными составами, в углу под жестяным конусом вечно пылал огонь под двумя тиглями, в которых плавился металл для скульптур, статуэток и мелких поделок. В соседнем помещении на бесконечных полках и стеллажах хранились деревянные модели. Здесь были обнаженные женщины и мужчины, вооруженные до зубов воины и светские дамы в платьях с кринолином, забавные зверюшки и суровые львы и тигры, модели надгробных крестов и рыцарских регалий. За складом моделей была расположена модельная мастерская, в которой работал Мастер и четверть-пять учеников. Здесь всегда стоял запах высушенного здорового дерева и различных древесных лаков и клея.

Мастер обрабатывал свои модели, как Страдивариус свои скрипки, древесным спиртом, отогнанным из избранных пород дерева, и клеил их только костным клеем. Обработанное древесным спиртом дерево на века сохраняло твердую поверхность, недоступную ни для жучков, ни для гниения, и эластичный вязкий подслои под ней, предохраняющий дерево от высыхания. Такой лак и постоянно поддерживаемая влажность на складе моделей позволяли надеяться, что не только отлитые скульптуры, но и их деревянный образец – бессмертные произведения Мастера – просуществуют века и тем самым продлят жизнь их создателям.

Один из молодых учеников, закончив полировать руку новой модели, приступил к резке своего урока, воплощению в дереве эскиза с натуры, который он делал несколько дней назад. Это был портрет молодой симпатичной женщины лет двадцати – двадцати двух, то есть на три-четыре года или на бесконечность старше по возрасту, чем сам ученик. Подправив локоны прически и воротник блузки, ученик тронул стамеской губы девушки, и на них вдруг возникла озорная мальчишечья полуулыбка. Ученик задумался, отошел в сторону и стал вглядываться в еще слепые глаза полумодели, пытаясь поймать то их выражение, которое бы соответствовало еле видной улыбке. Он пытался найти ту озорную улыбку-усмешку этой девочки-женщины, которая так запомнилась ему во время нескольких случайных встреч и которая и заставила его обратиться к ее мужу и его родителям через Мастера, конечно же, с просьбой дать согласие на изготовление ученической модели, а может, и скульптуры. Подошел Мастер, взглянул на три эскиза и, обратившись к ученику, спросил:

– Где ты видишь на эскизах эту дурацкую усмешку уважаемой госпожи? Выбрось модель и начни все сначала. И чтоб все точно соответствовало тому, что нарисовано на проверенных мною эскизах. А стоимость времени и материала, который ты потратил из-за твоих дурацких фантазий, я удержу из твоей зарплаты.

Чуть-чуть остыв и пообдев, он предложил вариант обработки головы модели, который позволял убрать неуместную усмешку и сохранить заготовку.

Ученик не согласился. Тогда Мастер предложил ему на сегодня закончить работу, убраться домой, если хочет – вместе с заготовкой, а с утра приступать к уроку в обычном порядке.

Ученики жили в крошечном домике, который стоял в том же дворе, что и мастерская и дом хозяина. Через час после окончания общих работ ученик пробрался в мастерскую и на одном дыхании в течение нескольких часов закончил лицо модели девушки. Он не стал прорабатывать волосы, оставивши только несколько сделанных ранее прядей, спадающих на лоб, и едва наметил уши и шею, уходящую в высокий парадный воротничок чопорного парадного

костюма. Озорная полуулыбка и чуть насмешливый взгляд – полунамек глубоких глаз – выделялись еще ярче на фоне этого недоговоренного парадного великолепия. Засунув портрет в холщовый чистый мешок, юноша легко махнул через забор и отправился напрямик к своему самому большому другу и покровителю – монаху-францисканцу того приюта, в котором он воспитывался и учился.

– Святой отец, – сказал он с поклоном, входя в знакомую келью. – Ты учил меня читать и писать и видеть красивое. Ты пристроил меня к Мастеру, а он теперь хочет разбить единственный портрет, который сделал я сам, и который мне по-настоящему нравится.

– Покажи.

– Юноша достал модель и поставил ее на край стола.

На благородном темноватом дереве заиграли блики огня камина и трех свечей. Падре долго смотрел на статую. При свете живого огня, она, казалось, ожила тоже. Он глубоко вздохнул и сказал:

– Я знаю эту женщину. Портрет поразительно передает ее красоту, характер и живость.

– Но Мастер сказал, что портрет лжив, что у этой высокой особы ни на моих, ни на его эскизах нет ничего похожего на эту дурацкую усмешку!

– Сынок, произведение искусства не копия жизни, а ее отображение, помноженное на талант и душу художника. В твоём портрете видна любящая, пускай не эту, другую женщину, душа молодого человека – художника, который сумел разглядеть под официально холодными чертами нисходящей до позирования ученику или холопу графини еще не убитую душу молодой красивой и чувственной женщины. Душу, готовую открыться для счастья и любви или спрятаться под маской холодного высокомерия. Этот портрет истинное искусство и истинная правда, и он гораздо точнее передает черты и душу этой женщины, чем безупречная точность линий прически, платья и черт лица, присущая зрелым произведениям твоего Мастера. Оставь мне в подарок или, еще лучше, пожертвуй приюту это “неудачное произведение”, а я сумею выразить и от лица попечителей школы, и через графа и графиню искреннюю благодарность Мастеру за великолепный подарок, который ты нам преподнес по его поручению.

– Но Мастер велел разбить модель или сжечь ее!

– Глупец, он забудет об этом в тот самый миг, когда получит благодарность. И упаси тебя Бог даже заикнуться, даже подумать о том, что ты пришел с ним ко мне вопреки его запрету, а не по его прямому поручению. Честолюбие помогает сократить память, поэтому садись, покушай, попей чего-нибудь горячего и спокойно возвращайся в мастерскую с моим благословением. Иди с Богом, сын мой, да сохранят тебя все святые и да обретешь ты благословение Всевышнего на твоём пути. Аминь.

Груз.

Отряд воинов направлялся в большую военную экспедицию. Вождь рассказал соплеменникам о тех больших преградах, которые ждут их на пути, и о той великой славе, о тех песнях, которые будут слагать о них, если они вернутся с победой. И вот отряд углубился в джунгли.

На второй или на третий день один из молодых воинов обратил внимание на то, что рано утром вождь племени положил к себе в заплечный мешок несколько камней гладкой гальки, найденной на берегу реки.

Шли дни. Устали воины. Они жаловались друг другу и старейшине на тяготы похода, вновь и вновь вспоминали уютные землянки родного стойбища, и только вождь не жаловался никому. Однако наутро, уходя с реки, он снова положил в свой заплечный мешок несколько тяжелых камней.

Молодой воин не выдержал, подошел к вождю и спросил: «Великий вождь, отчего ты вновь и вновь набираешь камни в свой заплечный мешок? Разве не тяжел наш путь? Разве не устают наши мышцы? Разве не кончаются наши продукты и мы всегда вынуждены работать полуголодные?»

Улыбнулся вождь и ответил: «Если мы вернемся благополучно и с победой из нашей экспедиции, то я тебе отвечу на этот вопрос. А если нет, то тебе и не нужно знать ответа на этот вопрос».

Прошла еще неделя. Наконец воины вышли к тому месту, где должны были сразиться с врагом. В тот вечер вождь высыпал все камни из своего заплечного мешка и с двумя молодыми воинами пробежался по соседним высоткам, чтобы получить всю информацию о неприятеле.

Ночью, не разжигая огня, он в полной темноте собрал своих воинов и сказал им: «Много дней я вел вас к этому дню. Мы никого не потеряли по дороге. Но завтра племя не досчитается некоторых своих сыновей. Нет ничего труднее, чем посылать в бой детей и прощаться с ними. Но если жизнь не оставляет другого выхода, то время сближения с противником и схватка должны быть так малы, насколько это возможно, чтобы враг не успел опомниться и поразить моих детей. Пусть завтра каждый исполнит свой долг и пусть как можно больше моих детей вернется с победой к своим очагам».

На следующее утро была короткая беспощадная схватка. Похоронив двух убитых и неся на плечах трех раненых, отряд воинов двинулся в обратный путь. Молодой воин, раненный в этой схватке и спасший жизнь своему вождю, шел рядом с ним.

Вечером Вождь, вместо того чтобы отдохнуть, пошел собирать прозрачные сочные плоды тропических растений для того, чтобы напоить уставших и раненых. Часть собранных плодов он положил к себе в вещевой мешок. И вновь молодой воин спросил его: «Великий вождь, на пути к врагу, который украл у нас плоды многомесячного труда по изготовлению наконечников для стрел и копий из лучшего кремня с берега дальней реки, ты клал в заплечный мешок камни. Не те камни, из которых делают оружие, а простую гальку. А на пути обратно от реки, богатой кремнем, ты несешь в рюкзаке не кремень, а плоды, которыми можно кормиться в походе и которые можно найти почти в любом месте леса» .

Улыбнулся вождь и сказал: «По пути вперед к врагу тяжкий груз ответственности лежал на моем сердце. Не с кем мне было разделить эту ношу, и чтобы она не пригнула меня к земле, я уравнивал этот груз камнями в заплечном мешке. Вы приходили ко мне один за другим со своими заботами, сомнениями и страхами. Я же мог идти только к душам предков, и груз за спиной помогал мне держаться прямо и лучше чувствовать ваши страхи и вашу слабость. Мы победили. Позади страхи битвы, а дорога домой всегда короче и легче. Груз ответственности не давит больше на мое сердце, не пригибает меня к земле, и забота о людях согревает не только их, но и мое сердце. Поэтому я собираю плоды и злаки, а не кремний, и надеюсь, что когда тебе придется возглавлять людей в дальнем и трудном походе, ты сложишь груз своих тревог и сомнений не в их души, а в свой заплечный мешок вместе с камнями. Сладка власть в мирное время в почетном кругу вождей в просторной землянке вождя. Но это только одна часть правды. Другая сторона ее – это те тяжкие камни ответственности и тревоги, которые настоящий вождь должен нести сам, сохраняя силы и волю своих воинов на пути к победе».

Домино.

В который раз войска китайского императора осадили мятежный город Внутренней Монголии. Снова и снова мятежные князья Внутренней Монголии вспоминали о временах, когда они были полновластными хозяевами большей части Срединной империи и поднимали своих подданных на самоубийственный мятеж. Войска императора плотным кольцом окружили хорошо укрепленный город мятежников, и командиры требовали от императора все новых и новых подкреплений, штурмовых лестниц, осадных орудий и твердили о неизбежности больших потерь. Озабоченного и расстроенного императора не могли развеселить ни музыканты императорского оркестра, ни юные танцовщицы. Он сидел на закате перед своим шатром в глубокой задумчивости. Перед шатром остановилась свита и охрана, сопровождающая паланкин с императрицей.

По совету своих самых старых военачальников, тех, у которых сам император учился в свое время военному искусству, император пригласил в свой полевой лагерь жену, которая постоянно находилась в полутора днях езды от ставки в принадлежащем ей семейном дворце, расположенном в столице соседней провинции.

Императрица спустилась из паланкина, знаком отослала прислугу и охрану и обратилась к императору.

– Чем озабочен мой Господин?

– За взятие этого проклятого города я должен заплатить сотнями убитых и тысячами раненых, и никто не знает, сколько еще людей и денег потребуется для восстановления разрушенных построек, дорог и наведения порядка.

– Мой Господин предлагал мятежникам сдаться?

– Конечно, но они знают, что я в ярости, и понимают, что никто из зачинщиков не избежит смерти.

– Если Государь хочет послушать совета его покорной слуги, я осмелюсь предложить ему пообещать всем без исключения замену смертной казни на тюремное заключение или помилование и при этом гарантировать, что охрана и весь технический персонал тюрем будут набираться только из жителей данной провинции. Я надеюсь, что это поможет моему Повелителю избежать кровопролитного штурма.

– Ты сошла с ума! Я не могу оставить без наказания столь дерзкий мятеж!

– Мой Господин, сделай первый шаг, и я ручаюсь тебе всем, что мне дорого, что твои враги еще десять раз пожалеют о том, что они подняли мятеж против тебя, а твоя добродетель и сдержанность, твоя мудрость и доброта будут вписаны золотыми буквами в книги истории, тогда как враги твои до нового воплощения будут помнить о тяжести твоей десницы.

– Хорошо, я положусь на твое слово, – сказал император и вышел, чтобы отдать приказание военачальникам о начале переговоров и о сдаче города на новых условиях.

Парламентеры должны были особо подчеркнуть, по настоянию императрицы, что отправление правосудия, тюремная охрана и следователи будут набраны исключительно из уроженцев Внутренней Монголии.

Когда император вернулся в шатер, императрица, уже занявшая свое место на ложе, сказала: «Теперь, мой Государь, распорядись, чтобы вплоть до установления спокойствия в провинции около городов стояли в лагерях войска императорской гвардии, которые должны сменяться каждые три месяца. А командирам этих частей дай приказ, что каждый солдат по крайней мере раз в месяц должен получать день отдыха и возможность прогулки по городу в одиночку или в группе товарищей» .

– Чего ты добиваешься? – воскликнул император.

– Твои солдаты и офицеры, прошедшие месяц в казарме вдали от своих женщин, вырвавшись на свободу, больше всего напоминают то ли детей, вырвавшихся из-за парты, то ли полубезумевших бандитов, которые ищут возможности разрядиться и готовы ради этого и на преступление, и на разбой. Необходимость терпеть таких постояльцев, склонных к насилию из-за тяжелой солдатской жизни, – это будет первое наказание для твоих мятежников.

Наутро, как только император и императрица закончили свою чайную церемонию, вошел офицер, который доложил, что мятежники будут готовы сдаться, если император в присутствии иностранных послов подтвердит свои гарантии о помиловании и наборе персонала тюрем из местных жителей.

– Мы готовы дать такие гарантии, – сказала императрица.

– Как ты посмела отвечать вместо меня, – спросил император. – Я готов съесть собственные туфли, чтобы примерно наказать бунтовщиков.

– Милый, не надо крайностей. Для начала пусть все прославят твое милосердие. Ты наберешь людей для тюрем из вполне уважаемых и мирных уроженцев Внутренней Монголии и вручишь им неограниченную власть над смертью и жизнью их соплеменников вместе с твоими подарками и должностями в твоей администрации. Обстоятельства гораздо сильнее людей, и эти благонамеренные граждане в кратчайший срок превратятся в беспощадных изобретательных тюремщиков, использующих и пытки, и сексуальное насилие для того, чтобы в полной мере насладиться властью и заслужить жалкие подачки от императора. Поверь мне, любому мятежнику, особенно высокопоставленному, и легче, и достойнее найти смерть от руки твоего палача, чем испытывать унижение и муки от своих вчерашних верноподданных.

– Женщина, поистине ты воплощение дьявола! Может быть, ты посоветуешь мне, как предотвратить мятежи в будущем?

– Мой Государь, и эта задача решается, если воспользоваться опытом моих предков. Введи своим указом сетку чиновничьих разрядов такую же, как в столице, и систему экзаменов для занятия этих должностей. Введи должность квартального инспектора, который должен докладывать полиции и тайной канцелярии обо всех вновь прибывших или неизвестно куда убывших жителях. Строжайше запрети разврат и сексуальные преступления, особенно со стороны монахов. А также введи строгие наказания за супружескую неверность. Обещай высокие премии и часть имущества преступников тем доносчикам, которые будут способство-

вать раскрытию указанных выше преступлений, а также заговора против твоей власти. Поверь мне, если ты сделаешь все, что я сказала, то сама жизнь заставит этих людей либо становиться твоими орудиями, либо бояться своих собственных соседей и близких. Подобно падающему домино, от поколения к поколению, от матери к детям будут передаваться законы покорности и страха, пресмыкательства и доносительства. Предательство себя и своих близких во имя милости и кажущегося благополучия.

– Что такое ты говоришь?

– Подумай сам. Ты создаешь таким образом поколение людей, которые не могут выразить себя ни в сексе, ни в искусстве, ни в науке. И искусство, и наука в этой провинции с введением твоих указов отдаются под управление и контроль касты чиновников. Единственный путь карьеры внутри этой касты – это бесконечные экзамены, пресмыкательство и доносительство. И только чиновники имеют иллюзию свободы и власти над всеми своими согражданами. Теперь матери, желая счастья своим детям, будут загонять их в прокрустово ложе этих чиновничьих добродетелей, а их несчастная сексуальная жизнь превратит их в церберов, готовящих детей к экзаменам на чиновничий чин не только и не столько для счастья самого ребенка, сколько для удовлетворения собственных амбиций. Лишенные нормальной женской ласки кадеты воинских училищ, солдаты и офицеры отдаленных гарнизонов будут видеть в своей власти и в своем продвижении по службе главный смысл жизни, который заменит им все и оправдает любые преступления во имя карьеры. А ты издашь закон о гуманном обращении с заключенными, военнопленными и мятежниками, которые принесут тебе славу, но никогда не будут соблюдаться твоими изувеченными подданными.

– Ты поистинне дочь дьявола!

– Нет, конечно. Я дочь китайского губернатора, который прошел бесконечный путь унижений и интриг, добиваясь своей должности, и который пожертвовал еще большим, чтобы стать отцом императрицы. Я дочь своей матери, которая имела роскошный дом и множество слуг и никогда не имела счастья ни для себя, ни для своих детей, поскольку они были заложниками политических интересов и дворцовых интриг. Я твоя жена, которая пришла к тебе, зная обо всех твоих похождениях и привычках, и добилась первого места в твоём дворе и уважения твоих военачальников отнюдь не только за счет своей женской привлекательности и ума. Для того чтобы пройти этот путь, мне также пришлось разглядеть те рычаги и пружины, которые управляют жизнью твоих придворных. И только циничный расчет и использование людских слабостей позволили мне не только завоевать твою любовь, но и сохранить ее так же, как и нашу взаимную привязанность. Но ты должен понимать, что наши дети, дети императора, являются такими же заложниками твоей власти, как и последний заключенный в твоей тюрьме. Если их жизнь гораздо более приятна и насыщена удовольствиями, то это лишь означает, что их тюрьма более комфортабельна. Это все плата за власть, потому что и тюремщик, и заключенный в конечном счете сидят в одной тюрьме, и кому, как не мне, знакомой со всеми тайнами этой тюрьмы, быть твоим советником в этом трудном деле.

Желание.

В семье великого раджи родилась прелестная девочка. Она играла и резвилась со своими сверстницами, прекрасно училась и демонстрировала превосходные успехи в танцах, пении и музыке, в управлении домом, приготовлении пищи и даже, что совсем не женское дело, в управлении слонами.

Однажды в сопровождении подобающей свиты она путешествовала по владениям своего отца, знакомя младшего братишку с дворцами и сельскохозяйственными угодьями, принадлежащими их семье. Проезжая одинокую избушку, стоящую в глубине джунглей в стороне от больших дорог, она увидела волчью стаю, сидящую вокруг хижины на расстоянии двух десятков метров от нее. Умная девушка догадалась, что, по-видимому, волки ждут смерти заболевшего хозяина, и после того как стража отогнала волков, подошла к избушке и открыла дверь, запертую по обычаю тех мест на толстую деревянную щеколду.

В хижине лежал белый как лунь тяжело больной старик. Ему дали попить, пожевать бетеля, и когда силы к нему чуть-чуть вернулись на время под влиянием бетеля, дочь раджи поднесла ему приготовленный собственными руками настой целебных трав, растерла его тело соками и маслом пальмовых деревьев и, одевши его в хорошую теплую одежду, поручила его заботам лекаря из своей свиты.

Через несколько дней старик оправился, и когда они приехали в забытую Богом деревушку, стоящую почти на границе с соседней провинцией, бывший отшельник занимал почетное место в свите дочери раджи.

Весть об исцелении дочерью раджи отшельника шла по джунглям впереди каравана. И когда дочь раджи принимала подарки от старосты деревни, тот попросил ее вылечить его дочь.

Дочь раджи согласилась посмотреть на девушку и вошла вместе с отшельником в комнату, где сидела у ткацкого станка очень хорошо сложенная симпатичная девушка в пышно повязанном головном покрывале. Девушка поклонилась принцессе и спросила, может ли она высказать свое самое заветное желание.

– Твой отец попросил меня вылечить тебя, – сказала дочь раджи, – ты чем-то больна?

– Нет, ответила девушка, – все врачи в один голос говорят, что я совершенно здорова, но ни на голове, ни на теле у меня не растет ни одного волоса, и мое заветное желание состоит в том, чтоб ты и покровительствующие тебе Боги помогли мне решить эту проблему.

– Это действительно твое заветное желание? – спросил отшельник.

– Да, – ответила девушка.

– Но ты знаешь, – продолжил отшельник, – что человек, просящий Богов об исполнении желаний, получает не всегда то, что он надеется получить, даже если Боги идут ему навстречу.

– А от чего это зависит? – спросила девушка.

– От чистоты твоей жизни и твоих помыслов, – сказал отшельник. – Хочешь ли ты, чтобы я обратился к Богам, чтобы они помогли тебе исполнить твое желание, и уверена ли ты в последствиях?

– Без всякого сомнения! – воскликнула девушка.

И отшельник поднял руки. Когда он их опустил, девушка в ужасе упала без сознания на пол. Все ее тело, включая лицо, оказалось покрыто жесткими черными волосами, напоминающими по своему виду подшерсток лесного зверя.

Она стала молить отшельника вернуть ее в прежнее состояние.

– Нельзя дважды войти в одну воду, – сказал он.

Она упала на колени перед дочерью раджи.

– Ты как женщина должна лучше понять меня! Ведь если лысая голова отпугивала всех молодых людей, то эти безобразные волосы не позволят жениться на мне даже вдовцу!

Принцесса задумалась. Ей было очень жалко девочку. Потом она предложила:

– Ты, я, этот отшельник, стража и несколько человек из моей свиты, которые умеют хранить тайны, пойдем в джунгли и на развалинах древнего храма будем медитировать и просить Богов послать тебе избавление. Если мы сумеем найти причину, по которой они разгневались, и определить твой путь, может быть, это позволит тебе избежать позора и вернуться в твое прежнее состояние, а может быть, даже достичь желаемого.

И тем же вечером вместе с девушкой, закутанной в покрывало, дочь раджи вместе с семьей, людьми из ее свиты, включая отшельника, отправилась в путь.

На второй день они достигли развалин древнего храма. Дежурная стража заступила на пост. Отшельник сел медитировать на луну и звезды, а все остальные легли отдыхать после утомительного пути по джунглям.

Утром отшельник рассказал дочери раджи, что когда девочке, покрытой волосами, было шесть лет, она донесла своему отцу об одной женщине, которая накануне не дала ей полакомиться спелыми плодами из ее сада. По этому доносу мать троих детей, уличенная в краже урожая с поля раджи, была наказана, смертельно заболела, и ее дети остались сиротами. Их проклятие и преследовало девушку, которая в двенадцать лет с первыми месячными потеряла все волосы на голове и даже начавшие пробиваться волосы на теле. И пока не установлена справедливость, проклятие детей их матери не позволяло девушке вернуться к нормальному облику и Боги не могли исполнить ее заветное желание, несмотря на просьбы дочки раджи и отшельника.

Только тогда, когда день за днем, перебирая свою жизнь, дочь старосты сама вспомнит о погубленной женщине и об осиротевших детях, она может надеяться на прощение и возвращение к человеческому виду.

– Ни ты ни я, – обратился он к дочери раджи, – под страхом жестокого наказания не можем напомнить девушке о случившемся.

На следующий день принцесса приказала утром своей страже найти в джунглях волчицу с волчатами, поймать волчицу вместе с выводком и привезти в лагерь.

Когда девушка увидела волчицу, соски которой набухли молоком, и скулящих голодных волчат, она стала уговаривать стражу отпустить волчицу с волчатами в джунгли. Но дочь раджи очень строго приказала ей не вмешиваться не в свои дела и готовиться к длительной медитации.

Через час после начала медитации девушка взмолилась пожалеть волчицу и отпустить ее вместе с волчатами, потому что ее вой и писк волчат мешают ей сосредоточиться.

Принцесса сказала, что человек, помешавший ей во время медитации, заслуживает строгого наказания.

Но девушка сказала, что она готова понести наказание, но просит отпустить волчицу и ее помет, чтобы один воин из стражи не выполнил своего намерения и не убил волчицу ради ее роскошной шкуры.

Принцесса сказала:

– Хорошо, ты заплатишь за это.

И махнула страже, чтобы те отпустили волков.

После короткого перерыва дочь раджи и отшельник снова погрузились в медитацию. Только девушка не могла успокоиться, вновь и вновь не обращая внимания на негодование стражи и неподвижные фигуры отшельника и дочери раджи, она убежала в ближайшие заросли, пытаясь услышать или увидеть хоть что-нибудь, что говорило о судьбе волчицы и ее потомства.

Так прошло несколько часов. Дочь раджи вместе со всей свитой поели. Собрали некоторое количество лесных плодов и сидели перед костром, ожидая времени для вечерней молитвы, медитации и трапезы.

Вернувшись в очередной раз к костру, девушка села на приготовленные для костра бревна и задумалась, вглядываясь в пляшущие на толстых сучьях языки пламени. Теперь писк волчат в ее ушах почему-то сливался с воплем младенцев. И после вечерней медитации перед трапезой она вся в слезах подошла к отшельнику и рассказала историю, о которой вы уже слышали.

Она дала обет в присутствии отшельника и дочери раджи перед развалинами древнего храма, что поможет получить образование и встать на ноги детям погубленной ею женщины.

И с последними словами этого обета ее облик преобразился, и голова покрылась прелесными темными волосами.

– Только чистота помыслов оправдывает чистоту желаний и их исполнение, – сказал отшельник, прощаясь с девушкой в тот миг, когда свита дочери раджи покидала деревню навсегда.

К Гуру, сидящему под деревом на берегу Ганга, пришли мудрецы с просьбой помочь разрешить им давний спор.

– Каждый из нас, – сказали они, – учит своих учеников следовать истине. Каждый старается научить искать истину, делая опыты, расспрашивая людей, садясь в медитацию или обращаясь к Богу. Но как понять, какой путь поисков истины самый верный, и как отличить истину от лжи, от иллюзии или просто от галлюцинации, когда ты впадаешь в транс или в молитвенный экстаз или когда Господь снисходит до тебя во время сна.

Гуру долго думал, потом поднялся и пригласил мудрецов следовать за собой.

Через три дня пути караван с мудрецами и Гуру пришел на перекресток торговых путей, где встречались караваны, паломники и путешественники из христиан, мусульман, последователей Будды и огнепоклонников. И в одном из караван-сараяв Гуру собрал людей, отправляющихся на поклонение святым местам к Иерусалиму и к Мекке, и предложил им ответить на вопрос, что есть истина.

Долго спорили приверженцы разных религий и наконец порешили, что каждый из них обратится с молитвой к своему Богу и наутро после длинной всенощной молитвы честно расскажет всем остальным о том, что он услышал и понял.

Наутро первым стал рассказывать о своем видении христианский паломник. Он сказал, что истинны только заповеди Господни, что люди погрязли во лжи и пороке, и только искренне раскаявшиеся имеют шанс войти в Царство Божье, и только там есть свет и истина.

Вторым говорил один из шейхов. Он объяснил, что истину принес Аллах на кончике меча, которым он вдохновил пророка Мухаммеда на бесчисленные подвиги. Что только те, кто уверует в Аллаха, имеют шансы на спасение, тогда как все прочие подлежат наказанию и не заслуживают ни доверия, ни милости Божьей. И только одна та истина, которая провозглашается с минаретов мечетей, заслуживает быть услышанной и понятой праведными.

Пожилой еврейский реббе сказал, что истина записана в Торе. Что нет посредников между Б-гом и избранным народом. И те и только те спасутся, кто соблюдает законы Моисея.

Гуру спросил:

– О великие мудрецы, а кто же, скажите мне, может судить, как и насколько правильно соблюдаются эти законы последователями каждой из религий? Кто может судить об истинности данного свыше знания?

И тогда раввин рассказал ему притчу.

Однажды двенадцать праведников поспорили о том, что такое рай, и стали сравнивать, что говорится по этому поводу в Талмуде, в Коране и в древних сказаниях Рима, Греции и Египта. И нашли они шесть праведников мира, известных своим выдающимся умом и заслугами и близких к переходу в лучший мир, и спросили у них, как они представляют рай, в который им скоро предстоит попасть, потому что заслуги их общеизвестны.

И первый из них сказал:

– Я чувствую какой-то неземной свет и прелестные лесные поляны, покрытые цветами и сочной травой, среди которых гуляют вновь молодые и полные сил женщины и мужчины.

Другой вздохнул и сказал:

– Я чувствую запах этих цветов и трав, запах деревьев и меда, запах спелых плодов и чистый свежий запах молодых здоровых тел. Я должен закрыть глаза, и только тогда я чувствую себя растворенным в этом благоухании, в этом поистине сказочном празднике запахов и ощущений.

Третий праведник слушал их, слегка покачиваясь и прикрыв глаза, и, не открывая их, он сказал:

– Разве вы не понимаете, что рай – это шорох листвы на фоне немолчного, мощного и такого успокаивающего шума прибоя. Это звон горного ручья и вздохи деревьев под порывами ветра. Это шепот травы, склоняющейся над ручьем, и тихий щебет лесных птиц, который иногда прерывается трелями соловьев.

Четвертый праведник сказал:

– Рай – это трава такая мягкая, что даже мои измученные раненые ноги воспринимают ее прикосновение как ласку. Это дорожки такие чистые и так искусно покрытые камешками, что на них можно лежать, как на постели. Это деревья и кусты, на которых вместо колючек и жестких сучьев растут нежные и мягкие, как мох или как пушистое одеяло, побеги. Не надо ни видеть, ни слышать, ни чувствовать запаха цветов, надо только прикоснуться к ним ногой, рукой, щекой. Надо прижаться к ним всем телом, и прикосновение это будет слаще, чем прикосновение к любимой женщине.

Пятый сказал:

– Никто из вас не понимает, что все, о чем вы рассказываете, не так важно, как ощущение покоя. Да, да, покоя и безмятежности, и совершенства, которым должен быть наполнен рай, как наполнена уютом и покоем колыбелька спящего ребенка в доме любящих его родителей.

Последний праведник сидел, закутавшись в толстое верблюжье одеяло. Он был очень стар, и его слегка трясло, несмотря на относительно теплую погоду.

– Рай, сказал он, – это прежде всего ощущение тепла, живительного всепроникающего тепла, наполняющего каждую клеточку твоего тела. Тепла, в котором нет изнуряющего дыхания ветра пустыни и обжигающих лучей солнца и в котором невозможны остужающие порывы зимних бурь и озноб от недоброжелателей и завистников.

Гуру выслушал эту притчу и сказал:

– Вы, книжные люди, говорите, что вы больше всех общались с Богом, который назвал вас избранным народом. Как вы можете видеть невидимое, слышать неизреченное, понимать несказанное? Как вы отличаете истину от лжи в этих своих беседах с Господом?

Вздохнул раввин и ответил:

– Ты слышал, что сказали праведники. У каждого свой язык общения с Богом и свое понимание истины. Одни слышат, другие видят, третьи осязают. Но каков бы ни был этот язык и как бы ни испытывалась истинность услышанного, увиденного или почувствованного, лишь на оселке своей души, своей жизни и своего пути среди людей по нелегким дорогам каждый

человек должен испытывать вновь и вновь те истины, которые он провозглашает от имени Бога. И вновь и вновь он должен испытывать свою собственную душу, потому как велик соблазн надеть одежды пророка и провозглашать истины или то, что тебе кажется истиной, от имени Всевышнего.

Ведьмы.

Филипп Одноглазый, один из отцов-настоятелей ордена иезуитов, прославился своей жестокостью в искоренении еретиков и особенно ведьм. Злые языки утверждали, что до вступления в орден Филипп был очень охоч до женского пола. Но после принятия монашеского сана он свою любовь обратил в лютую ненависть.

В душную летнюю ночь он спал в своей опочивальне и во сне вновь и вновь переживал последнее святое судилище, на котором он произнес блестящую обвинительную речь и добился костра для молодой и прекрасной ведьмы, погрязшей, по его мнению, во всех пороках.

В какой-то момент в его сон вторглось видение погибшей на костре женщины. В своих развешивающихся покаянных одеяниях она звала его за собой то ли на небо вместе с поднимающимся дымом, то ли на шабаш ведьм. Филипп встал с кровати, взял иконку и отправился на покаянную молитву очищения в часовню Святого Валентина.

Всю оставшуюся ночь он провел в молитве, а наутро объявил, что с этого дня он начинает великий пост и подвиг отшельничества для борьбы с дьявольским отродьем и с наваждением.

Несколько месяцев он провел в скиту, не принимая участия ни в общих молитвенных собраниях братьев, ни в судах святой инквизиции. По истечении этого времени он отпросился у великого магистра ордена на паломничество в Иерусалим. И еще почти через полгода, в середине апреля, загорелый, дочерна, поседевший и исхудавший пожилой мужчина с повязкой на одном глазу попросил у привратника ключи от опочивальни и скита Филиппа Одноглазого.

Прибежавшие монахи с трудом узнали в путнике бывшего дородного отца-настоятеля. В тот же день устроили торжественную вечернюю молитву и трапезу, после которой усталый путник отправился в свою опочивальню, нежно поглаживая серебряный крест, приобретенный в святая святых христианского мира. «Теперь-то ко мне никто не подступится», – шептал он.

Как только за ним закрылась дверь опочивальни и он опустил на ложе, ему почудилось, что его подняли и несут куда-то прямо на одеяле прочь от монастыря и от города лохматые ведьмы. Что-то сковало ему руки и ноги. Грудь его не могла вдохнуть воздуха, а глаза с ужасом наблюдали за стремительно пронесившимися над головой клочьями облаков.

Через некоторое время он увидел себя на берегу глубокого озера. Холм около берега был покрыт майскими цветами. На широкой поляне девочки и молодые женщины кружились в танцах и хороводах. Их тела сияли молодостью, силой и красотой при свете луны. И за ними наблюдали сидевшие на склонах холма и под деревьями группки моложавых, но пожилых женщин, одетых в скромные, но богатые одежды. Одни из них вязали одежду, другие трепали корпию.

Горели костры. На огне в котелках варились какие-то травяные настои, а около костров старухи перебирали травы.

Ведьмы опустили одеяло с Филиппом у подножия холма, там, где под группой деревьев на роскошных коврах сидело несколько древних старух.

– Почему ты преследуешь женщин и ведьм? – строго спросила одна из старух.

– Все они дьявольское отродье, – ответил Филипп.

– Но разве не женщина тебя выносила и родила? – спросила другая.

– Моя мать замолила свои грехи и получила прощение, – ответил Филипп.

– Но она так же грешила, как и другие, как те девочки, что кружатся, одетые только в гирлянды цветов под лунным светом.

– Вы не можете их защищать. Их породил дьявол, и прокляла святая Матерь Церковь.

– Мы существуем намного дольше, чем твоя церковь и дьявол, которого придумали мужчины. Наша сила много больше, чем ты предполагаешь. И твой Бог не давал тебе права суда над твоими близкими. Сейчас ты отправишься в чистилище и узнаешь, сколько невинных душ отправил ты раньше времени на тот свет и какая кара тебя ожидает.

Женщина махнула платком или просто рукой, и через мгновение Филипп оказался на вершине горы, на краю пропасти среди облаков, обступающих узенькую тропинку, бегущую по гребню к воротам в высокой стене. Стена, похоже, висела в воздухе, а к воротам вел узенький мостик.

Перед воротами стоял Петр-ключник. Такой, каким он был нарисован в алтаре церкви святого Франциска, и сурово глядел на идущего к нему Филиппа.

Ни слова не говоря, он отворил калитку, и Филипп оказался перед тремя судьями, которые разбирали судьбу и грехи когда-то казненных им ведьм.

Он попытался что-то сказать, но невидимая сила бросила его на грубую скамейку подсудимого и сковала губы.

– Что ты делала во время эпидемии? – спрашивал судья.

– Я варила травы для заболевших. Раздавала им еду и помогала сменить одежду. Мы сжигали старые одежды, чтоб болезнь не перешла на здоровых, и готовили отвары для скота и свиней прежде всего.

– В чем вас обвинили во время суда инквизиции?

– В заговоре и распространении болезни.

– Почему?

– Потому что только мы не боялись войти в дом к заболевшим.

– Сколько детей вы спасли?

– Все, кто спаслись в нашей деревне, это дети, которых мы увезли на летние пастбища.

– Как ты смел вынести обвинительный приговор этим женщинам? – обратился судья к Филиппу.

– Они сжигали имущество христиан, соблазняли монахов к сожительству и связались с дьяволом.

– Почему ты думаешь, что они связались с дьяволом?

– Только он мог им дать защиту от болезни.

Прошло несколько часов. Бесконечной чередой проходили перед судом и перед Филиппом женщины и ведьмы. Самой большой из доказанных вин которых было сластолюбие, которое выжалось в склонности к плотскому греху с мужчинами и еще, хуже того, с монахами.

Одна из подсудимых спросила судей, что если их единственная вина – сластолюбие, то где же мужчины, которые должны отвечать наравне с ними за этот грех?

В этот момент у Филиппа прорезался голос, и он с негодованием обрушился на женщину, вспоминая все те проклятия, которые он слышал в их адрес от обманутых мужей, любовников, отцов и братьев.

– Тебе ли проклинать нас? – спросила женщина. – Разве ты без греха, что можешь бросить в нас камень?

И вдруг на стене перед глазами судей поплыла галерея портретов женщин, которых обманул, купил или изнасиловал Филипп в то время, когда он еще имел оба глаза и продавал свой меч и свои руки за скромное жалование наемника в феодальных войнах.

– Твои грехи тоже не закрыты, магистр, – сурово обратился к нему судья. – Ты виновен поболее их, и тебе не придется долго находиться в чистилище. Ад давно плачет о тебе.

– Но я всю жизнь воевал за святую Матерь Церковь, а ведьмы...

– Замолчи. Ты был на шабаше ведьм. Ты видел, что большинство из них заняты полезными ремеслами, это ведуньи, берегиньи, которые лечат людей и помогают женщинам при родах. Которые умеют предсказывать погоду и выращивать целебные растения. Которые учат женщин, как вести дом и приворожить к себе мужчину – защитника и кормильца.

Ты видел женщин-ведуний, которые учат ткать и пеленать детей, вязать корзины и застилать крыши травой, копать корни и делать ловушки, ухаживать за домашним скотом и варить пищу. Если бы они даже при всем при этом утратили бы способность любить и быть любимыми, как продолжался бы род человеческий? Кто сохранил бы стадо верующих, паству Матери Церкви, кто поклонялся бы Христу или Богородице?

Ты видел женщин либо в своей постели, когда они были жертвами твоей похоти, либо во время судилищ, когда они были жертвами твоей жестокости. Ты никогда не видел в них человека, и только пламя ада может очистить от этого страшного греха твою черную душу.

В дом вождя племени пришел юноша и попросил выдать за него его среднюю дочь.

– Я не распоряжаюсь рукой своей дочери без ее согласия, – сказал вождь и предложил юноше прежде всего заручиться согласием девушки.

Они были хорошо знакомы, и поэтому юноша, не дожидаясь сопровождающих или специального приглашения, прошел через сад и нашел девушку на ее любимом месте у берега реки.

Она сидела у промоины, одетая в праздничную зимнюю одежду, и наблюдала за рыбками, которые толпились в бегущей воде.

– Выходи за меня замуж, – сказал юноша. Твой отец, в принципе согласен.

– А чем ты лучше других юношей нашего племени? – спросила девушка. – Да, ты довольно красив, умен и нравишься мне. Но почему ты думаешь, что именно ты можешь стать моим мужем?

– Я не хочу напоминать, – сказал юноша, – сколько времени и сколько раз мы с тобой вместе охотились и путешествовали и как я о тебе заботился и помогал тебе. Но я хочу сказать, что никто лучше меня не умеет обращаться с ездовыми и домашними животными, делать для них упряжь, сани и повозки. Так что из всех молодых мужчин и юношей племени, по крайней мере, в этом мне нет равных, и потому я думаю, что достоин дочери вождя.

– Хоп, – ответила девушка, – хорошо. Если в течение трех месяцев я не найду человека, который будет во всех отношениях лучше тебя и достойнее моей руки, мы вернемся к этому разговору. Ты ведь знаешь, что все равно свадьба празднуется только весной на исходе этой зимы, а мы в ее самом начале.

И девушка повернулась и пошла в дом.

А наутро она взяла лучшую оленью упряжку и поехала в большое селение, расположенное на берегу Великого Океана. В этом селении жил великий бард, который пел и играл на больших праздниках и свадьбах самых знаменитых людей народа. Он слыл великим мудрецом и, будучи младшим любимым сыном одного из великих вождей, с раннего детства прослыл необыкновенно одаренным сказителем и музыкантом, составляющим славу народа и своего племени.

Поставив свою упряжку около дома одного из достаточно знатных людей, который приходился родственником ее отцу, девушка пошла в дом барда.

Он сидел за столом с несколькими из своих почитателей.

– Чего ты хочешь? – спросил бард.

– Я бы не хотела говорить при всех, – ответила девушка.

– Трусливые девушки не заслуживают моего внимания, – ответил бард. – Все знают и по моим делам и по моим песням о моей смелости и о том, что я могу ничего не скрывать от своих поклонников и соплеменников.

– Хорошо, – сказала девушка, – пусть будет так. Я подумала, что тебе уже немало лет, и тебе пора найти подходящую жену.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что годишься мне в жены! – рассмеялся бард.

– А почему бы и нет?

– Я не знаю, чего в тебе больше, наглости или смелости. Прийти в дом великого с таким предложением. Давай подождем до завтра, а завтра я, может быть, придумаю, как можно проверить, можешь ли ты быть женой такого человека, как я.

– Хоп, – ответила девушка. Повернулась и пошла.

Вечером после прогулки, идя домой вдоль берега океана, она услышала крики и увидела группу людей, стоящих на берегу и размахивающих руками. Когда она подошла поближе, она увидела, что в прибрежной полынье плывет кусок отколовшейся льдины, на котором находятся десятка полтора подростков, мальчиков и девочек, которые увлеклись рыбной ловлей и не заметили смены ветра, сломавшего лед.

В толпе людей на берегу был и великий бард.

Не раздумывая ни минуты, девушка скинула верхнюю одежду. Пробегая мимо рыболовных снастей, схватила сплетенный длинный ремень и, закрепив один конец его на берегу, бросилась в воду, зажав зубами другой конец.

Несколько десятков взмахов в ледяной воде позволили ей приблизиться к льдине с детьми и ухватиться руками за ее край. После чего она передала детям кончик ремня, за который льдину начали осторожно подтягивать к берегу. Еще через несколько минут и дети, и девушка, которую уже поджидали с приготовленными сухими одеждами, оказались на берегу.

Вечером она с трудом отогнала от себя образ барда, стоящего в толпе и размахивающего в растерянности руками и наутро, несмотря на какое-то внутреннее сопротивление, пришла к нему в дом.

– Ну, ты подумал, как ты можешь проверить меня, – спросила она.

Бард прищурился.

– У моего соседа, – сказал он, – в доме пятеро детей. Жена его приболела, а сам он не в состоянии навести порядок дома, поэтому и дети приболели тоже. Покажи, как ты справишься с домом и детьми, и я подумаю.

Девушка чуть улыбнулась и вошла в дом соседа. За полчаса она слегка убрала дом, поставила вариться еду и приготовила детям лечебный настой из кореньев, сухих трав и мха, которые она нашла в запасах хозяйки на чердаке.

Через каких-то два – два с половиной часа обед был сварен, хозяйка дома умыта и переодета, дети напоены отваром, накормлены и уложены, а девушка напевала им песни, сочиненные бардом, и рассказывала им сказки, слышанные ею от своей матери.

– Ты вернула в мой дом свет, уют и тепло, – сказал сосед, возвратившийся с охоты, – и это поможет вернуть здоровье и моей жене, и моим детям. Великое тебе спасибо.

– Не за что, – ответила девушка и вернулась в дом барда.

– Твоя задача оказалась не так уж трудна, – сказала она. – Давай следующую.

– Жена великого человека, – ответил бард, – должна отличаться мудростью, выносливостью и женской силой, потому что только в этом случае она сможет родить ему достойных детей. Сегодня вечером состоится один из праздников, на котором у большого костра ждут меня. Приходи туда и ты и покажи, на что ты способна. И это будет последнее испытание.

– А ты не хочешь зайти в дом соседа и посмотреть, что стало с его детьми? – спросила девушка.

– Что я, не видел этих сопляков, что ли? – ответил бард. – До встречи вечером.

– Да, я забыл тебя предупредить, что если ты достаточно мудра, ты должна прийти к этому костру не голой и не одетой, и в таком виде продемонстрировать все, на что ты способна.

Вечером девушка, закутанная в рыбацкие сети, подошла к костру. На несколько мгновений она застыла, лоя зеленоватый облик луны в просветах облаков. Потом повернулась к пляшущему пламени и пошла все быстрее и быстрее, подражая его игре движениями всего тела.

И бард должен был поднять свою арфу и идти, пританцовывая, вслед за девушкой, которая понеслась в танце вокруг костра.

Ее движения все убыстрялись, подобно разгорающемуся пламени. Волосы то взлетали вверх, то падали на лицо или на спину. Она поворачивалась к костру то одним, то другим боком и переливалась, подобно воде в реке или подобно северному сиянию, обращаясь то к огню, то к небу, то наклоняясь к земле, то взлетая над краснеющими головнями, рассыпанными вокруг костра.

И вслед за ней в тяжелой зимней одежде двигался бард, держа в руках свой инструмент.

Первые десять-пятнадцать минут он пытался сопровождать танец девушки и музыкой, и песней, но вскоре ему не хватило дыхания, и он стал играть молча, стараясь не отставать от девушки, которая двигалась все быстрее и все дальше отступала от костра по мере того, как он разгорался и жар от него все больше опалял ее практически обнаженное тело.

Люди вокруг костра начали бить в ладоши в такт движениям девушки, сопровождая каждое новое па одобрительными выкриками и возгласами восхищения. И, подстегнутая этой толпой, девушка летела все быстрее на крыльях своего успеха. И, обливаясь потом от непрерывного движения вблизи пылающего костра, за ней пытался успеть играющий великий бард,

который уже оставил попытки занять позиции между ней и публикой, привлекая тем самым внимание прежде всего к себе.

Тело девушки уже блестело от пота, но глаза ее сияли, а движения были полны грации и чувственного огня. Казалось, она отдавалась всей толпе, любя всех и никого в частности. Отдавалась ее восторгу, ее возрастающей симпатии, и этот восторг и эта симпатия вливали в нее силы для новых немислимых прыжков и захватывающих поз.

Бард уже потерял надежду поспевать за ней в ее движении вокруг костра и из уважения, конечно, прежде всего из уважения к наиболее знатным людям селения, остановился перед ними и продолжал играть, несколько меняя звук инструмента и добавляя в него звонкие аккорды в те мгновения, когда девушка в очередной раз пролетала в танце вокруг этого места.

А она только изредка бросала ему то ли мимолетную улыбку, то ли усмешку, то ли гримаску одобрения.

Прошло еще несколько минут, и девушка увлекла за собой в круг несколько молодых мужчин и женщин, сидящих в первых рядах, и завертелась в бешеном ритме, переходя от одного к другому.

Теперь для того чтоб сопровождать ее, бард должен был вести одновременно несколько мелодий, подобно тому, как она устроила одновременно перепляс с несколькими партнерами. Еще несколько минут он удерживал этот бешеный темп, и, наконец, сдался. Перешел на медленную мелодию, обычно сопровождающую не танцы, а речитатив и песни.

Словно не заметив этого, девушка и ее партнеры, а также все остальные танцующие прошлись с десятков-другой кругов вокруг костра, и наконец веселая группка их остановилась напротив великого барда, который собирался спеть самую популярную свою песню.

– Девушка выполнила все твои условия! – кричали ему те, кто присутствовал во время разговора девушки с бардом в его доме.

Он нехотя, очень нехотя кивнул головой.

– Приходи завтра утром в мой дом, я готов подумать о твоём предложении.

Девушка, ничего не ответив, повернулась и побежала одеваться.

Вечером, сидя на оленьей упряжке, которая несла ее домой из селения на берегу океана, она тихонько напевала мелодию, которая возникла в ее душе во время танца, благодаря ее “разговору” со зрителями. Сердце ее было полно покоя, теплоты и надежды на счастье с юношей, который лучше всех умел ухаживать за животными и мастерить упряжь.

Утром она встретила юношу и рассказала ему, что хотела найти себе мужа в селении на берегу океана. Что она встретила с великим и славным бардом, которого многие девушки мечтают увидеть своим мужем, и что он дал ей согласие взять ее в жены.

– Почему же ты уехала от него и вернулась ко мне? – спросил ее юноша.

– Потому что он слышит только себя, видит только себя, и нет около него места для любви и достоинства другого человека. А тот человек, которого я люблю, умеет видеть и слышать не только людей, но даже домашних животных, – ответила девушка.

Расставание

Слепой старик, живший на краю деревни в домике около родника с самой чистой и вкусной водой, пользовался большим уважением односельчан, которые называли его учителем, мудрецом, пророком. Все, от мала до велика приходили к нему за советом по всем проблемам их незатейливой, но тяжелой жизни. И он никому не отказывал в добром слове и участии. Лишь редко-редко извинялся перед гостем, что нет у него права помочь ему или дать совет, ибо не видит он праведности пути спрашивающего.

Накануне традиционного праздника встречи молодежи и взрослых трех больших селений, встречи – ярмарки, на которой заключались договоры о доброй половине свадеб, стайка девочек и юношей уселась на полянке перед домом пророка.

– Завтра, – сказали они, – мы должны выбирать или быть выбранными. Скажи нам, что главное в мужчине и женщине, которого мы должны выбрать себе в качестве спутника жизни.

– Мужество, – ответил пророк.

– Мужество? Для мужчин?

– Да. Мужество для юношей, и еще большее мужество для девушек.

– Но разве нужно одно и то же мужество и для юношей, и для девушек? И разве девушки могут быть столь же мужественны, как мужчины? Ведь и слово мужество произошло от слова муж.

Пророк улыбнулся и попросил привести к нему Петра.

Петр, тринадцатилетний мальчик, все еще ходил с лубком на сломанной руке.

Пророк обнял его за плечи и сказал:

– Вот оно, мужество мужчины. Отчаянная смелость поступка, мужество совершения, созидания и поиска. Вечного поиска и ухода от серых будней к новым свершениям.

Потом он попросил позвать к себе девочку Янину. Он поставил двенадцатилетнюю девочку на стул перед собой и сказал:

– Мужество юношей требует характера, но еще большего характера требует мужество женщины. Мужество ожидания и расставания. Вот эта девочка только начала превращение в женщину. Грудь ее набухли и первые месячные недавно испугали ее своим появлением. Теперь несколько лет она будет ожидать встречи с мужчиной, который превратит ее в женщину и станет отцом ее ребенка. И само это ожидание связано и со страданиями, и с потерями. Потом она будет носить ребенка, и его рождение будет и созиданием, и расставанием ее тела с телом рожденного ею ребенка. Каждый шаг взросления ребенка будет не только шагом вперед в его росте, силе, уме, но и шагом от его матери. Шагом от дома, в котором он родился и вырос. И каждый день каждая женщина ждет возвращения с охоты, с работы, из путешествия своего мужчины и своих детей. И всю жизнь она должна сохранить терпеливое мужество ожидания и

расставания, чтобы ее дом всегда был полон тепла и света и всегда был готов принять усталых после дневных или многодневных свершений мужчин и детей.

Странник.

На высоком берегу реки на окраине города около кладбища стояла богатая церковь, а напротив нее на маленьком островке меж двух больших рукавов в незапамятные времена была построена часовенка в память о выброшенной на островок утопленнице. И в этой часовенке, точнее, возле нее, также много лет назад поселился инвалид войны и стал монахом-отшельником.

Раз в месяц ездил он в деревню за своей пенсией и покупками, а все остальное время безвылазно проводил на своем островке, ухаживая за крошечным огородиком, молясь в часовне, ловя рыбу или просто созерцая жизнь реки, леса на берегу и птиц, которые гнездились здесь.

Редко, очень редко люди решались нарушать его уединение. Он не принимал даров, говоря, что не знает, куда девать свою военную пенсию, не участвовал ни в каких празднествах и торжественных молебнах, но никогда не отказывал в совете или помощи тем, кто просил его об этом и кто, по его разумению, действительно в этом нуждался.

На все просьбы замолить грехи за кого-нибудь он неизменно отвечал, что сам грешен и не может просить Бога о прощении кого-то и надеяться, что его просьба будет услышана в первую очередь.

Однажды с вечерней зарей к нему на остров приплыл на утлой лодчонке молодой мужик из какой-то дальней деревни. Бросился монаху в ноги, расплакался и стал просить помочь ему.

– Встань, будь мужчиной и объясни, какой помощи ты, молодой мужик, можешь ждать от старого больного человека. Ведь у меня работают только руки и одна нога, а голова и все остальное потеряны во время великой войны.

– Но ты нашел свое счастье или свою судьбу?

– Точнее, я нашел покой и внутреннюю свободу на этом тихом острове и никому не мешаю жить, радоваться и не видеть страдания.

– А ты нашел Господа?

– Какого?

– Но ты ведь знаешь, о чем я говорю.

– Я слышу, о чем ты говоришь и, может быть, догадываюсь, о чем ты думаешь. Но я не могу понять и не хочу понимать твоих проблем, пока ты о них мне не скажешь.

– Наш деревенский священник сказал мне, что только ты можешь мне помочь обрести Бога.

– Ты ему надоел своими бесконечными молитвами и исповедями?

– Нет. я не проводил много времени в Божьем храме.

– Тогда с чего вдруг тебе понадобился Господь?

– Моя жена и двое маленьких детей, сын и дочь, сгорели в баньке, когда я был на заработках. Я искал виновных, но все говорили: “Бог дал, Бог взял”. Я пришел к священнику, поставил свечки, заказал заупокойные, отстоял всенощную. Я все хотел понять, за что мне это наказание. А мне все предлагали найти новую жену и родить новых детей.

– Так и ищи.

– Я не могу. Я буду бояться за них. Если жену и детей у меня забрал Бог, ибо поистине они были невинны, я хочу найти своего Бога, чтобы он мне помог найти покой в новом браке. А без этого нет мне жизни.

– Ты думаешь, что ты можешь постичь Бога?

– Но хотя бы немного. Неужели я глупее тех монахов и попов, которые день и ночь талдычат о нем в церкви!

– А ты себя постиг?

– Что это значит?

– Прежде чем постигнуть Бога, прежде чем обратиться к нему с надеждой услышать ответ, ты должен постичь себя, понять, какая сила, корысть, злоба, гордыня или отчаяние, похоть или смирение гнали и гонят тебя по свету. Отрывают от близких, от нелегкого труда на земле и приводят к жалкому старику, доживающему свой век на заброшенном острове.

– Но меня направил сюда священник!

– Да, я знаю его. Он ничего не умеет читать, кроме церковных текстов, кои выучил наизусть. И он немножко знает о моей жизни и о том, что я получил кое-какое образование. Поэтому он решил направить тебя ко мне, но не объяснил тебе перед этим, что искать ты должен Господа прежде всего в себе, и только тогда, когда ты начнешь изнемогать в этих поисках, ты можешь обратиться за помощью.

– Старик, неужели ты не видишь, что я действительно в отчаянии? Надо ли тебе объяснять, сколько стоят слезы настоящего мужчины?

– Ну слава Богу, теперь ты наконец заговорил по-человечески. Только ты не так хорошо себя знаешь, как ты думаешь. И поэтому ты не можешь говорить ни про отчаяние, ни про слезы настоящего мужчины. Твоя жалость к себе настояща на кабацком самогоне да на вздохах соседшек, которые хотели бы заполучить тебя для своих дочек или для себя самих. Ты не знаешь, что такое настоящий мужчина.

– Что?

– То, что ты слышишь. И никто этого не знает, кроме Господа.

– А ты?

– Я не уверен, что я настоящий мужчина, и я уверен в том, что готов увидеть и понять себя не более чем наполовину. Погляди на свое отражение в воде. Ты видишь, как легкая рябь, всплывающие пузырьки газов, следы проплывающих рыбок и даже пробегающие по поверхности воды насекомые искажают и твое, и мое изображение. А ведь это так близко и понятно, это как зеркало. Что может быть проще? А души наши глубже самого глубокого омута, и на дне его можно найти не только клады, но и мерзость всякую, непотребство и даже утопленников.

Да, конечно, после ранения мне неведом грех похоти, но могу ли я, жалкий человек, поклясться искренне, что моя гордыня уже сломлена. Что не Эго и не тайное честолюбие привели меня к этой часовне. Что мое корыстолюбие уже давно спит сладким сном? Может, страх разбудить его не позволяет мне принимать искренние подношения пасхальных куличей, пирогов и других нехитрых деревенских сладостей. Свободный и одинокий старик, ни от кого не зависящий материально, я до сих пор не могу заглянуть во все закоулки моей души с безжалостным светом Божьего учения и фонарем разума. Скажу тебе честно, именно поэтому я не знаю, обрел ли я своего истинного Бога или не суждено мне этого в этой жизни. А ведь я прошел очень длинный и очень трудный путь к Нему. А ты? Ты бросился на поиски Господа через день после того, как напился в кабаке и переночевал у молодки на сеновале. И после этого ты валяешься у меня в ногах и плачешь? И просишь найти Господа?

– Святой отец, но разве смирение не паче гордости? И разве одному раскаявшемуся грешнику не радуются на небесах больше, чем ста праведникам?

– Интересно, кто-нибудь видел хоть трех праведников? Может быть, поэтому им так мало радуются на небесах?

– Постой, отче, может, твоя гордыня, о которой ты говорил, мешает тебе вспомнить истину “Не судите да не судимы будете”.

– Я не судья, и мой дом не тюрьма. Вот тебе Бог, вот порог. Дорога открыта во все стороны. Ты пришел ко мне в мой дом, когда твое тело и твоя одежда еще хранят запах самогона и женщины. И ты просишь моей помощи. До тех пор пока ты ее просишь, до тех пор пока ты думаешь, что меня можно использовать, как отмычку от райских врат, ты сам отдаешь себя в руки мои, и совесть твоя не позволяет тебе возразить мне. Да и что ты можешь возразить по существу. Не Бога ищешь ты, а самооправдания. Не служения ищешь ты, а только самолюбования. Страдание твое, наверное, не искупает тех грехов, за которые заплатили твои близкие. И все то, что ты делаешь сейчас, сегодня – это только попытка уйти от Высшего Суда.

– Старик, ты кощунствуешь. Ты кощунствуешь над могилами моей жены и детей.

– Бог свидетель, я никогда не шутил ни с чужой болью, ни с чужими страданиями, ни тем более со смертью. Никто и никогда из приходящих ко мне за советом не обвинял меня в кощунстве или Богохульстве. Вспомни, что говорили тебе люди, когда ты шел ко мне, и постарайся вспомнить и рассказать, когда ты потерял Бога.

Мужчина помолчал, потом тяжело опустился на полено, которое старик использовал как скамейку, когда вязал снасти или просто смотрел на вечернюю реку.

– Когда я был маленьким, – сказал он, – я слышал голос Господа в журчании струй, в шуршании травы, когда она раздвигалась моими босыми ногами, в шепоте листьев. Он приходил ко мне, когда я лежал на сеновале, всматриваясь в бездонное звездное небо или любуясь луной. Он склонялся над моей кроватью, когда я болел, а мать была занята по хозяйству. Он был вместе со мной, когда мы гоняли лошадей в ночное или ворошили траву на дальних покосах.

Но потом я вырос, и девчонки, их лица, их груди, их тела на какое-то время затмили Его облик и заглушили Его голос. А когда я снова попытался вернуться к Нему, еще до того, как я женился на моей покойной супруге, то ни в поле, ни в лесу ни у реки никто не отозвался на мои просьбы, никто не заговорил со мной как прежде, и понял я, что потерял милость в его глазах вместе со своей невинностью.

– Ты дурачок, – сказал старик. – Если бы люди не теряли невинность, то род человеческий прекратился бы. Так что это не тот грех, который полностью отделяет людей от Господа. Просто каждое время, каждый возраст, каждая дорога требуют снова и снова искать свой путь к истине, и только на этом пути, только стоя на нем, ты можешь найти своего Бога.

Это словно в туннеле, только тогда, когда ты стоишь на основной дороге лабиринта, ведущей к выходу на свет божий, ты можешь видеть свет в конце туннеля. Ни выше, ни ниже, ни слева, ни справа от твоего пути, от твоей дороги ты не можешь видеть этого света.

Это как в колодце. Я знаю, ты был у самых глубоких колодцев, которые наши предки рыли вместе с водохранилищами в древних крепостях. Ты можешь видеть крошечный кусочек неба или просто светлую точку – отверстие в крышке, только, когда стоишь точно по центру на дне колодца. А ты хотел, словно ребенок, которого Господь приведет за ручку, пока он не накопит достаточно сил для выбора и ответственности за свой выбор, все время видеть и чувствовать руку поводыря.

Ищите и обращайтесь. Просите и вам воздастся. Но воздастся по вере и выбору. И искать можно только на пути своем. Ибо не может Господь решать за тебя. Ибо не для того пришел ты в этот мир человеком – вершителем своей судьбы, чтобы идти всю жизнь, держась за юбку матери-веры. Вера и Закон божий – лишь канон для принятия решений. Каждый сам строит свою судьбу и тем самым судьбу и жизнь своих близких и отвечает и за то, и за другое.

Я не могу снять с тебя этой ответственности, я не раздаю индульгенции. Но если в тебе хватит силы и мужества, оставайся здесь на неделю, на месяц или на полгода, посвяти все свое время и все силы в течении каждого дня помощи тем, кто действительно нуждается в помощи и делает все возможное, чтобы решить свои проблемы, чтобы подняться. Тогда и только тогда каждый вечер или каждую ночь мы можем вместе с тобой молиться, чтобы Бог помог тебе найти твой путь, твое место в этой жизни. И только там, и только так ты, может быть, снова обретешь Бога.

– Ты обещаешь?

– Я ничего не обещаю, кроме того, что я могу сделать. А именно молиться вместе с тобой. Я не знаю твоего прошлого пути. Я не знаю и не хочу знать твоих грехов и не желаю слушать твоих исповедей. Твоя прошлая жизнь и твоё раскаяние, и твоя служба, и что они будут значить в глазах Господа – все это не дано знать смертному человеку.

Я может быть так же грешен, как и ты, но ближе к прощению. Но одно я знаю точно: только так, только на своем пути, только бескорыстным служением можно вернуть своего Бога.

Просветление

К ребе пришел ученик и сказал ему:

– Я отучился в ешиве уже шесть лет. До ешивы, когда я был маленьким мальчиком и жил в доме своих родителей, ко мне во сне часто приходил Господь и учил меня жизни. А теперь я потерял своего Бога, он не посещает моих снов, и я прошу тебя, моего Учителя, верни мне моего Бога.

– Приходи ко мне утром, – сказал ребе.

И на следующее утро, когда ученик пришел к нему, он спросил:

– Какого Б-га ты хочешь, чтобы я тебе вернул?

– Как какого? Истинного.

– Но ведь вчера ты просил меня вернуть тебе своего Бога. И я обещал тебе его вернуть. Но, скажи мне, на кого был похож твой Бог? На отца, на мать, на дедушку? На какого-нибудь знакомого мужчину?

Юноша задумался.

– Я точно не знаю и не могу описать.

– А на кого похож истинный Бог, о котором ты спрашивал сегодня?

– Я не могу этого представить. Да и в Законе сказано: “Не сотвори себе образа Божьего ни в камне, ни в дереве, ни красками на холсте, ибо Бог есть все сущее и во всем, и нет ничего, кроме Бога единого”.

– Как я тебе могу дать увидеть то, что невозможно себе представить, что не дано представить разумом смертного. Ибо путь к Богу есть путь к единству со Вселенной и одновременно путь к себе как к частице этой Вселенной и ее воплощения.

Для ребенка и Бог, и Вселенная олицетворяются в образе его родителей. Бог, подобный взрослому человеку, является ему в снах и мечтах, потому что путь и к Богу, к Вселенной и к самому себе для него проходит прежде всего через его взросление.

Но человек вырастает, как и ты, и вдруг с ужасом обнаруживает, что тот уютный домашний Боженька, который вел его из детства к юности и отрочеству, исчез, и он не может на его место поставить ни бесконечную Вселенную, ни честного образа себя самого как бесконечно малой части той самой Вселенной, в которой она отражает самую себя, как океан в капле воды.

К Шахиншаху пришел сын и пожаловался, что только несколько дней назад он взял к себе в гарем новую наложницу, которую все называли самой большой красавицей всех времен и народов. Но уже сегодня утром, вставая с ложа этой наложницы, он обратил внимание, что она вовсе не так красива, как говорят о ней его придворные поэты. И сердце его омрачилось печалью, потому что не может он найти женщины, красота которой не тускнела бы после первой же недели, проведенной в ее объятиях.

– Сын мой, – сказал Шахиншах, – ты взрослеешь, но все еще не стал мужчиной. Ты забыл, что красоту Лейлы можно понять и почувствовать, только глядя на нее глазами Меджнуна.

– Что это значит, – удивился сын.

– Много лет назад в городке на границе нашего халифата жили юноша и девушка, влюбленные друг в друга. Они собирались в скором будущем отпраздновать свадьбу, но началась война. Юноша ушел воевать. В городок вторглись враги, и девушку угнали в рабство.

После войны год или полтора юноша оправлялся от ран и собирал деньги для путешествия и выкупа невесты. Много лет скитался он по всем странам, куда судьба и невольничьи караваны могли забросить его возлюбленную. Он зарабатывал деньги тем, что нанимался командовать охраной купеческих караванов и судов. Песнями и рассказами о своих походах, о войнах, в которых он участвовал, о героях, которых он встречал, он собирал вокруг себя толпы слушателей на рынках и в караван-сараях всех городков и портов, в которых ему приходилось бывать. И снова и снова он спрашивал слушателей о судьбах невольников из его родных мест.

Через двадцать с лишним лет скитаний ему повезло: кто-то из слушателей сказал, что много лет тому назад в этот городок привезли десятка полтора молодых пленниц-наложниц, захваченных во время той далекой войны, что две или три из них давно получили свободу и живут в своих жалких лачугах на краю города, а остальные по-прежнему прислуживают в поместье или при дворе или работают в ковро-ткацких мастерских.

Меджнун по-королевски наградил слушателей и бросился к лачугам на окраине города. Та лачуга, на которую ему указали, оказалась скромным чистым маленьким домиком с прекрасным садом и огородом, в котором жила молодая красивая женщина лет сорока пяти – пятидесяти. Ее взрослый сын построил себе усадьбу недалеко, где жил со своей женой и детьми. И в момент, когда Меджнун входил в ее дом, она, забыв обо всем, наблюдала за возней детворы под плодовыми деревьями. Увидев входящего в дом незнакомого мужчину, она неторопливо поправила расшитый платок, который заменил ей паранджу, поклонилась и спросила на местном наречии, чем обязана посещению уважаемого путешественника.

Меджнун на ее родном наречии в двух словах рассказал, кто он и кого ищет. Она предложила гостю чаю и фруктов и рассказала. Что Лейла с самого начала отказывалась быть наложницей и была продана для работы в мастерскую по производству ковров. Она быстро стала лучшей ткачихой, ее ковры высоко ценятся, поэтому условия ее жизни сравнительно неплохие, но хозяин категорически отказывается дать ей свободу.

Узнав адрес этой мастерской и имя хозяина, Меджнун бросился туда. После долгих переговоров и торгов он вручил мешочек серебряных монет и несколько камней хозяину, который клялся и божился, что эта сделка для него – чистый проигрыш и разорение.

Они подписали фирман о продаже наложницы Лейлы и, держа драгоценную бумагу в мешочке у груди, Меджнун бросился во двор к домику своей возлюбленной.

Она моментально узнала его и попросила немедленно увезти из этого ненавистного дома. Они провели восхитительную ночь в домике, снятом и приготовленном Меджнуном для этого события, но утром, проснувшись, Меджнун увидел женщину примерно сорока лет, горько плачущую перед зеркалом в их спальне.

– Что ты плачешь? – спросил он.

– Я была счастлива встретить тебя снова и получить свободу из твоих рук. Я как будто помолодела на двадцать пять лет этой ночью, когда ты ласкал мое тело и мы отдавались так давно загоревшейся страсти. Но утром я проснулась, поглядела на твое обветренное лицо, все еще сильное и юное тело, и мои годы свалились мне на голову и разбили мое сердце. Ты достоин юной и красивой жены, и не должен связывать свою жизнь с сорокалетней старухой, которую переехала колесница безжалостной жизни. Я не хочу быть гирей и кандалами несчастья твоей судьбы.

Меджнун слушал, потом он взял Лейлу за руку, зажег несколько смолистых сучьев в очаге и сел с подругой напротив огня. Он долго молчал, а потом спросил:

– Не знаешь ли ты здесь в городе старой и мудрой женщины, которая умеет снимать наговоры и делать приворотное зелье? Которая знает, что такое жизнь и знает цену красоты и любви?

– Что ты задумал? – спросила Лейла.

– Мы должны снять с сердец друг друга проклятие времени и изгнать из сердец чувство обиды и вины. Нам не выдержать этого бремени и не построить счастливый дом, если мы возьмем с собой в дорогу боль полученных ран и утраченного времени. Я готов заплатить любую цену за то, чтоб избавиться от этих проклятий, и старуха может нам указать дорогу к этому.

И они пошли в дом старой знахарки, которая жила на окраине города у подножия высокой горы, в ущельях которой она собирала целебные травы. И весь вечер рассказывали ей о своей судьбе. Она уложила их спать в своей крошечной гостиной, пропахшей травами, и утром вместе с парным молоком и утренним чаем со сливками она внесла к ним пару ножей, лук со стрелами, маленький вещевого мешок с солью, кремнем и кресалом и черную бархатную повязку для глаз.

Два теплых верблюжьих коврика-одеяла завершали снаряжение.

– Послушайте, – сказала старуха, – еще одну ночь вы проведете в моем доме, а утром после завтрака отправитесь вверх по той тропинке, которая ведет на самую вершину, там, где всегда есть снег и лед. По преданию, все великие воины нашего города перед тем, как отправиться на войну или в путешествие, поднимались на эту гору, чтобы окинуть сверху и запом-

нить родимый край, а также, чтобы встретив восход и проводив закат на одинокой вершине, получить благословение неба и звезд на дальнейшие подвиги.

Они шли в одиночку, всегда в одиночку, вы вместе должны составить дао и идти вдвоем. Но так же, как эти герои, весь путь до вершины или по крайней мере до снегов, только один из вас должен смотреть на дорогу и выбирать маршрут. Другой должен идти этот участок с завязанными глазами, полностью доверившись своему другу. Итак, каждый день каждый из вас будет то поводырем, то слепым, идущим за ним. Поводырь будет рассказывать в немногих словах о дороге и предупреждать об опасных местах, но главным его орудием будут руки и веревка, которой вы будете соединены, и большую часть времени он должен молчать и слушать и смотреть за дорогой, тогда как слепец должен петь песни и рассказывать легенды, которые он знает или слышал, и должен при этом перебирать внутри себя, переживать заново прошедшие годы.

В середине дня вы будете меняться ролями. И за те семь-десять дней, что займет у вас путь от моря до вершины, каждый из вас должен пройти и за себя и за своего любимого прожитые порознь годы. И тогда горы и небо, солнце и луна, звезды и ветер, восходы и закаты дадут вам ответы на все ваши вопросы и помогут решить ваши проблемы. Ибо дружба и любовь – это не только влечение, симпатия или страсть, это совместно пережитое, выстраданное и переосмысленное, без которого нет ощущения возраста и смысла жизни.

Меджнун поклонился старухе, протянул ей плату за постой и за вещи, которые она им дала и спросил, что еще она может им сказать и пожелать.

Если ваша любовь действительно чиста и сильна, и вы живыми вернетесь с этой горы, подойдите ко мне и получите мое благословение на дальнейшую жизнь. Потому что каждое благословение, данное достойным людям от чистого сердца, обогащает того, кто его дал не меньше, чем того, кто его получил.

И утром Меджнун и Лейла отправились в горы. Сначала идя с завязанными глазами по бегущей по лесу тропинке, они спотыкались, цеплялись за кустарники, уходили в сторону. Но с каждым днем, с каждым часом они чувствовали себя все увереннее, и когда тропинка побежала вверх по склону, они уже не боялись ни за себя, ни за спутника, потому что хорошо чувствовали друг друга.

Тропинка шла все выше и становилась все уже и опасней. Теперь ночами они грелись, прижавшись друг к другу и накрывшись верблюжьим ковриком, второй они клали под себя. И каждый день, и каждую ночь и во сне, и наяву каждый из них рассказывал другому о чем-то пережитом и слышал и содрогался иногда от ужаса, слушая и чувствуя его рассказ.

Когда они дошли до вечных снегов, и ему, и ей казалось, что каждый день, прожитый раздельно, им уже известен и пережит заново вместе. Но им еще было не понятно, что делать с тяжким грузом этих переживаний.

И на крошечной плоской площадке у вершины, рядом с пирамидкой из камней, в которую были заложены священные амулеты древних героев, они сели спиной к спине, чтобы было теплее, и стали ожидать заката. Когда солнце, осветив алыми всполохами вершины дальних гор, коснулось последним поцелуем их одинокой вершины, на них обрушилась ночь с бездонным небом и бесчисленными звездами, с пронизывающим холодом и воем ветра в ущелье. В

этом угрюмом безмолвии их было только двое, две песчинки на дне океана, двое людей, каждый из которых хранил тепло другого и давал ему свое тепло.

Звезды и небо говорили о Вечности и о смерти. О Вечности, по сравнению с которой пробежавшие годы казались даже не мигмом, а были просто ничем. О холодном безмолвии, с которым взирают на людишек, копошащихся внизу, эти далекие вечные светила, словно поджидая того момента, когда у них не хватит силы и тепла для дальнейшей борьбы и они останутся холодными, безмолвными и вечными, как те льдины, лежащие на вершинах, в которых отражаются свет солнца, луны и далеких звезд.

Они дождались рассвета, и хотя лучи солнца не могли растопить окружающего снега и льда, они наполнили ликованием их сердца, согрели душу и дали силы. Меджнун и Лейла встали, обняли друг друга на вершине, отбрасывая длинные тени, которые падали куда-то в ущелье, и вознесли общую молитву небу и солнцу, лучи которого дают жизнь всему живому. И окончив эту молитву и проводив глазами облака, убегающие от солнечных лучей за дальние хребты, и посмотрев на лежащие внизу леса, усадьбы и речку, впадающую в бескрайнее море, они двинулись вниз по тропинке, уже не завязывая глаз.

Через несколько дней они спустились в городок и принесли старухе-знахарке взятое у нее снаряжение, несколько пар рогов горных козлов, найденных по дороге, и еще одного козла, убитого метким выстрелом, потому что всем известно, что рога горных козлов, их шкуры и шерсть, а также их мясо очень ценятся жителями долины.

Меджнун и Лейла поклонились старухе и сказали:

–Ты помогла нам обрести друг друга заново, а значит, и обрести молодость, потому что теперь, когда наши морщины и седину словно вуаль укрывает опыт прожитых лет, мы видим друг друга молодыми.

И старуха благословила их на долгую совместную жизнь.

– У вас будет двое детей, – сказала она, – и пусть ваши дети с молоком матери впитают не только рассказ об испытаниях, выпавших на вашу долю, но и ощущения тепла, любви и совместно пережитого опыта, которые соединяют ваши жизни отныне. Чтобы этот опыт помог им вырасти свободными и счастливыми, найти свой путь и свою половинку на этом пути.

После этого она проводила их на судно, снабдив гостинцами и вином собственного приготовления.

Умница

В караван-сараяе, одном из тех, что приткнулись к наружным стенам великого Багдада, встретились несколько купцов, караваны которых не успели войти в город до наступления ночи.

Попивая чай и закусывая его восточными сладостями, они завели беседу, которая постепенно перешла в жаркий спор о правде и о смысле жизни. Каждый из собеседников, перебивая друг друга, и ссылаясь на Тору, на Коран или на Будду, с пеной у рта доказывал, что только его понимание жизни, Бога и законов заслуживает уважения, а всякий несогласный с этим достоин смерти или, по меньшей мере, сочувствия.

На шум к спорщикам вышел хозяин караван-сарая почтенный Али.

– Многоуважаемые, – сказал он, – от вашего спора даже мои ишаки не могут спокойно жевать свою жвачку. Я думаю, что вам необходим кто-то еще, кто может рассудить ваш спор и спокойно выслушать доводы каждого. Что если этот третий третейский судья не сможет рассудить вас, то он по крайней мере поможет перевести ваш спор в более подобающее русло, тем самым дав покой окружающим и, может быть, дав возможность вам, о мудрейшие, найти истину.

Он обернулся, и из-за его спины на помост чайханы вышла стройная юная девушка в красивой парандже.

– О уважаемые, – сказал Али, – это моя дочь, которая прославилась своей мудростью и не боялась вступать в дискуссию с самыми важными мудрецами нашей медресе (духовной академии ислама). Нет такого спора или такой проблемы, по которой у нее не существует своего мнения, и все окрестные жители, наши соседи, любят обращаться к ней за помощью и советом в запутанных житейских делах. Я надеюсь, что за небольшую плату, около алтына с человека, она могла бы помочь вам решить ваши проблемы. Я надеюсь на вашу снисходительность к юному возрасту моей дочери, но не прошу о снисходительности для ее ума.

После этого он повернулся и вышел, а девушка села на помосте на должном расстоянии от спорящих посетителей и обвела их смеющимися глазами.

– Я, сказала она, – не хотела бы мешать течению спора между мудрейшими. По возрасту мне подобает лишь отвечать на ваши вопросы. Да и скромность, приличествующая девушке, требует от меня того же.

Купцы замолчали. Потом один из них спросил:

– Так ты что, готова отвечать на наши вопросы до утренней стражи за алтын с каждого?

– За три алтына, если вам понравятся мои ответы, – сказала девушка.

– Хорошо, – ответил толстый испанский купец с массивным крестом на шее.

– Скажи, пожалуйста, в чем смысл жизни.

– Смыслом жизни, – ответила девушка, – является сама жизнь и ее продолжение в детях, в семени. Посмотрите вокруг на все живое, все живое от былинки в поле до слонов, обезьян, морских чудовищ и человека воспроизводят самих себя в своем потомстве. И разве не это является само по себе смыслом жизни?

– Хорошо, – раздраженно перебил ее левантийский купец. – Но ты забыла, хотя и живешь в городе правоверных, что смыслом жизни по Корану является послушание и служение. Ибо нет Бога кроме Аллаха и Мухаммеда – пророка его.

– Смыслом жизни, – перебил его испанец, – и ее целью является искупление первоначального греха ради наступления царства Божьего, ради этой великой задачи Бог послал на заклание своего сына, и только в кротости и смирении, в служении ему и в искуплении видит смысл жизни истинно верующий христианин.

– Бог вернется к избранному народу, – перебил его иудей, – и только приход Мессии установит царство Божье на земле. Но для этого все люди, и прежде всего иудеи, должны соблюдать заповеди, записанные в книге.

Девушка чуть-чуть улыбнулась и сказала:

– Каждый из вас минимум два раза в день молится Богу, который всемогущ и всеблагостен. Только купец из Индии еще не сказал своего слова и не объяснил вам, что главным достоинством и долгом человека является смирение и ненасилие и согласие с действительностью. И что только отсутствие желания ведет к нирване. Но если Бог всемогущ, всеблаг и непознаваем, то подумайте, для чего ему нужны ваша покорность и ваши жалкие приношения, и ваши обеты.

– Действительно, – перебил ее купец, – если Бог всемогущ, вездесущ и всеблаг, для чего он создал этот мир и все живое и самого человека?

– Для того, – ответила девочка, – чтобы познать самого себя. Единственный способ познать самого себя – это увидеть свое отражение и результаты своих действий. Только создав этот сложный мир, в котором существует множество своих внутренних законов и множество противоречий, господь мог увидеть разные стороны своего воплощения и оценить результаты своих усилий. Подобно девушке, которая, собираясь на праздник, со всех сторон осматривает себя в зеркале и примеряет то одну, то другую обновку, Бог создал этот мир и выразил разные стороны своей сущности в бесконечном множестве живых и неживых вещей, которые его составляют.

– И все-таки, – сказал левантиец, – ты должна согласиться, что истину о Боге можно найти только в Коране.

– Возьмите два зеркала, – сказала девушка, и с этими словами она сняла занавеску с небольшого зеркальца, висящего на стене и позволяющего хозяину, стоящему за прилавком, видеть входные двери чайханы, и свечку. – А теперь посмотрите на отражение этой свечи и ее пламени в этих зеркалах.

Девушка зажгла свечку. И несколько раз сдвинула ее так, что пламя свечи и его отражение перескочили сначала на входную дверь, потом на лица спорщиков и, наконец, упершись в кривой бок начищенного медного чайника, заплясало тысячами брызг по всей чайхане.

– Разве изображение предмета в одном и том же зеркале не изменяется в зависимости от того, кто и как на него смотрит и от того, где стоит светильник? Все вы признаете единого благого и всемогущего Бога. Но вы ведь только пылинки, частички зеркала, отражающие его свет. И глупо спорить, какое из этих отражений более истинно.

– Господь, – возразил ей иудей, – являлся к Моисею на горе Синай и дал десять заповедей.

– Нет, – возразил испанец, – он воплотился в своем сыне, Христосе.

Девушка жестом остановила готового вступить в спор левантийца.

– Смотрите, – сказала она, – разве я могу вместить внутрь зеркала хотя бы свой мизинец? Как вы можете думать, что всеблагой, вездесущий и всемогущий Бог может поместиться в зеркале, которое он создал. Да и зачем?

Разве девушка, которая собирается на праздник, не осматривает себя со всех сторон в этом бесконечно тонком отполированном кусочке металла? Но ведь она не берет с собой зеркала на праздник и не пытается найти в нем ни своего счастья, ни смысла жизни.

Почему вы думаете, что наш Бог глупее этой девушки?

– И ты все-таки не сказала, кто из нас прав, – вмешался в разговор буддист.

– Что значит, кто прав? – улыбнулась девушка. – Каждый из вас и из нас отражает какую-то часть сущности Бога, и можно ли здесь искать правых?

– Я пришел на эту землю, – сказал буддист, – и получил душу, которую должен вернуть более совершенной, ибо только в этом случае будет катиться вперед колесо бесконечных превращений жизни, и я в следующем моем рождении займу более достойное место.

Девушка задумалась на минуту, а потом сказала:

– Долг каждого живущего на земле – сделать этот мир более уютным для его детей внуков и правнуков. А значит, сделать зеркало более гладким и правдивым и лучше отражающим сущность Бога. И не важно, что будет обещано в качестве награды за этот труд сердца и души, новое рождение или воскресение или вечная жизнь в раю. Все это, все эти блага – всего лишь отражение нашего страха смерти и нашего стремления к Богу, которого каждый видит и понимает в соответствии с его жизненным опытом и качествами его души.

Едино небо и един Бог. И все мы – отражение, только отражение его бесконечной сущности. И каждый из вас наедине с собой должен признаться, что все его сомнения и страхи не обращены к Богу, а обращены прежде всего к самому себе, к исполнению его заветов, суть которых одна по всей земле.

– Ты хочешь сказать, девчонка, что мы не исполняем как должно заветы Аллаха? – возмутился левантиец.

Ты хочешь даром получить свои деньги?

– О, конечно, почтеннейший, ты совершенно безупречен. И то, что кашмирские шали, которые ты собираешься предложить на рынке, изготовленные в ближайшей деревушке, конечно же, не может бросить даже тени подозрений в твоей безупречной честности.

– Что ты понимаешь в кашмирских шалиях?

– Мне привезли несколько шалей из Кашмира, и я знаю особенности их ткани, рисунок, характерный для тамошних ткачей и их красок. Они стоят в десять-пятнадцать раз дороже, чем те поделки, которые делаются в окрестностях великого Багдада и окрашиваются красками, сделанными из лука и других растений, в отличие от индиго и бирюзы, которые делаются из горных пород в провинции Кашмир. Я думаю, что я заработала свои три алтына, потому что каждый из вас, почтеннейшие, привез на рынки славного Багдада что-нибудь подобное кашмирской шали. Я уверена, что я без труда сумею найти, что именно. И не стоит объяснять мне, как велики алчность и склонность к мздоимству здешней стражи и рыночных надзирателей, поэтому они без труда объяснят вам, что задержали вас только потому, что свято чтут Аллаха и его пророка Мухаммеда.

– А если мы заплатим тебе по пять алтынов, ты сумеешь закрыть на замок свой прекрасный ротик до нашего отбытия из славного города Багдада?

– Обещаю вам, – сказала девушка. – Я не могу не оценить должным образом вашу скромность и благочестие.

Все ожидали возвращения охотников с Великой Зимней Охоты на морского зверя. Добыча этой охоты позволяла людям племени пережить самые тяжелые месяцы долгой северной зимы.

Жена главного охотника стояла впереди других на берегу, всматриваясь в темные черточки далеких людей и саней в белесом мареве поземки. Сани и люди медленно приближались. Передние сани были покрыты шкурами, а на задних громоздились туши убитых животных.

Сердце у многих тревожно сжалось. Шкурами накрывали убитых или раненных на охоте. Все здоровые бежали к селению, и сознание того, что на них смотрят женщины и дети, заставляло их подтянуться, демонстрируя свою силу и стойкость.

Сани подъехали к берегу. Тяжело раненный главный охотник лежал, сомкнув глаза, и не хотел ни говорить, ни видеть никого из окружающих. Четверо молодых охотников перенесли его в ярангу и положили недалеко от масляного светильника, самое теплое и уютное места в яранге.

Жена склонилась над раненым мужем, дала ему напиток, сменила повязку на раненой руке. Олений мох ягеля, положенный на рану, дезинфицирует ее и облегчает заживление, а тепло и покой позволяют забыться и преодолеть боль.

Прошло несколько часов. Охотник не сказал еще ни слова, его лицо окаменело, губы сжались, и сквозь зубы с легким свистом выходил воздух при каждом выдохе.

Подшли дети. Пытались что-то спросить, о чем-то поговорить с отцом и испуганно отшатывались, наткнувшись на невидящий взгляд, глядящий куда-то вдаль сквозь них, и не услышав в ответ на вопросы ни одного слова.

Пришел вызванный женой отец главного охотника. За ним, пригнувшись, вошла в ярангу и мать.

– Люди вернулись с хорошей добычей, – сказал отец. – Мы хорошо перезимуем и встретим солнце, имея достаточно сил и еды для начала весенней охоты. Я думаю, к этому времени раны твои заживут, и ты сможешь принять в ней участие.

– Я больше никогда не смогу принять участие в охоте как главный охотник, – ответил сын и со стоном отвернулся к стенке. – Мои руки никогда не вернут себе прежней силы, и мой удар не будет так силен и точен, как это должно быть у главного охотника.

– Но ты сможешь учить молодых. Ты должен поднять своих детей.

– Я никому и ничего не должен. Я не хочу жить, как старик, который не может поднять оружие и не может возглавить охоту. Я хочу умереть главным охотником, чтобы дети помнили и гордились своим отцом, и я думаю, что это самое правильное.

– Перестань плакать, – обратился он к жене, – а то ты не сумеешь найти себе нового мужчину и тебе будет трудно поднять наших детей.

– Я не понимаю, – ответила женщина, – тебя не первый и не второй раз ранят на охоте. Но сегодня почему-то ты, вместо того чтобы лечиться и выздоравливать, начинаешь рассуждать о смерти.

– Замолчи. Как я могу, несколько лет пробывши главным охотником, вернуться снова к тому времени, когда я загонял скот и добычу для других, когда я был только помощником на охоте и среди последних во время великих праздников и советов вождей.

– Тебя никто и никогда не изгонит ни из круга вождей, ни из места в совете, и ты прекрасно знаешь об этом, – сказал отец. – Раненые не теряют уважение в отличие от трусов.

– Но и не приобретают его, о них не слагают песни и не рассказывают в длинные вечера у костров. И если уж мне суждено умереть в известности, то, может быть, легче и честнее уйти сейчас.

Настала ночь. Всю ночь в яранге слышалось тяжелое дыхание хозяина, возня и повизгивание собак около их корыта за тонкой стенкой. Наутро, подойдя к лежанке мужа, хозяйка испугалась, увидев его враз осунувшееся лицо. Он улыбнулся через силу.

– Потерпи, я скоро уйду.

– Замолчи! – закричала женщина. – Ты не можешь бросить меня с детьми.

– Но я не могу и оставаться главным охотником после этого ранения.

– Какая мне разница! Главное, чтобы ты был жив и приносил свою часть добычи с охоты, чтобы у меня был жив муж, а у детей – отец.

– Глупая женщина. Твой муж не может быть вторым, третьим, десятым. Он может быть либо первым, либо мертвым. И раз мне не суждено быть первым, я должен искать свой путь в страну мертвых.

– Кто тебе сказал, что ты не можешь быть первым?

– Ты что, не понимаешь, что с такими руками нельзя быть первым на охоте?

– Но разве это единственное место для настоящего мужчины?

– Я знаю только его. И могу только это.

– Но, может быть, ты можешь найти что-то другое? Делать оружие, строить лодки, собирать снасти?

– Ты ничего не понимаешь, всему этому надо учиться с раннего детства, а я всегда мечтал быть только великим воином и охотником и не успел, и мечта моя разбилась, как кусочек льда, брошенного на камни. И так же разбилась моя жизнь. И я не вижу дороги.

– Ты ее и не можешь увидеть, уткнувшись носом в грязные шкуры и оплакивая свою конченную жизнь, – тяжело вздохнул отец. – Я тоже был молодым, сильным и здоровыми и сидел первым в ряду вождей у могил Великих Предков. И все кончилось, и я остался жить, и счастлив видеть своих детей и внуков и встречать людей после зимней и весенней охоты.

– Но ты успел прославить свое имя. И песни о твоих делах еще долго будут ходить от селения к селению и после твоего переселения в страну мертвых. А я не успел ничего. Это всего лишь вторая охота после того, как я вышел на тропу великого охотника. И нет передо мной дороги для жизни.

– Дорога есть всегда. Но в сумерках отчаяния и боли ее невозможно увидеть.

– Я не верю тебе. Я не трус, и если бы был хоть один шанс, я бы не плакал, а искал его как самую важную добычу. Я смело гляжу в глаза смерти, которая стоит на моем пути, и нет у меня иной дороги.

– Ты не можешь ее увидеть, потому что ты боишься, боишься взглянуть в лицо своему самолюбию, боишься начинать с самого начала учиться иному искусству, иному ремеслу и пройти путь от ученика до мастера. Боишься жить и боишься не боли, но слабости. Не славы, но бессилия.

– Что же мне делать? Ты такой старый и мудрый, ты можешь научить меня, как и чему учиться? Куда идти?

– Я не могу вместо тебя найти твой путь, твое новое призвание. Никто, ни один шаман, ни одна старая женщина-ведунья, ни все мы вместе взятые не можем ни указать тебе твой путь, ни дать тебе обещания, что ты его пройдешь и достигнешь славы и счастья.

– Так для чего ты пришел меня учить и чего ты от меня хочешь? Умереть я могу и без вас, и это даже легче – идти к предкам, не видя боли в глазах матери.

– Я пришел к тебе сказать, что нет иной мудрости и иного пути, чем встать и идти, и сама дорога выведет тебя на твой путь и к твоему призванию, если только у тебя хватит силы и мужества ползти вперед через боль разочарования и ночи обманутых надежд и растоптанного самолюбия. Встань и иди, если не можешь встать ползи, не позволяя бессилию сковать твои члены. Когда придет твой срок, смерть найдет и заберет тебя повсюду, но пока ты жив ищи... Только под звездами, только в пути можно найти и познать дорогу. И если твой путь стал много труднее, чем раньше, то это испытание, быть может, и послано тебе самой судьбой, чтоб на этом оселке проверить крепость твоего характера и твердость сердца.

Караван

Караван-сарай «Счастье» располагался в стороне от торговых путей в небольшом оазисе, на расстоянии не менее трех дней пути от моря посреди великой аравийской пустыни. Однажды вечером в двери каравана ввалились обессиленные юноша и девушка. Старый Шамир – почтенный караван-баши – хлопнул в ладоши и громко скомандовал своим домашним:

– Режьте барашков, готовьте праздничный плов, несите фрукты и ставьте настоящий чай. Звезды впервые за много лет послали нам настоящую пару.

Юноша почтительно поклонился Шамиру и спросил:

– Правда ли говорят, что твои советы и несколько дней, проведенных в караван-сараях, способны вернуть людям счастье и направить их на истинный путь.

– Вернуть себе счастье или найти его может только сам человек, если он научится смотреть себе в лицо, слушать Бога и выполнять свое предназначение.

– Почтеннейший, ты можешь помочь мне найти себя, свою судьбу?

– А что ты умеешь, чего ищешь, о чем мечтаешь?

Юноша задумался, отпустил руку девушки и, чуть отодвинувшись от нее, сказал:

– Я умею читать и писать на фарси и хинди, считать и искать дорогу по звездам, ходить под парусом и сражаться копьем и мечом, знаю законы и понимаю толк в камнях. Я придумал инструмент для измерения расстояний и поисков севера в любое время суток. Я мечтаю прославиться, но не хочу стать правителем какой-либо области, как мой отец.

– Почему же ты не остался в доме отца, а пришел в этот жалкий караван-сарай?

– Отца оклеветали и по приказу Шахиншаха казнили, наш дом отобран в казну, все близкие в тюрьме или бежали. Я должен был бежать тоже.

– Ты мечтаешь отомстить? Хочешь восстановить справедливость?

– Нет, это невозможно, я мечтаю найти свою судьбу и славу, построить свой дом и родить сына, которого можно назвать славным именем моего отца.

– А чего хочет твоя половина, девушка, которую ты привел в мой дом?

– Мы встретились в дороге, она согревала мне постель, готовила пищу, пела и танцевала передо мной во время долгого пути. Ее никогда не учили высоким наукам, и только два дня назад она поняла, что следует молчать, когда разговаривают мужчины до тех пор, пока к тебе не обратятся с вопросом.

– О чем ты мечтаешь? – обратился Шамир к девушке.

– Стать ему женой, родить и вырастить детей и, может быть, хотя это и не разрешается женщине, научиться лечить людей.

Юноша не выдержал:

– Ты мечтаешь о несбыточном, мои родители никогда бы не одобрили столь неравного брака, да и сам я не смогу достаточно долго сохранить любовь к простой женщине, как бы ни были горячи наши сегодняшние объятия. Семья и дети могут стать узами и помешают мне достичь славы.

– Почтеннейший, – обратился он к Шамиру, – что говорят твои звезды о моем предназначении и моей высокой судьбе? Помоги мне скорее выйти на свою дорогу, и я с лихвой верну тебе долг и за себя, и за эту девушку, которой ты сможешь найти подходящего мужа.

– Если ты хочешь добиться истинного успеха, тебе нужна жена, которая будет твоей опорой и вдохновением. Женщина и дети, которые гордятся тобой, твоим делом и твоим именем, как ты гордишься своим отцом, – это самое большое счастье и самый главный стимул на долгом пути к успеху. Предательство и вероломство завистливых друзей, крушение надежд и горечь ошибок ожидают мужчину на трудных тропах, ведущих к славе, чем бы он ни занимался. Только теплый дом, согретый любящей женщиной и детьми, помогают ему сохранить силы и все пройти.

– Помоги мне найти такую жену.

Шамир улыбнулся:

– Не мужчина выбирает женщин, а женщина – мужчину. Именно поэтому Бог в более раннем возрасте наградил будущую женщину мудрой зрелостью. Мужчина идет за влечением и страстью, которую выбравшая его женщина помогает переплавить в истинную любовь; а тебя уже выбрали.

– Шамир, почтеннейший, но ведь Коран запрещает правоверным брать в жены женщину, познавшую мужчину.

– Не запрещает, но требует очищения, и разве она не очистилась перед Богом и тобой за ваше долгое путешествие через пустыню.

– Но я не смогу любить всю жизнь такую простую женщину, мне будет неинтересно с ней, как этого не видят твои звезды?

– Звезды видят все, и каждому дан закон и право выбора. Тебе посчастливилось встретить свою половину, такой шанс выпадает раз в сто лет одному из тысячи, и если ты его упустишь, то никогда не сумеешь простить себя и подняться. Ты говоришь про любовь, а что ты про нее знаешь? Любовь – не просто чувство, это живая ткань, путь, действие. Это совместный труд двоих, труд сердца, души и ума. Пока двое идут, пока каждый из них развивается и совершенствуется в своем предназначении, помогая друг другу, живет и любовь. Даже когда плотские утехы утратили былую остроту ощущений, дети и совместный труд сохраняют ощущение полноты жизни и такую совместную привязанность, которая значит даже больше, чем та любовь, о которой обычно пишут и рассказывают в романах люди, ее не познавшие.

Юноша задумался и сказал:

– Я не могу пока понять и принять твоего совета. Может быть, твоя мудрость настолько глубока, что я не вижу в ней дна, как у колодца в твоём оазисе. Как может быть мне опорой на пути девушка, которая не может написать своего имени?

– А ты научи её читать и писать. И ты увидишь, что труд, вложенный в это обучение, дополнительным светом окрасит ваши ночи.

– Но она хочет учиться быть лекарем, а мне нужна жена.

– Пройди с ней по лугам и горным тропинкам, всмотришься в растения и цветы, которые она будет собирать для лечения людей, и ты познаешь иную красоту и иную мудрость бытия, которые согреют и укрепят ваши узы.

– А когда же я буду заниматься своим делом? Когда буду искать свой путь?

– Помогая ей и вглядываясь в живую ткань природы, ты увидишь и поймешь вещи, которых тебе не хватает, чтобы выбрать твое предназначение. Для этого лишь надо в этих путешествиях за лекарственными злаками превратиться в такого же послушного ученика, каким будет она, когда ты будешь учить её школьной премудрости. Вглядываясь в себя во время медитации, ты, если будешь честен, увидишь немало не только прекрасного, но и отвратительного. Но твое отражение в глазах любящей женщины поможет тебе принять себя таким, какой ты есть, и постепенно двигаться к духовному совершенствованию.

– Учитель, а если я пренебрегу твоим советом? На три-пять лет приму обет безбрачия и все свои силы посвящу строительству своего будущего и благополучия?

– Немало людей, пришедших сюда за счастьем и за советом, предлагали такое решение. Считанные единицы из них были готовы внутренне к принятию обета безбрачия и к пострижению в монахи. Остальные бежали за карьерой, скрашивая свой досуг случайными знакомствами и улаживая плоть случайными связями. В никуда идут эти караваны. И не вижу я Божьего благословения путнику, растрчивающему так свои силы и пренебрегающему дарами, посланными ему небом. Впрочем, иди в отведенные тебе комнаты. Нельзя в первый же вечер решать столь сложные вопросы, а твоя подруга пусть идет на женскую половину, чтобы завтра вечером мы могли бы устроить праздник с танцами и костром.

– Ты хочешь сказать, что она будет одна танцевать перед священным костром?

– С ней будут танцевать самые умелые из моих домашних.

– А я?

– А ты умеешь танцевать?

– Она меня немножко учила.

– Ну что ж, если твои таланты в танцах так же хороши, как в науках, или если любовь и ощущение её движений помогут тебе справиться со всеми сложностями ритуального танца, я, может быть, разрешу тебе танцевать вместе с ней.

– Но ведь ритуальный танец – одно из основных условий получения благословения Богов в этом месте, как мне говорили.

– Ты действительно образованный юноша. Но только в том случае сможешь ты станцевать в ближайшем будущем ритуальный танец, если твоя подруга поможет тебе освоить основные па и будет подсказывать тебе порядок танца, идя в нем за твоей спиной и помогая возглавить процессию.

– За сколько дней ты сможешь меня научить? – обратился юноша к девушке.

Девушка обратилась к Шамиру вместо ответа:

– Как долго учат этот танец молодые люди, пришедшие к тебе обычно?

– От шести месяцев до полутора лет, – ответил Шамир, – живут они в нашем оазисе, помогают в хозяйственных работах и каждый день принимают участие в молитвах и разучивают элементы древних ритуальных танцев.

– Я научу тебя за три месяца, – сказала девушка, – если ты будешь таким же послушным и старательным учеником, каким был во время нашего путешествия через пустыню.

– А за это время, – сказал Шамир, – моя жена и дочери помогут тебе познакомиться с основными лечебными травами и способами их сбора и обработки, познакомят тебя с целителем, который все время живет в оазисе как отшельник, и я попрошу его стать твоим наставником в этом трудном деле.

– Так мы остаемся в оазисе на три или четыре месяца? – спросила девушка, обращаясь к юноше.

Тот, подумав несколько минут, кивнул. А Шамир сказал:

– Вы устали с дороги, идите, помойтесь и отдохните в приготовленных для вас комнатах, а через два часа я приглашаю вас к столу со свежим пловом и фруктами. И не торопись, – сказал он, обращаясь к юноше, – говорить ни да, ни нет, принимая решения, ибо за эти четыре месяца ты должен изучить не только ритуальные танцы, но и самого себя и познакомиться совсем по-иному с той девушкой, которая грела тебе постель весь долгий путь до оазиса и которую ты так и не рассмотрел за все ваши ночи.

Звезды

Однажды вечером Ревекка, дочь очень известного миллионера, пришла к своему отцу. Она села на свое любимое место около камина и молча ожидала, когда папа обратит на нее внимание. Пожилой магнат улыбнулся, отложил в сторону бумаги и спросил:

– Почему моя единственная дочь и наследница снова, как маленький ребенок, сидит на детской скамеечке у камина и боится сказать слово, чтобы ее не выставили из кабинета? С чего это вдруг к тебе вернулась твоя детская стеснительность? Чего ты ждешь и чего ты хочешь?

– Папа, я не знаю, как тебе объяснить. Ты знаешь ведь, что я рассталась с Джеки?

– Конечно, знаю, только не знаю, почему.

– Мне понравился другой, и я хочу, чтобы ты выдал меня за него замуж. У тебя ведь хватит для этого денег и влияния?

– Ну, предположим, хватит, хотя я не знаю пока, о ком ты говоришь. Но я не совсем понимаю, для чего нужно такой девушке, как ты, выходить замуж, используя средства и влияние папы.

– Ну, ты не понимаешь. Прежде всего, он сам не знает, что я хочу за него выйти замуж.

– Постой, а он с тобой-то знаком?

– Только как с одной из многих. Ведь это ж сам Льюис – король рока и победитель всех последних конкурсов! Это звезда экрана, и вокруг него всегда толпа фанатов, и даже существует клуб его поклонниц. Не могу же я идти к нему через этот дурацкий клуб.

– И ты хочешь, чтоб я для тебя проложил к нему дорогу?

– Да, конечно. Это именно то, что я хочу.

– Девочка, ты помнишь, кто я по специальности?

– Конечно. Финансист.

– Нет, родная, финансистом я стал после смерти твоей мамы, когда некому было возглавить дело. И для этого мне пришлось окончить еще один университет и очень много работать. А до того, как мама умерла, ведь ты помнишь, тебе тогда было двенадцать, я работал в королевской обсерватории имени Эббота и наблюдал звезды. Я хочу тебе сказать, что всякий человек, всякая планета или всякая малая звезда, попадая в поле притяжения звезды, падает на нее и сгорает или превращается в невидимого холодного и темного спутника, свет которого только отражение света светила.

– Но ведь люди не звезды.

– А разве не так же меркнут личности фанатов этих несчастных людей, ошивающихся около искусства?

– Ты знаешь, в бездонном космосе горит бесконечное количество звезд, многие из которых и ярче, и больше нашего солнца. В шаровых скоплениях и в спиральных галактиках мы наблюдаем множество двойных звезд. Те из звездных пар, которые включают близкие по величине и температуре звезды, вращающиеся вокруг общего центра тяжести, имеют хороший шанс на длительное и светлое существование. Но горе неравным. Каждый год мы открываем все новые и новые случаи каннибализма, когда крупная звезда или черная дыра стягивает на себя материю и энергию с более слабых соседей. И я не хочу тратить свои силы и наши деньги, чтобы тебя съела, поглотила эта черная дыра по имени «звезда рока».

– Папа, но я его очень люблю. Что же мне делать?

– Что значит люблю? Как Джека? Больше? Меньше?

– Я не знаю. Просто очень. Я очень хочу быть с ним.

– Замечательно. Срочно иди и становись звездой в любом деле, потому что иначе все будут говорить, что Льюис женится на деньгах, а ты на славе.

– Мне наплевать на его славу. Мне просто нравятся его песни и то, как он двигается, поет, одевается.

– А, теперь мне понятно, почему ты сменила свой гардероб. Но, знаешь, прежде чем дальше обсуждать эту проблему, возьми и пригласи в ресторан или на концерт, или просто сходи на вечеринку с любым человеком, который видит твоего ненаглядного Пресли без эполет и света рамп. И после этого мы вернемся к этому разговору. Поверь мне, мне не жалко ни денег, ни сил для твоего счастья, но своими руками отдать тебя на заклатие, так сказать, королю я не готов.

– Что значит «так сказать»?

– Только то, что ни ты, ни я пока не знаем реально этого человека и знакомы только с его имиджем, созданным сценой. Мой жизненный опыт и пол мешают мне разделить твое увлечение. С другой стороны, я не имею права говорить о нем что-нибудь плохое, пока не узнаю его.

Через две недели Ревекка снова пришла к папе в кабинет.

– Я каталась на горных лыжах, – сказала она, – и подружилась с его капельдинером (служгой). Он сказал, что этот человек – домашний деспот и тиран, который ненавидит любого, кто осмеливается не восхищаться без конца его творчеством и не поет ему дифирамбы. Он сказал также, что уже многие девушки пытались закрепиться в его доме в качестве супруги, но в конце концов он всех выбрасывал и кричал, что он не позволит никому превращать его нечеловеческий труд и высокое искусство в дойную корову для похотливых баб и их помета.

– Правда, – добавила девушка, – может быть, столь жесткая оценка связана с тем, что этот господин сам не прочь на мне жениться. Я ему не объясняла, чья я дочь и почему выбрала в напарники по школе слаломы именно его.

– Но и в чем же теперь состоит твоя просьба? – спросил папа.

– Я хочу, чтобы ты пригласил его на один из званых обедов в вашем клубе и представил ему меня. Я хочу танцевать с ним. Я хочу проверить, смогу ли я увидеть, почувствовать под сценическим костюмом его тело и душу.

– Хорошо, – сказал папа. – Если ты не просишь выдать тебя замуж за этого человека, мы без проблем можем его накормить и вынести его в течение вечера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.